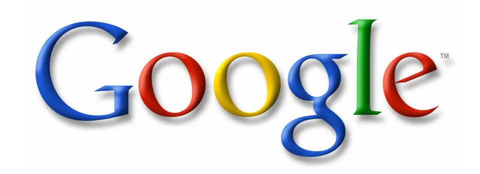
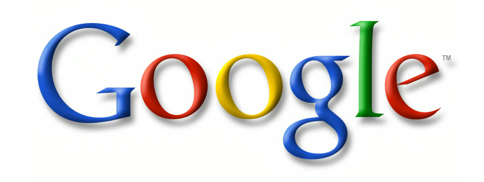

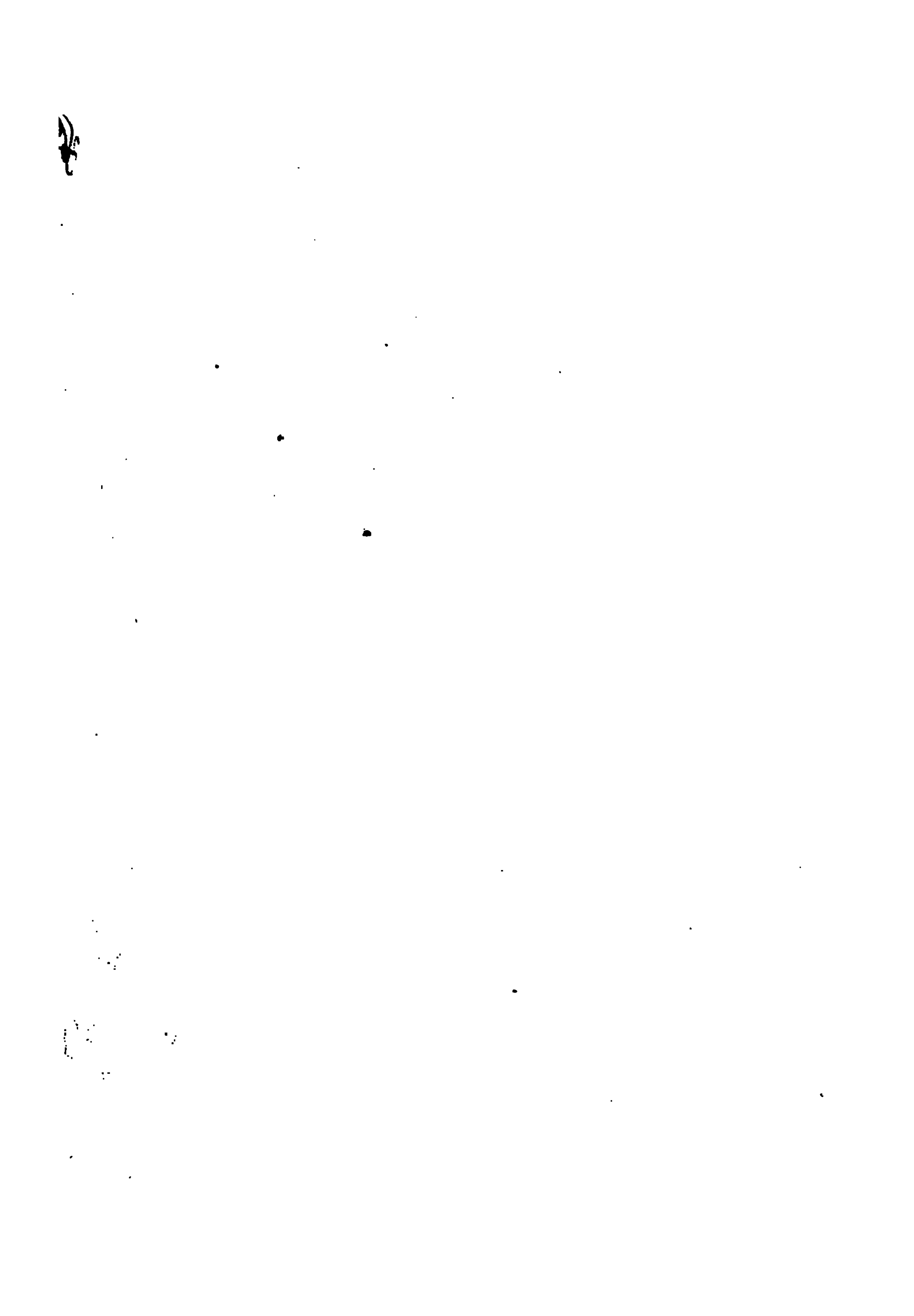

17
5. А/3
III

П. Столыпинъ.

ВАРШАВА И ВАРШАВЯНЕ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ

Вл. Михневича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1881.

Эта книга вызвана возникшимъ въ данную минуту у насъ и у поляковъ стремленіемъ къ взаимному сближенію и установленію какого нибудь modus vivendi между обществомъ русскимъ и польскимъ.

Съ обѣихъ сторонъ признано благовременнымъ, какъ для насъ, такъ и для поляковъ, разобраться въ томъ хаосѣ взаимныхъ недоразумѣній, взаимнаго непониманія и недовѣрія и искуственно-возбужденной взаимной непріязни, который съ давняго времени характеризуетъ наши родственныя съ ними сношенія.

Словомъ, съ обѣихъ сторонъ созрѣла потребность объединенія и, такъ называемаго, „примиренія“.

Но примиреніе мыслимо только при условіи взаимнаго пониманія и ознакомленія другъ съ другомъ, относительно чего ощущается, къ сожалѣнію, замѣтный пробѣлъ какъ въ нашей, такъ и въ польской современной литературѣ.

Думается, что прежде, чѣмъ сооружать храмъ братства, необходимо изслѣдовать почву, на которой онъ будетъ воздвигнутъ, и прежде, чѣмъ заключать родственный союзъ, необходимо поближе присмотрѣться къ милому брату, поразспросить его и уразумѣть, что онъ за человѣкъ, какіе у него виды и планы, откуда и куда онъ идетъ, чтобы не оказалось потомъ съ перваго же шага, что у насъ съ нимъ разныя дороги.

Въ желаніи посильно отвѣтить этому требованію русскаго читателя, мы и издаемъ предлагаемыя свѣжія наблюденія и замѣтки о Варшавѣ и варшавянахъ.

Михневичъ.

I

Вступительныя замѣтки.

Кто изъ русскихъ и зачѣмъ ѣздитъ въ Варшаву?—Мои спутники по вагону.—Моя миссія.—Легкій полетъ въ область исторіи.—Физіономія Варшавы съ казовой стороны.—Похв альное слово русской государственности. — Наша общественная немощь. — Рознь между русской и польской интеллигенціями. Новая струя примиренія.—Мораль сей басни.

Подъѣзжая жаркимъ лѣтнимъ полднемъ къ Варшавѣ, въ петербургскомъ почтовомъ поѣздѣ, я не безъ умысла постарался поближе присмотрѣться и ознакомиться съ моими спутниками. Меня интересовало — кто, да кто и съ какими цѣлями держитъ путь въ бывшую столицу Пястовъ и Ягеллоновъ?

Чуть не половину вагона занялъ какой-то армейскій кавалерійскій полковникъ съ многочисленнымъ семействомъ, весьма храбро отстаивавшій излишне занятые для собственнаго комфорта диваны отъ вторженія постороннихъ пассажировъ. Оказалось, что онъ возвращался изъ отпуска къ своей «части», стоящей близъ Варшавы.

Ѣхало еще нѣсколько представителей военнаго элемента, холостыхъ и женатыхъ, и ѣхало также «по казенной надобности» или «по обязанностямъ службы».

Ѣхало два или три чиновника, вновь опредѣлившихся на службу въ Царствѣ Польскомъ, по различнымъ вѣдомствамъ, и хранившихъ на своихъ физіономіяхъ и въ манерахъ отпечатокъ какой-то мрачной оффиціальности, вполнѣ, впрочемъ, подобающей энергическимъ патріотамъ, посвятившимъ себя великой миссіи «обрусенія».

Возвращался ѣздившій въ Петербургъ по торговымъ дѣламъ исконный варшавянинъ—ополяченный еврей, необыкновенно умильно и предупредительно всѣмъ улыбавшійся и расточавшій своимъ сосѣдямъ направо и налѣво разныя маленькія услуги.

Такіе спутники, очень пріятные въ началѣ дороги, подъ конецъ ея, обыкновенно, дѣлаются нѣсколько тошны своей приторностью.

Въ числѣ другихъ возвращавшихся туземцевъ обращалъ еще вниманіе на себя какой-то «прусскій подданный», невообразимо наглый и глупый нѣмецъ, портившій воздухъ въ вагонѣ прескверными сигарами и оказывавшійся, послѣ каждой продолжительной остановки поѣзда у станцій съ буфетами, въ состояніи «besaufen».

Въ этомъ состояніи, сѣвъ въ вагонъ, онъ начиналъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, бранить на своемъ діалектѣ Россію и русскихъ,. не слушая возраженій и не стѣсняясь даже сосѣдствомъ суровыхъ «обрусителей».

Ѣхало нѣсколько чахлыхъ, гемороидальныхъ петербуржцевъ обоего пола, направлявшихся чрезъ Варшаву заграницу—въ «теплые края» для возстановленія разстроеннаго здоровья. Эти, значитъ, не шли въ счетъ моихъ настоящихъ спутниковъ, имѣвшихъ цѣлью Варшаву съ ея окрестностями.

Ѣхалъ, наконецъ, вашъ покорнѣйшій слуга, въ качествѣ вольнаго, беззаботнаго туриста, никакихъ, ни казенныхъ, ни приватныхъ «надобностей» не преслѣдовавшаго и никакими патріотическими миссіями не обремененнаго.

Я ѣхалъ въ Варшаву, можно сказать, для *самой* Варшавы, такъ какъ до этого я въ ней никогда еще не бывалъ, хотя давно очень ею интересовался.

Меня влекло на этотъ разъ просто чувство инстинктивной племенной родственности къ полякамъ, жажда новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній, ради отдыха и развлеченія, а затѣмъ уже—въ видѣ побочной задачи, между скобокъ—желаніе наглядно провѣрить при случаѣ и расширить, въ видахъ отчасти историко-публицистическихъ, кое-какіе, накопившіеся за послѣднюю *славянолюбивую* эпоху на днѣ сознанія каждаго русскаго человѣка, итоги и транспорты:

«Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ»...

Это, повторяю, было у меня между прочимъ...

Такимъ образомъ, какъ можете заключить изъ набросанной здѣсь бѣглой характеристики моихъ спутниковъ, изъ числа ихъ я одинъ только представлялъ собою на этотъ разъ, такъ или иначе, независимый элементъ россійской общественности, независимо отъ всякихъ «высшихъ видовъ» и «предначертаній» вступавшій въ независимыя сношенія съ Варшавой и ея обитателями. Все-же остальное, ѣхавшее туда вмѣстѣ со мною изъ Россіи (не считая туземцевъ), принадлежа къ служебному міру, ѣхало, очевидно, ради карьеры и по волѣ начальства, слѣдственно, въ данномъ случаѣ представляло собою исключительно элементъ русской государственности.

Я останавливаю ваше благосклонное вниманіе на этомъ обстоятельствѣ, потому что нахожу его весьма характеристическимъ и поучительнымъ, въ чемъ мы найдемъ еще впереди не одинъ случай убѣдиться.

Я, конечно, не могу утверждать, чтобы такой же составъ пассажировъ, направляющихся извнутри Россіи въ Варшаву и, вообще, въ Царство Польское, былъ непремѣнно во всѣхъ поѣздахъ и на всѣхъ дорогахъ, и чтобы русскіе люди, подобно мнѣ, путешествующіе туда въ качествѣ независимыхъ добровольцевъ, были такъ ужь на диво рѣдки. Не имѣя точныхъ данныхъ для такого вывода, я могу только допускать его ex abrupto, на основаніи частныхъ фактовъ и отрывочныхъ наблюденій. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, весьма выразительны.

Напримѣръ, многіе изъ соотечественниковъ и варшавянъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, изъявляли иногда очень наивное удивленіе, когда узнавали, что я пріѣхалъ въ Варшаву не для какой-нибудь «казенной надобности», даже не по коммерческимъ или тяжебнымъ дѣламъ, а пріѣхалъ просто—самъ по себѣ, безъ всякой, повидимому, надобности. Внѣ службы и коммерціи, для этихъ людей непонятны и немыслимы какіе-бы то ни было иные интересы и отношенія, могущіе привлекать русскаго человѣка въ среду варшавскаго общества и пріобщать къ его жизни. Объ интересахъ чисто-интеллектуальныхъ не идетъ даже и рѣчи.

Есть, правда, нѣсколько искусственныхъ пунктовъ соприкосновенія, созданныхъ въ горячее время господства призрака «польщизны»; но, кажется, реальность ихъ стала нѣсколько призрачной въ послѣдніе дни даже въ зоркихъ глазахъ газетныхъ «объединителей». На любимомъ когда-то и ретивомъ конькѣ «сепаратизма» они

что-то давненько ужъ не выѣзжаютъ, всего-же рѣже — къ песчанымъ берегамъ Вислы... Оно и понятно: бѣдный одеръ былъ сильно «запаленъ» въ свое время и ныньче сталъ слабъ на ноги....

Во всякомъ случаѣ, теперь едва-ли кто нибудь станетъ утверждать, чтобы въ «обрусеніи», такъ называемаго, привислянскаго края принимало дѣятельное участіе русское общество и чтобы въ этомъ дѣлѣ сколько нибудь ярко выразилось воздѣйствіе нашей національной культуры. Хорошо это или худо, но оспаривать факта нельзя.

Строго говоря, это всегда такъ было и иначе быть не могло, по весьма простой причинѣ: Россія съ давнихъ поръ была могуча силами государственными и очень слаба общественными и культурными.

Вся наша исторія есть, собственно, исторія внѣшняго созданія лишь и «собиранія» государства, за заботами о которомъ, поглощавшими всѣ народныя силы, у насъ не оставалось уже ни досуга, ни умѣнья устроиться у себя дома. Мы искони умѣли завоевывать «царства и народы», умѣли крѣпко удерживать разъ завоеванное; но на прочную, естественную ассимиляцію и «обрусеніе» своихъ завоеваній насъ не хватало, потому именно, что въ нашемъ распоряженіи не было надлежащаго, единственно-надежнаго для этого цемента — культуры.

Безсиліе наше въ этомъ отношеніи особенно рельефно сказывалось по отношенію къ такимъ «возсоединеннымъ» землямъ, въ которыхъ была уже, до нашего господства, своя, европейская культура, стоявшая на значительной высотѣ развитія, по сравненію съ нашей собственной.

Отсюда-то и возникала иногда печальная необходимость прибѣгать, для достиженія данной цѣли, къ системѣ суроваго принужденія, къ исключительнымъ государ-

ственно-административнымъ мѣрамъ, которыя, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могли замѣнить плодотворно-мирнаго, культивирующаго воздѣйствія общества, не могли дать, слѣдовательно, желанныхъ результатовъ.

При иномъ складѣ и болѣе высшемъ уровнѣ силъ общественныхъ, самый вопросъ объединенія и слитія получилъ-бы совершенно другое разрѣшеніе, да въ сущности и самого вопроса такого не было-бы, въ смыслѣ, какой-нибудь предвзятой, канцелярски-оформленной схемы, осуществляемой предписаніями и мѣрами строгости. Если ужь неизбѣжно поглощеніе одной національности другою, если необходимо приведеніе всѣхъ составныхъ разноплеменныхъ ингредіентовъ государственнаго цѣлаго къ одному знаменателю, то процессъ этотъ тогда только можетъ быть дѣйствителенъ, проченъ и жизнененъ, когда основывается на широкомъ развитіи и обобщеніи интересовъ духовныхъ и культурно-экономическихъ, одинаково близкихъ и дорогихъ населенію всей страны, безъ различія племенъ, словомъ, на созданіи такой истинно-ассимилирующей среды, внѣ которой никому не хотѣлось-бы оставаться ради собственной выгоды.

Это маленькое отступленіе въ сферу общихъ историко-теоретическихъ соображеній намъ необходимо было сдѣлать для истиннаго уразумѣнія сущности сложившихся отношеній между нами и поляками, а также для опредѣленія прочности связывающаго насъ съ ними цемента.

Возвращаюсь къ Варшавѣ. Можетъ быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не представляется такъ рельефно, не поражаетъ такъ своей крѣпостью и непреклонностью наша государственная сила, какъ въ Варшавѣ. Мощная рука власти, твердо и непоколебимо сдерживающая туго натянутыя бразды, видна во всемъ. Красующійся въ

центрѣ города монументъ князю Паскевичу воздвигнутъ здѣсь не напрасно.

Въ воинственной, повелительной и твердой бронзовой статуѣ знаменитаго фельдмаршала краснорѣчиво выразилось какъ-бы олицетвореніе этой власти: въ ней читаешь какъ-бы исторію всего того, что было здѣсь сдѣлано и какъ было сдѣлано Россіей въ данномъ отношеніи.

А сдѣлано здѣсь государственной рукой очень много, для безповоротнаго подчиненія, успокоенія и присоединенія края. Я не буду перечислять всѣхъ предпринятыхъ для этого мѣръ и ихъ результатовъ: они хорошо извѣстны всѣмъ. Говорю только о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ.

Снаружи Варшава производитъ иллюзію русскаго губернскаго города — не болѣе. Повсюду на стѣнахъ и на вывѣскахъ русскія надписи *).

Повсюду—въ магазинахъ, въ ресторанахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, при обращеніи по-русски, слышится въ отвѣтъ руская рѣчь, конечно, тоже, какъ и на вывѣскахъ, болѣе или менѣе ломанная.

---

*) Правда, между ними попадаются довольно курьезныя, по своей этимологіи и орфографіи. Напримѣръ, въ александровскомъ паркѣ—стало быть въ казенномъ мѣстѣ,—на столбѣ написано запрещеніе, сперва по польски—«łamac drzewa», откуда въ русскомъ переводѣ получилось—«*ломать дрова*». Затѣмъ, я видѣлъ вывѣску на щеточномъ магазинѣ съ двумя надписями: «szczotki i miotełki», по русски—«Щеты и метели» (т. е. щетки и метелки). Очень часто попадаются въ Варшавѣ вывѣски, рекомендующія: «kawa gospodarska», «Flaki gospodarskie» и т. д., и, вотъ, на одной вывѣскѣ явился такой переводъ этимъ снадобьямъ на русскій языкъ: «кофе хозяйскій» (это еще — туда, сюда) и «внутренности хозяйскія» (т. е. рубцы—что ужь очень двусмысленно)...

Прекрасные, величественные, съ золочеными куполами, православные храмы, монументы и памятники русскому имени и русской славѣ, масса правительственныхъ учрежденій русскаго склада, русскіе двуглавые орлы, русскіе мундиры на каждомъ шагу, совершенно порусски обставленное и поруски дисциплинированное теченіе внѣшней городской жизни, со всѣми ея функціями,—все это заставляетъ васъ чувствовать, что вы просто въ русскомъ городѣ, бдительно и твердо управляемомъ.

Всеобъемлемость и строгая послѣдовательность проведенной здѣсь во всемъ государственной системы — изумительны. И тѣмъ болѣе изумляешься и какъ то внутренно сжимаешься передъ этой государственной мощью, поставившею на своемъ, не взирая ни на какія препятствія, что видишь ее одинокой въ ея гигантской работѣ: вліяніе русской, чисто-общественной стихіи здѣсь безъучастно, если не въ полномъ отсутствіи.

Выйдите изъ сферы внѣшнихъ формальныхъ отношеній, обусловленныхъ оффиціальной обязательностью, поищите *внутреннюю* самобытно-естественную нить, связывающую наше общество съ обществомъ польскимъ, — вы ее не найдете и, кажется, на этотъ счетъ никто—ни тамъ, ни здѣсь—не обманывается.

И тамъ, и здѣсь одинаково чувствуется и признается полное отчужденіе и разъединеніе интересовъ и стремленій, не только національныхъ (о нихъ ужь и говорить нечего!), но и чисто-интеллектуальныхъ, общественныхъ, политическихъ. Не смотря на нашу внѣшнюю близость, на наше кровное родство съ поляками, мы имъ чужіе, и они намъ чужіе, мы ихъ не знаемъ и они насъ не знаютъ...

Хуже всего, то что очень долго ни съ той, ни съ другой стороны не видно было почти никакаго желанія

взаимно сблизиться и короче узнать другъ друга. Это съ особенной болью рѣзало глаза, именно въ наши дни—дни увлеченій славянствомъ и великихъ кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ для торжества славянской идеи, для освобожденія и духовнаго объединенія разобщенныхъ вражьей силой сыновъ славянской семьи... Тутъ-то и чувствовалось всего сильнѣе что-то недоговоренное и обойденное, что-то фальшивое въ пережитой нами бурной, столь богатой красивыми словами и патріотическими кликами, эпохѣ увлеченія славянскимъ вопросомъ.

Указанное взаимное отчужденіе между нами и поляками проходитъ не только въ массѣ, но и въ верхушкахъ общества. И тамъ, и здѣсь интеллигенція гораздо больше интересуется тѣмъ, что дѣлается въ какой-нибудь Японіи, чѣмъ въ близкой родственной странѣ. Чего-бы, казалось проще и естественнѣе войти въ независимыя полюбовныя сношенія на почвѣ, напр., литературной; но что-же мы видимъ?

— Признаюсь, — сказалъ мнѣ въ минуту откровенности одинъ варшавскій полякъ-литераторъ:—я въ *вашей* литературѣ знаю, люблю и уважаю только Пушкина и Тургенева...

Разумѣется, гораздо больше есть такихъ интеллигентныхъ поляковъ, которые даже и этихъ нашихъ знаменитостей не знаютъ, не любятъ и не уважаютъ... А мы сами развѣ больше знаемъ польскую литературу, хотя она, несомнѣнно, одна изъ наиболѣе богатыхъ, качественно и количественно, въ ряду славянскихъ литературъ?!.

Только въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ нашихъ холодныхъ отношеніяхъ съ поляками потянуло согрѣвающей струей сближенія и примиренія; но, какъ-то, съ перваго-же шагу эти «хорошія» слова опошли-

лись и самый вопросъ перешелъ на абстрактную почву разныхъ историко-теоретическихъ, нерѣдко мелочныхъ, споровъ и счетовъ, не разрѣшаясь никакими практическими результатами. Впрочемъ, это и совершенно понятно.

Чтобы примиренiе и сближенiе состоялось на дѣлѣ, необходимо прежде всего устраненiе мѣшающихъ имъ разъединительныхъ препонъ и взаимныхъ недоразумѣнiй, необходимо погашенiе затянувшихся счетовъ и долговыхъ обязательствъ. Такихъ счетовъ накопилось у насъ съ обѣихъ сторонъ довольно, хотя, покамѣсть, ни одна сторона не хочетъ признать ихъ обязательность для себя, по крайней мѣрѣ, въ той или другой части.

Поляки полагаютъ, что мы передъ ними кругомъ въ долгу и — ждутъ расплаты, какъ первой необходимой попытки для братскаго соглашенiя и мира.

— Отдайте намъ, — говорятъ они, — то, что вы отъ насъ отняли и безъ чего жить намъ тяжело, безъ чего сознающее себя общество не можетъ считать себя нормально-поставленнымъ и удовлетвореннымъ въ самыхъ насущныхъ духовно-нацiональныхъ потребностяхъ. Мы немногаго требуемъ. Политическiя иллюзiи и фикцiи, которыя намъ такъ дорого обошлись, насъ больше не волнуютъ; мы добровольно отъ нихъ отказались и, съ этой стороны, вамъ опасаться за насъ нечего. Отдайте намъ на первый разъ хоть одни примитивныя права умѣренно-свободной политической жизни: напр., полное право гражданства нашему родному языку, право суда присяжныхъ, право земскаго самоуправленiя, право безцензурной печати и т. подобныя, не Богъ вѣсть какiя еще великiя права, которыми вы сами уже пользуетесь... Миръ и соглашенiе мыслимы только между равнымъ и равнымъ; но какже вы хотите отъ насъ забвенiя старой

вражды и братскаго единенія, если, по отношенію къ вамъ, мы—угнетенные и опальные, если вы не торопитесь сгладить, на каждомъ шагу напоминающую намъ враждебныя отношенія, глубокую политическую и правовую рознь, лежащую между вами и нами?

Таковъ общій смыслъ желаній и претензій, предъявляемыхъ намъ «благоразумными» поляками, и конечно, съ своей точки зрѣнія, они совершенно правы. Въ этомъ вполнѣ согласна съ ними и лучшая часть нашей интеллигенціи, насколько она выражается въ печати. Безъ сомнѣнія, и само правительство расположено облегчить исключительное, тѣсное положеніе привислянскаго края; но здѣсь у него каждый разъ напоминаютъ о себѣ собственные его свѣжіе счеты къ полякамъ—счеты, тоже слишкомъ вѣскіе и выразительные, чтобы торопиться предать все старое забвенію и раскрыть братскія объятія.

Оставляя въ сторонѣ отвѣтственность за прошлое, за справедливость или несправедливость исторической судьбы, сложившей такъ, а не иначе наши междуплеменныя отношенія съ поляками, Россія въ настоящее время поставлена въ роковую необходимость принять положеніе вещей въ томъ видѣ, въ какомъ ей завѣщала его исторія, и прежде всего позаботиться о самой себѣ— о своемъ спокойствіи и безопасности.

Становясь на точку зрѣнія государственнаго самосохраненія, необходимо, прежде, чѣмъ рѣшиться протянуть масличную вѣтвь, заручиться необходимыми гарантіями, что мы ввѣряемся искреннимъ друзьямъ, а не замаскированнымъ личиной братства недругамъ.

Таково, по крайней мѣрѣ, должно быть требованіе государства и, кажется, государство у насъ такимъ, именно, соображеніемъ и мотивируется, въ своей осто-

рожной и сдержанной, по части льготъ и уступокъ, политикѣ въ привислянскомъ краѣ.

Въ оправданіе такой политики, если не принципіальное, то историческое, есть много доводовъ. Даже такой испытанный и горячій другъ поляковъ, какъ г. Спасовичъ, призналъ какъ-то, что система «обезнароживанія» ихъ можетъ быть отмѣнена только «съ той минуты, когда дознано будетъ, что поляки *основательно и окончательно отказались отъ своихъ мечтаній о самобытности.*» Но вполнѣ-ли это дознано?...

Впрочемъ, наше общество въ этомъ случаѣ сангвиничнѣе правительства, какъ это обыкновенно бываетъ. Среди образованныхъ русскихъ людей—друзей поляковъ очень много и, даже несомнѣнно, что мы, говоря вообще, гораздо искреннѣе и сердечнѣе въ нашихъ добрыхъ чувствахъ къ полякамъ, чѣмъ они къ намъ. Впрочемъ, это весьма естественно и—въ укоръ польскому сердцу мы этого не ставимъ. Мы—побѣдители, они—побѣжденные... Въ этомъ все объясненіе!

Такимъ образомъ, благодаря этимъ симпатіямъ и созрѣвающему общественному самосознанію, у насъ возникла идея о необходимости сближенія и примиренія, на почвѣ либеральныхъ уступокъ. Поляки на нее откликнулись... Что изъ этого выйдетъ и выйдетъ-ли что нибудь—покажетъ будущее! Несомнѣнно, однако, что мало по малу начинаетъ взаимно выработываться программа такого сближенія, какъ это можно заключить по раздающимся все чаще и чаще примирительнымъ голосамъ съ обѣихъ сторонъ, въ такомъ, напр., родѣ:

«Какой смыслъ оскорблять и раздражать народъ и общество русскіе?»—спрашивалъ недавно «Dziennik Poznański», съ укоромъ обращаясь къ своимъ львовскимъ

собратамъ, изощряющимся въ оскорбительныхъ выходкахъ противъ Россіи.

«Постоянное называніе русскихъ «москалями»,—говоритъ далѣе познанская газета,—выставленіе на видъ ихъ недостатковъ, пренебрежительное отношеніе съ высотъ галицкой цивилизаціи къ московской темнотѣ и т. д.,—ни къ чему хорошему привести не могутъ. Будущія судьбы «колосса на глиняныхъ ногахъ» могутъ быть различны, но народъ русскій все-таки останется, и мыслящая часть его, раньше или позже, получитъ вліяніе на дѣла политическія. Уже и теперь русская печать имѣетъ извѣстное вліяніе на ходъ дѣлъ въ государствѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что прежде всего намъ нужно хорошо узнать своего сосѣда, его наклонности, характеръ, недостатки и особенности, признать, что онъ сильнѣе насъ, и избѣгать всего, что можетъ вывести его изъ терпѣнія—не колоть постоянно булавками его пятокъ и не лаять безустанно изъ-за забора».

«Правда, та система, которая практикуется теперь по отношенію къ намъ въ Россіи, оправдываетъ до извѣстной степени тотъ тонъ, котораго держатся, обращаясь къ русскимъ, восточная Галиція. Но не нужно забывать и того, что системы мѣняются (вѣдь и галицкая рѣзня происходила не въ доисторическія времена и министръ Землковскій могъ-бы много интересныхъ вещей поразсказать объ австрійскихъ казематахъ). Постоянное же издѣвательство можетъ только укоренить либо усилить народную ненависть, которая проходитъ не скоро».

«Когда мы,—говоритъ по поводу того-же вопроса о «сближеніи» одинъ серьезно-взглянувшій на дѣло русскій публицистъ,—безпечно засыпая въ теченіи тридцати слишкомъ лѣтъ (1830—1863), проглядѣли, какъ подъ наружною гладью всѣ устои власти были подточены и рук-

нули и какъ образовался глубокій внутренній нарывъ, то отвѣтственность за этотъ результатъ могла почти всецѣло лежать на Россіи оффиціальной, а не на той, которая только наблюдаетъ, мыслитъ и пишетъ, не занимая никакого оффиціальнаго положенія. Нынѣ времена сильно измѣнились; общественное мнѣніе, печать, голосъ страны, оказываютъ, не рѣшающее, правда, а косвенное, но все-таки ощутительное вліяніе на общій ходъ политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Притомъ Россія значительно выросла и созрѣла въ теченіи послѣдняго полувѣка, съ 1830 г.; разница въ уровняхъ между двумя культурами уменьшилась, точки соприкосновенія въ общечеловѣческомъ увеличились. Обѣ націи стоятъ одна къ другой лицомъ и лучше понимаютъ, кто другъ, кто недругъ каждой изъ нихъ. Въ былыя времена онѣ сближались только на флангахъ, революціонеры польскіе сговаривались съ русскими, русскіе крѣпостники протягивали руку польской знати; нынѣ настало время сближенія умѣренныхъ срединъ на общечеловѣческой почвѣ, въ либеральномъ духѣ».

Такое желанное «сближеніе», по всѣмъ вѣроятіямъ, рано или поздно устроится, и дай Богъ, чтобы оно устроилось ко взаимному благу родственныхъ національностей!

Но пока все это—одни отвлеченные разговоры, одни pia desideria, въ своемъ родѣ—невещественныя отношенія, до сихъ поръ не ознаменовавшіяся и не скрѣпленныя какими-бы то ни было вещественными знаками, хотя-бы даже въ той степени, въ какой, напр., установились у насъ связи съ неславянскими западно-европейскими обществами. Довольно указать на то обстоятельство, о которомъ я мелькомъ упомянулъ выше, а именно, что самая идея непосредственнаго «сближенія», ради

собратамъ, изощряющимся въ оскорбительныхъ выходкахъ противъ Россіи.

«Постоянное называніе русскихъ «москалями»,—говоритъ далѣе познанская газета,—выставленіе на видъ ихъ недостатковъ, пренебрежительное отношеніе съ высотъ галицкой цивилизаціи къ московской темнотѣ и т. д.,—ни къ чему хорошему привести не могутъ. Будущія судьбы «колосса на глиняныхъ ногахъ» могутъ быть различны, но народъ русскій все-таки останется, и мыслящая часть его, раньше или позже, получитъ вліяніе на дѣла политическія. Уже и теперь русская печать имѣетъ извѣстное вліяніе на ходъ дѣлъ въ государствѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что прежде всего намъ нужно хорошо узнать своего сосѣда, его наклонности, характеръ, недостатки и особенности, признать, что онъ сильнѣе насъ, и избѣгать всего, что можетъ вывести его изъ терпѣнія—не колоть постоянно булавками его пятокъ и не лаять безустанно изъ-за забора».

«Правда, та система, которая практикуется теперь по отношенію къ намъ въ Россіи, оправдываетъ до извѣстной степени тотъ тонъ, котораго держится, обращаясь къ русскимъ, восточная Галиція. Но не нужно забывать и того, что системы мѣняются (вѣдь и галицкая рѣзня происходила не въ доисторическія времена и министръ Землковскій могъ-бы много интересныхъ вещей поразсказать объ австрійскихъ казематахъ). Постоянное же издѣвательство можетъ только укоренить либо усилить народную ненависть, которая проходитъ не скоро».

«Когда мы,—говоритъ по поводу того-же вопроса о «сближеніи» одинъ серьезно-взглянувшій на дѣло русскій публицистъ,—безпечно засыпая въ теченіи тридцати слишкомъ лѣтъ (1830—1863), проглядѣли, какъ подъ наружною гладью всѣ устои власти были подточены и рух-

нули и какъ образовался глубокій внутренній нарывъ, то отвѣтственность за этотъ результатъ могла почти всецѣло лежать на Россіи оффиціальной, а не на той, которая только наблюдаетъ, мыслитъ и пишетъ, не занимая никакого оффиціальнаго положенія. Нынѣ времена сильно измѣнились; общественное мнѣніе, печать, голосъ страны, оказываютъ, не рѣшающее, правда, а косвенное, но все-таки ощутительное вліяніе на общій ходъ политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Притомъ Россія значительно выросла и созрѣла въ теченіи послѣдняго полувѣка, съ 1830 г.; разница въ уровняхъ между двумя культурами уменьшилась, точки соприкосновенія въ общечеловѣческомъ увеличились. Обѣ націи стоятъ одна къ другой лицомъ и лучше понимаютъ, кто другъ, кто недругъ каждой изъ нихъ. Въ былыя времена онѣ сближались только на флангахъ, революціонеры польскіе сговаривались съ русскими, русскіе крѣпостники протягивали руку польской знати; нынѣ настало время сближенія умѣренныхъ серединъ на общечеловѣческой почвѣ, въ либеральномъ духѣ».

Такое желанное «сближеніе», по всѣмъ вѣроятіямъ, рано или поздно устроится, и дай Богъ, чтобы оно устроилось ко взаимному благу родственныхъ національностей!

Но пока все это—одни отвлеченные разговоры, одни pia desideria, въ своемъ родѣ—невещественныя отношенія, до сихъ поръ не ознаменовавшіяся и не скрѣпленныя какими-бы то ни было вещественными знаками, хотя-бы даже въ той степени, въ какой, напр., установились у насъ связи съ неславянскими западно-европейскими обществами. Довольно указать на то обстоятельство, о которомъ я мелькомъ упомянулъ выше, а именно, *что самая* идея непосредственнаго «сближенія», ради

успокоиваться на внѣшнихъ иллюзіяхъ и ви-
ько дальше выставленныхъ наружу декора-
онецъ, понимаетъ, что глубокія индивиду-
ды, проведенныя многовѣковой исторіей въ
ерѣ и міровоззрѣніи даннаго культурнаго
праются однимъ почеркомъ пера и не
дуновеніемъ, будь самаго порывистаго,
аго урагана.
орой я говорю, это—удивительная упру-
ть мѣстнаго національнаго элемента, со
рически-сложившимися особенностями,
дициями и даже предразсудками!
альнаго города и, если хотите, болѣе
да, какъ Варшава, невозможно себѣ

филъ и не панславистъ; но мнѣ кажется,
который, дѣйствительно, любитъ сла-
ковое, безъ гегемоническихъ тенденцій
янофильскаго толка, преданъ его идеѣ
етъ ея торжества, въ смыслѣ укрѣпле-
ти всей славянской рассы, во всѣхъ ея
жившихся видоизмѣненіяхъ, на такого
ршава должна производить чрезвычайно
око-отрадное впечатлѣніе.
яки очень хорошо сознаютъ и чувствуютъ
свое значеніе въ сла... й семьѣ. Ихъ
въ числѣ заслугъ и ... ь былой Поль-
ть въ счетъ и то, ... не со вре-
рла Великаго и ... время, ведетъ
римую, по мѣрѣ ... орьбу съ герма-
всегда стрем... ремящимся понынѣ
ь сопредѣлы ... скія племена. Они
то По... іи многихъ вѣковъ съ

II.

Значеніе Варшавы польско-національное и общеславянское.

Еще одна характеристическая черта Варшавы.—Значеніе Варшавы, какъ одного изъ центровъ славянства.—Разнорѣчіе во взглядахъ на этотъ вопросъ нашихъ славистовъ.—Любовь варшавянъ къ своему родному.—Дань гражданскимъ заслугамъ по сю и по ту сторону Нѣмана.

Выше я указалъ, какъ на отличительную черту *внѣшней* физіономіи Варшавы, на лежащій въ ней повсюду рѣзкій и твердый отпечатокъ желѣзной руки нашей государственной власти, неуклонно проведшей всеобъемлющую суровую систему вызванныхъ печальной необходимостью репрессалій, въ духѣ безусловнаго господства русскаго элемента надъ мѣстнымъ—польскимъ.

Теперь я отмѣчу другую, не менѣе характеристическую, но, такъ сказать, *внутреннюю* черту Варшавы.

Черта эта, составляя противоположность вышеуказанной, какъ лишенная санкціи и только терпимая, читается, какъ-бы, между строкъ строго процензурованнаго текста, просвѣчиваетъ и просачивается сквозь плотную, жесткую сѣтку оффиціальной регламентаціи, мѣстами-же бьетъ неудержимымъ ключемъ. Наблюденію она поддается не сразу, а только по ближайшемъ знакомствѣ съ варшавянами и ихъ жизнью.

Впрочемъ, ея присутствіе здѣсь должно само собой подразумѣваться и чувствоваться для всякаго, кто не

способенъ успокоиваться на внѣшнихъ иллюзіяхъ и видитъ нѣсколько дальше выставленныхъ наружу декорацій, кто, наконецъ, понимаетъ, что глубокія индивидуальныя борозды, проведенныя многовѣковой исторіей въ жизни, характерѣ и міровоззрѣніи даннаго культурнаго племени, не стираются однимъ почеркомъ пера и не вывѣтриваются дуновеніемъ, будь самаго порывистаго, извнѣ налетѣвшаго урагана.

Черта, о которой я говорю, это—удивительная упругость и живучесть мѣстнаго національнаго элемента, со всѣми его исторически-сложившимися особенностями, вѣрованіями, традиціями и даже предразсудками!

Болѣе національнаго города и, если хотите, болѣе славянскаго города, какъ Варшава, невозможно себѣ представить...

Я—не полонофилъ и не панславистъ; но мнѣ кажется, что на человѣка, который, дѣйствительно, любитъ славянство, какъ таковое, безъ гегемоническихъ тенденцій московскаго славянофильскаго толка, преданъ его идеѣ и искренно желаетъ ея торжества, въ смыслѣ укрѣпленія самобытности всей славянской рассы, во всѣхъ ея естественно-сложившихся видоизмѣненіяхъ, на такого человѣка — Варшава должна производить чрезвычайно сильное и глубоко-отрадное впечатлѣніе.

Сами поляки очень хорошо сознаютъ и чувствуютъ свою роль и свое значеніе въ славянской семьѣ. Ихъ историки, въ числѣ заслугъ и достоинствъ былой Польши, ставятъ въ счетъ и то, что она, чуть не со временъ Карла Великаго и по настоящее время, ведетъ непримиримую, по мѣрѣ своихъ силъ, борьбу съ германизмомъ, всегда стремившимся и стремящимся понынѣ поглотить сопредѣльныя ему славянскія племена. Они полагаютъ, что Польша, въ теченіи многихъ вѣковъ съ

успѣхомъ отстаивая свою политическую и національную самостоятельность отъ неустаннаго, подавляющаго напора великаго тевтонскаго Drang nach Osten, тѣмъ самымъ сослужила серьезную службу крѣпкаго оплота всему славянству отъ нѣмцевъ.

Хотя въ новѣйшее время борьба эта ведется далеко не въ пользу польской народности, и германизмъ сдѣлалъ уже громадныя и невозвратимыя завоеванія въ предѣлахъ даже коренной Польши, тѣмъ не менѣе указанная историческая заслуга послѣдней передъ славянствомъ едва-ли можетъ быть оспариваема, какъ не оспаривается дальновидными и безпристрастными мыслителями современная важность бытія и развитія польской національности въ общихъ интересахъ того-же славянства. Совершенно основательно Г. Пыпинъ замѣтилъ какъ-то въ «Вѣстникѣ Европы», что, «если-бы предположить у насъ, такъ называемую *славянскую политику*, то одной изъ главнѣйшихъ ея задачъ была-бы *охрана* западнаго польскаго края отъ наступающей нѣмецкой волны»; а такъ какъ «*обрусеніе* не спасаетъ отъ онѣмеченія, то требовалось-бы, вообще, *совсѣмъ иное* отношеніе къ началу народности, чѣмъ какое имѣется теперь.» Какое, именно, требовалось-бы «отношеніе» — ясно само по себѣ; но мы позволимъ себѣ привести, для большаго освѣщенія этого вопроса, еще слѣдующія строки другаго публициста изъ газеты «Порядокъ» (Выше мы уже разъ ссылались на него):

«Главную статью въ современномъ польскомъ вопросѣ составляетъ языкъ; пока эта статья не урегулирована, надъ неулаженными національными отношеніями будетъ висѣть дамокловымъ мечемъ грозный призракъ обрусенія и будетъ существовать неотразимое доказательство того, что славянская идея, поставленная на знамени

главенствующаго народа, отрицается имъ на практикѣ въ примѣненіи къ одной весьма важной отрасли племени.—Мы ставимъ языкъ во главѣ программы потому, что онъ предметъ самый общій, вопросъ самый легкій, не затрогивающій никакихъ матеріальныхъ интересовъ, даже казну не разоряющій ни на копѣйку. Онъ гораздо важнѣе унизительнаго для поляковъ служащихъ неравенства ихъ въ сравненіи съ чиновниками русскаго происхожденія; онъ важнѣе и 4 процентовъ для дѣтей польскаго происхожденія, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, и даже важнѣе извѣстнаго закона 10 декабря 1865 года, котораго несомнѣнными результатами является только нажива подъячимъ, обиліе процессовъ, остановка русскаго землевладѣнія, не дѣлающаго успѣховъ и держащагося на точкѣ замерзанія, даже искусственное пониженіе цѣнъ на земли въ сравненіи съ тѣми, какія были-бы, еслибъ законъ этотъ пересталъ существовать».

Вотъ первая, такъ сказать, настоятельная посылка для установленія того «*совсѣмъ иного* отношенія», которое проповѣдуютъ наши благомыслящіе публицисты, серьезно и безпристрастно разсматривающіе польскій вопросъ, съ точки зрѣнія русскихъ и общеславянскихъ интересовъ.

Особенно много пролилъ свѣта, для истинннаго пониманія этого вопроса съ русской точки зрѣнія, своими трезвыми и добросовѣстными изслѣдованіями г. Пыпинъ.

Возражая г. В. Ламанскому, проектировавшему что-то, въ родѣ поголовнаго «обрусенія» всѣхъ славянъ, и враждебно относящемуся, между прочимъ, къ полякамъ за то именно, что они, болѣе другихъ славянъ, вѣрны своей племенной индивидуальности и своему языку, г. Пыпинъ говоритъ: «У насъ до сихъ поръ не хотятъ

понять *эту* сторону національной жизни и думаютъ объяснять только непониманіемъ, даже зложелательствомъ, эту упрямую привязанность къ своему старому родному. Напротивъ, здѣсь сказывается глубочайшій инстинктъ національной стихіи,—изъ него именно исходитъ все то, что поражаетъ наблюдателя въ славянскомъ возрожденіи, что дало народамъ силу подняться изъ гибели, повидимому, уже близкой и неотвратимой. Съ этимъ инстинктомъ надо обращаться очень бережно»...

Но этого не хотятъ понять, въ своей ученой слѣпотѣ, наши славянолюбцы, или, точнѣе сказать, византійцы, въ родѣ г. В. Ламанскаго и Кояловича, которые, во что-бы ни стало, порываются притянуть за шиворотъ всѣхъ славянъ къ одному знаменателю, утопить ихъ въ своемъ пресловутомъ «морѣ» и обработать всѣхъ на одну колодку, по собственному рецепту и фасону. Пока, они классифицируютъ славянъ, съ гнѣвной нетерпимостью какихъ-то непризнанныхъ «отцевъ» и менторовъ всей славянской семьи, на козловъ и овновъ, сообразно тому, въ какой мѣрѣ тѣ или другіе славяне удобны и согласны на предлагаемую обработку и «обрусеніе»...

Тотъ-же г. Ламанскій, такъ, повидимому, пламенно преданный славянству, такъ ревностно озабоченный его цѣлостью, его торжествомъ надъ чужеяднымъ германизмомъ,—посмотрите, съ какой злобной нетерпимостью, съ какимъ пренебреженіемъ относится къ польской національности, къ польскому языку и къ польской письменности! Горячій другъ славянъ, онъ не можетъ простить полякамъ то, что они смѣютъ продолжать оставаться поляками (изъ того-же лагеря ихъ за этотъ грѣхъ напрямки заклеймили *измѣнниками* славянству), и, въ своемъ озлобленіи, готовъ отдать ихъ на съѣденіе нѣм-

цамъ; по крайней мѣрѣ, откровенно радуется быстрому онѣмечиванію польскихъ земель *).

Но оставимъ этихъ слѣпотствующихъ мудрецовъ, порадуемся тому, что среди насъ есть, слава Богу, зрячіе, что ихъ спокойное, трезвое слово начинаетъ понемногу забирать силу надъ славянофильскимъ чревовѣщаніемъ, и возвратимся къ Варшавѣ.

Повторяю, что, познакомившись ближе съ этимъ городомъ, его нельзя не признать однимъ изъ самыхъ яркихъ, сильныхъ и самыхъ жизненныхъ центровъ современнаго славянства, благодаря, именно, тому, что онъ въ высшей степени націоналенъ.

Чтобы опредѣлить яснѣе эту характеристическую черту Варшавы, я не могу придумать болѣе точнаго выраженія, какъ сказать, что каждый варшавянинъ-полякъ *влюбленъ* въ свою національность, въ ея прошлое и во все то, что носитъ ея печать, влюбленъ со всею жгучею страстностью любви несчастной. Это сказывается рѣшительно во всемъ—и въ важномъ, и въ мелочахъ.

Подобно истинно влюбленному, хранящему, какъ святыню, каждую вещицу своей возлюбленной, каждое о ней воспоминаніе, поляки ревниво собираютъ и оберегаютъ малѣйшіе остатки своей старины и неизмѣнно остаются вѣрны своему національному культу въ языкѣ, въ религіи, въ нравахъ и обычаяхъ, словомъ, во всемъ томъ, что составляетъ «родину».

Патріоты они единственные; репутація «добраго поляка» (dobry polak) признается наиболѣе почетной, и каждая частная слава, на какомъ-бы ни было поприщѣ отечественной дѣятельности, почти немыслима въ гла-

---

*) См. статью г. В. Ламанскаго въ Рус. «Вѣстникѣ» за 1879 г.

II.

Значеніе Варшавы польско-національное и общеславянское.

Еще одна характеристическая черта Варшавы.—Значеніе Варшавы, какъ одного изъ центровъ славянства.—Разноречіе во взглядахъ на этотъ вопросъ нашихъ славистовъ.—Любовь варшавянъ къ своему родному.—Дань гражданскимъ заслугамъ по сю и по ту сторону Нѣмана.

Выше я указалъ, какъ на отличительную черту *внѣшней* физіономіи Варшавы, на лежащій въ ней повсюду рѣзкій и твердый отпечатокъ желѣзной руки нашей государственной власти, неуклонно проведшей всеобъемлющую суровую систему вызванныхъ печальной необходимостью репрессалій, въ духѣ безусловнаго господства русскаго элемента надъ мѣстнымъ—польскимъ.

Теперь я отмѣчу другую, не менѣе характеристическую, но, такъ сказать, *внутреннюю* черту Варшавы.

Черта эта, составляя противоположность вышеуказанной, какъ лишенная санкціи и только терпимая, читается, какъ-бы, между строкъ строго процензурованнаго текста, просвѣчиваетъ и просачивается сквозь плотную, жесткую сѣтку оффиціальной регламентаціи, мѣстами-же бьетъ неудержимымъ ключемъ. Наблюденію она поддается не сразу, а только по ближайшемъ знакомствѣ съ варшавянами и ихъ жизнью.

Впрочемъ, ея присутствіе здѣсь должно само собой подразумѣваться и чувствоваться для всякаго, кто не

способенъ успокоиваться на внѣшнихъ иллюзіяхъ и видитъ нѣсколько дальше выставленныхъ наружу декорацій, кто, наконецъ, понимаетъ, что глубокія индивидуальныя борозды, проведенныя многовѣковой исторіей въ жизни, характерѣ и міровоззрѣніи даннаго культурнаго племени, не стираются однимъ почеркомъ пера и не вывѣтриваются дуновеніемъ, будь самаго порывистаго, извнѣ налетѣвшаго урагана.

Черта, о которой я говорю, это—удивительная упругость и живучесть мѣстнаго національнаго элемента, со всѣми его исторически-сложившимися особенностями, вѣрованіями, традиціями и даже предразсудками!

Болѣе національнаго города и, если хотите, болѣе славянскаго города, какъ Варшава, невозможно себѣ представить...

Я—не полонофилъ и не панславистъ; но мнѣ кажется, что на человѣка, который, дѣйствительно, любитъ славянство, какъ таковое, безъ гегемоническихъ тенденцій московскаго славянофильскаго толка, преданъ его идеѣ и искренно желаетъ ея торжества, въ смыслѣ укрѣпленія самобытности всей славянской рассы, во всѣхъ ея естественно-сложившихся видоизмѣненіяхъ, на такого человѣка — Варшава должна производить чрезвычайно сильное и глубоко-отрадное впечатлѣніе.

Сами поляки очень хорошо сознаютъ и чувствуютъ свою роль и свое значеніе въ славянской семьѣ. Ихъ историки, въ числѣ заслугъ и достоинствъ былой Польши, ставятъ въ счетъ и то, что она, чуть не со временъ Карла Великаго и по настоящее время, ведетъ непримиримую, по мѣрѣ своихъ силъ, борьбу съ германизмомъ, всегда стремившимся и стремящимся понынѣ поглотить сопредѣльныя ему славянскія племена. Они полагаютъ, что Польша, въ теченіи многихъ вѣковъ съ

И что жь? Провожать его гробъ собралось, какъ писали, два съ половиною человѣка...

Сказать мимоходомъ, въ этомъ отношеніи, намъ стоило-бы кое-чему поучиться у нашихъ привислянскихъ «братьевъ», грѣшныхъ, можетъ быть, во многомъ, но ужь никакъ не въ равнодушіи къ своимъ отечественнымъ героямъ труда, знанія и искусства.

III.

Варшава, какъ городъ.

Общая физіономія Варшавы.—Говорящіе камни.—«Старый городъ» и «пивница» Фукера.—Анекдотъ à propos.—Варшавскія постройки, мостовыя и извощики.—Уличная жизнь.—Костелы.

Для русскаго человѣка, не бывавшаго за границей, Варшава, по своей внѣшности, производитъ съ перваго раза впечатлѣніе иностраннаго города. Въ ней, кромѣ мѣстной своеобразности, несомнѣнно больше *европейскаго*, чѣмъ въ нашихъ, даже большихъ городахъ. Но, конечно, для насъ она интересна и поучительна вовсе не тѣми чертами, которыми она соприкасается съ Европой. Мы пріѣхали искать и наблюдать въ ней то, что въ ней есть *своего*, польскаго, національнаго... Станемъ-же производить наши поиски!

Варшавянинъ-полякъ, если-бы даже искренно хотѣлъ забыть свое національное прошлое, физически не могъ-бы этого достигнуть, хотя-бы съ потерею памяти: ему о немъ на каждомъ шагу кричали-бы и говорили-бы *камни* роднаго города, въ буквальномъ смыслѣ слова!

Въ этомъ отношеніи въ Варшавѣ почти каждый камень, разумѣя городскіе памятники и зданія, есть, своего рода, живое слово длинной скорбной лѣтописи прошлой жизни не только одного варшавскаго, но и, вообще, всего польскаго общества. И между этими, какъ-бы, кристаллизоваными лѣтописными «словами», не смотря на разрушительное дѣйствіе времени и несчастныхъ обстоятельствъ, сохранилось не мало такихъ, которыя краснорѣчиво напоминаютъ лучшіе, наиболѣе блестящіе моменты польской исторіи.

Можетъ-ли варшавянинъ ихъ не замѣчать, или перестать ихъ понимать?

Я хотѣлъ этимъ сказать, что Варшава, будучи древнимъ историческимъ городомъ, съумѣла такимъ остаться, въ своихъ сооруженіяхъ и, вообще, въ своемъ внѣшнемъ видѣ, до нашихъ дней.

Уже при первомъ, бѣгломъ знакомствѣ съ нею, безъ проводниковъ и указателей, на каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ, вы невольно, такъ сказать, осязаете сѣдину вѣковъ, лежащихъ на этихъ стѣнахъ, портикахъ, фронтонахъ, колоннахъ, шпицахъ, куполахъ...

А, напр., такъ называемый «Старый городъ» (Stare miasto) производитъ совершенную иллюзію средневѣковаго готическаго «бурга»: кривыя, тѣсныя, почти карикатурныя улицы, въ которыхъ не только двумъ экипажамъ, но, кажется, и двумъ прохожимъ трудно разойтись, не столкнувшись носомъ къ носу, высокіе, островерхіе, кургузые дома съ узенькими окнами, напоминающими бойницы, средневѣковая грязь, средневѣковая патріархальность въ образѣ жизни обывателей, даже попадаются совершенно среднѣвѣковые костюмы и физіономіи. Здѣсь есть дома, помнящіе времена Яггелоновъ;

есть и более древніе, которые, притомъ, до сихъ поръ сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Но самый выразительный и самый замѣчательный въ «Старомъ городѣ» остатокъ древности — это великолѣпный, въ строгомъ готическомъ стилѣ, Свѣнтоянскій костелъ, первоначально заложенный въ XIV столѣтіи. Костелъ этотъ особенно почитается варшавянами-католиками и, быть можетъ, главнымъ образомъ потому, что онъ болѣе другихъ сохранилъ слѣды отдаленнаго національнаго прошлаго.

Взгляните на этотъ грандіозный потемнѣвшій отъ времени, артистической рѣзьбы, пресбитеріумъ—онъ поставленъ иждивеніемъ славнаго Яна Собѣсскаго, и вамъ станетъ понятно, что образъ короля-«богатыря», во всемъ своемъ воинственномъ антуражѣ, неотразимо встаетъ самъ собой передъ глазами богомольнаго варшавянина, каждый разъ, какъ онъ преклонаетъ здѣсь колѣни...

Вотъ со стѣнъ глядятъ, то тамъ, то здѣсь, типичныя «сарматскія» физіономіи, въ старинныхъ національныхъ костюмахъ,—портреты похороненныхъ здѣсь историческихъ дѣятелей, памятныхъ именами и заслугами; а вотъ въ углубленіяхъ стѣнъ распростерты во весь ростъ закованные въ кольчуги мраморные рыцари — надгробные памятники князей Мазовецкихъ, Понятовскихъ, Малаховскихъ и др. Это все краснорѣчивые *камни-глаголы* прошлаго, если можно такъ выразиться, ни на минуту не дающіе варшавянину забыть ни это прошлое, ни то, что оно было такъ не похоже на настоящее.

Я, конечно, не стану васъ утомлять описаніемъ варшавскихъ древностей и достопримѣчательностей, болѣе или менѣе каждому извѣстныхъ; но, заговоривъ о вар-

шавскомъ «Старомъ городѣ», позволю себѣ, не выходя изъ него, сводить васъ на минутку къ *Фукеру.*

«Фукера» знаетъ вся Варшава, до малаго дитяти; знаютъ о немъ многіе и за ея предѣлами, да онъ и заслуживаетъ такой популярности... Это одинъ изъ наиболѣе характеристическихъ и замѣчательныхъ остатковъ мѣстной старины.

Подъ именемъ «Фукера» извѣстенъ винный погребъ, принадлежащій фирмѣ этого имени. Фирма эта одна изъ самыхъ старинныхъ въ Варшавѣ: ей болѣе 200 лѣтъ; славится-же она преимущественно старыми венгерскими винами и медами, составлявшими, какъ извѣстно, національные напитки былой Польши.

Я видѣлъ эту сокровищницу прихотливаго старо-польскаго Вакха, далеко оставившаго за собою, какъ свидѣтельствуетъ исторія, своего эллинскаго прототипа, своими поистинѣ богатырскими подвигами; видѣлъ, благоговѣйно удивлялся и вышелъ оттуда съ увѣренностью, что ничего подобнаго нигдѣ и никогда больше не увижу...

Аматеръ и знатокъ винограднаго нектара, очутившись въ мрачныхъ, насквозь пропитанныхъ сыростью и копотью, сплошь затянутыхъ по стѣнамъ мхомъ, паутиной и грибовидными паразитами, катакомбахъ «пивницы» Фукера, долженъ непремѣнно прійти въ вящшее художественно-гастрономическое умиленіе. Не особенное диво для него, конечно эта почтенная четырехсотлѣтняя грязь и нечисть на уродливо выведенныхъ, совершенно циклопической постройки, стѣнахъ и сводахъ погреба,—его должны благоговѣйно потрясти до глубины утробы эти, вотъ, безобразными грудами возвышающіяся на толстыхъ полусгнившихъ дубовыхъ полкахъ страннаго вида бутылки!.. Впрочемъ, точно-ли это бутылки?—Вы видите передъ собой какую-то безформенную, черную, махрово-

бархатную массу, скомканную изъ хлопьевъ грязной паутины... Страхъ до нея дотронуться, такъ она съ виду отвратительна!.. Кое-гдѣ изъ нея высовываются какія-то уродливыя куколки въ кудлатыхъ парпчкахъ... Присмотрѣвшись ближе, вы, наконецъ, различаете въ этихъ сугробахъ паутины и пыли сложенныя рядами бутылки; при этомъ васъ невольно поражаетъ вопросъ: сколько-же лѣтъ должны были онѣ пролежать здѣсь не тронутыми, чтобы успѣть одѣться въ свое мягкое, пухлое одѣяло? Какой промежутокъ потребовался для времени на тканье этого одѣяла?.. Мы обратились за разъясненіемъ къ нашему обязательному проводнику.

Оказалось, что у Фукера есть коллекціи бутылокъ венгерскаго, до которыхъ не дотрогивалась человѣческая рука цѣлыя столѣтія! Намъ показывали здѣсь почтенныхъ старушекъ, на стеклянныхъ плечахъ которыхъ лежитъ около 300 лѣтъ!.. Передъ этими антиками, видѣнныя нами тутъ-же вина разливовъ начала и средины XVIII столѣтія, уже не кажутся большой рѣдкостью... За то и цѣна имъ *античная*, а именно—50 рублей бутылочка, величиной въ одеколонный флаконъ!

Понятно, что всѣ бутылки этого архаическаго нектара наперечетъ и заслуживали-бы того, чтобы готскій альманахъ велъ имъ подробную вѣдомость и помѣщалъ у себя ихъ некрологи. Это тѣмъ болѣе, что, кромѣ Фукера, какъ говорятъ, нигдѣ въ Европѣ—ни въ одномъ погребѣ, нельзя уже найти нынче трехсотлѣтняго «венгржина»... Такая, по крайней мѣрѣ, сложилась слава о фукеровской «пивницѣ» между варшавянами, а въ какой степени достовѣрна фукеровская хронографія—это, конечно, дѣло совѣсти.

Несомнѣнно одно, что если, вообще, старое венгерское вино не мифъ въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ фаль-

сификацій, то правдоподобнѣе фукеровскихъ антиковъ ничего нельзя, въ этомъ отношеніи, придумать. Наиболѣе старинныя коллекціи достались Фукеру въ давнее время, изъ фамильныхъ погребовъ такихъ вельможъ, какъ Потоцкій и «ординаты» гр. Замойскіе. Слѣдовательно, здѣсь, какъ-бы, собраны послѣднія капли того роскошнаго, вакхическаго «разливнаго моря», которое безпредѣльно бушевало въ старой вельможной Рѣчи Посполитой и въ которомъ она, такъ или иначе, топила многое изъ своей гражданственности, потопила, отчасти, и свою самостоятельность... По этому поводу я позволю себѣ вставить здѣсь характеристическій анекдотъ, извѣстный, вѣроятно, немногимъ.

Одному нашему популярному петербургскому историку, много потрудившемуся надъ исторіей Польши, ко дню имянинъ было прислано, въ видѣ пріятельскаго подарка, нѣсколько бутылокъ стараго венгерскаго вина отъ извѣстнаго польскаго писателя, графа Р. При этомъ было прислано письмо, въ которомъ авторъ просилъ имянинника принять, въ знакъ признательности за его изслѣдованія по исторіи Рѣчи Посполитой, приношеніе того самаго вина, которымъ сія послѣдняя *пропила*-де свою «неподлеглость».

Это была, разумѣется, шутка, но сквозь которую проглядываетъ горькая историческая правда.

Чтобы составить себѣ понятіе о новой современной Варшавѣ, стоитъ только изъ «Стараго города» выдти на Краковское предмѣстье — этотъ Невскій проспектъ Варшавы. На этой улицѣ, а также на ея продолженіи— «Новомъ Свѣтѣ», съ боковыми развѣтвленіями, сосредоточивается варшавская городская жизнь, торговля и промышленность. Здѣсь-же находятся и всѣ главнѣйшія

святыни мѣстнаго католицизма, а также общественныя и казенныя учрежденія.

Въ отношеніи архитектуры и внѣшняго благоустройства, Варшава имѣетъ видъ красиваго, богатаго и довольно опрятнаго города. Она хорошо застроена исключительно почти каменными домами, между которыми есть не мало замѣчательныхъ по величинѣ, роскоши и изящной архитектурѣ.

Впрочемъ, варшавская архитектура не отличается типичностью и оригинальностью. Поляки, какъ и другіе славяне, не выработали своего національнаго архитектурнаго стиля, ограничившись заимствованіями западныхъ образцовъ. Принявъ католицизмъ, они приняли также по естественному порядку, для своей церковной архитектуры, вполнѣ сформировавшіеся, въ эпоху крещенія Польши, романскій, а позднѣе—готическій стили. Эти стили преобладаютъ и понынѣ въ архитектурѣ польско-католическихъ церквей въ Варшавѣ, равно—попадаются чаще всего, и въ «гражданскихъ» постройкахъ, хотя въ болѣе или менѣе искаженномъ и смѣшанномъ видѣ.

Очень хороши въ Варшавѣ мостовыя, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ улицахъ, вымощенныхъ въ перемежку съ асфальтомъ чугунными либо каменными плитами, и только изрѣдка булыжникомъ.

Заговоривъ объ улицахъ, нельзя миновать извощиковъ. Варшавскіе извощики, «дружки», вполнѣ удовлетворительны, особенно по сравненію съ нашими, петербургскими. У нихъ параконныя, весьма удобныя и всегда исправныя двумѣстныя коляски на лежачихъ рессорахъ; упряжь на лошадяхъ «краковская»—легкая, оригинальная и красивая. Особенность ея—рогатый хомутъ, украшенный посеребренными бляхами и такими же бля-

хами унизанный черезсѣдельникъ. Главное-же достоинство варшавскихъ извощиковъ—дешевизна и субординація, въ которой они воспитаны. Возятъ они по таксѣ, которая прибита у каждаго на видномъ мѣстѣ въ экипажѣ, такъ что этимъ устраняются всякія недоразумѣнія, споры и скучные переговоры о цѣнѣ. За каждый *конецъ*, въ десять-ли шаговъ, или въ десять верстъ внутри города, положено 20 коп. Это чрезвычайно дешево; но такъ какъ «концы» въ Варшавѣ большею частью не велики, то отъ такой низкой таксы и интересы извощиковъ, понятно, не страдаютъ.

Вообще, въ Варшавѣ все, что касается жизненныхъ потребностей неособенно дорого, по сравненію съ Петербургомъ. Правда, Петербургъ для опредѣленія сравнительной дешевизны—дистанція слишкомъ ужъ большаго размѣра.

Послушать-же самихъ варшавянъ, особенно экономныхъ отцовъ и матерей многочисленныхъ семействъ,—такъ дороговизна у нихъ страшная. Старожилы говорятъ, что за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ цѣны почти на все удвоились.

Но важно то, что въ Варшавѣ имѣется множество частныхъ и общественныхъ учрежденій, разсчитанныхъ исключительно на потребности и тощій карманъ людей небогатыхъ, но выработавшихъ въ себѣ уже культурныя привычки. И это во всемъ.

Начать, напр., съ продовольствія. Рядомъ съ очень дорогимъ, знаменитымъ и оригинальнымъ варшавскимъ ресторапомъ Стемпковскаго, гдѣ за обѣдъ изъ трехъ блюдъ нужно заплатить рубля два, находится дешевый ресторанъ, гдѣ вамъ подадутъ такой-же обѣдъ за два «злотыхъ» (т. е. за 30 коп.), конечно, низшаго качества. Точно также, рядомъ съ блестящими магази-

нами дорогого бѣлья, платья, обуви и проч., вы находите лавки, предлагающія тѣ-же предметы, того-же фасона и вида, но другаго—менѣе высокаго достоинства, за цѣны крайне умѣренныя. Даже, что касается увеселительныхъ зрѣлищъ, и тутъ индустрія предъусмотрѣла прежде всего ограниченные достатки массы. Во всѣхъ театрахъ и кафе-шантанахъ входная плата чрезвычайно дешева. Равно недороги и предлагаемыя тамъ питія и яства, въ особенности-же пиво, очень любимое варшавянами, средняго и низшаго классовъ.

Здѣсь, словомъ, вы не замѣтите той рѣзкой разницы въ уровняхъ спроса и предложенія предметовъ жизненнаго обихода высшаго и низшаго классовъ, какая весьма ощутительна, напр., въ нашихъ большихъ городахъ и особенно въ Петербургѣ. Это указываетъ, несомнѣнно, на болѣе высокую культурность варшавской массы низшаго слоя, какъ оно есть и на самомъ дѣлѣ.

Варшава имѣетъ весьма оживленный видъ: ея миньятюрныя, сравнительно, напр., съ петербургскими безбрежными «проспектами», улицы сплошь почти унизаны магазинами, ремесленными заведеніями и безчисленными «kawiarniami» (т. е. кофейнями). Вездѣ на перекресткахъ красуются изящные кіоски съ прохладительными напитками, предлагаемыми привѣтливыми продавщицами. Вообще улицы полны движенія и очень людны съ утра до ночи. За то, часовъ въ одинадцать ночи весь городъ спитъ, и даже самыя бойкія улицы совершенно пустѣютъ. Въ этомъ отношеніи Варшава — провинціалка. Вообще, въ ней замѣтно преобладаетъ элементъ трудолюбиваго, бережливаго мѣщанства, крѣпкаго разъ заведенному порядку жизни и отличающагося «умѣренностью и акуратностью» въ своихъ потребностяхъ, въ распоряженіи своими средствами и временемъ.

Праздные люди, которыхъ такъ много, напр., въ Петербургѣ, здѣсь очень рѣдки; еще рѣже встрѣчаются гуляки и кутилы, даже въ мѣстахъ, предназначенныхъ для холостецкой гульбы. Довольно сказать, что, за все мое пребываніе въ Варшавѣ, я почти не видѣлъ ни одного пьянаго. Конечно, люди «пьющіе» есть и здѣсь, но ихъ не видно, потому что въ массѣ созрѣло сознаніе зазорности, если не самаго пьянства, то, по крайней мѣрѣ, «пьянаго вида» на людяхъ. Много значитъ, въ этомъ случаѣ, и религіозность.

Воскресный день высоко чтится здѣсь во всѣхъ классахъ, особенно въ низшихъ, и, такъ какъ варшавяне прежде всего горячіе католики, то праздникъ господень посвящается у нихъ преимущественно молитвѣ.

Для этого имъ служатъ многочисленные мѣстные костелы, изъ которыхъ многіе обширны и великолѣпны. Вообще костелы, составляя главное украшеніе Варшавы, придаютъ ей своеобразную, типично-католическую физіономію. Эти высокіе готическіе портики, со стрѣльчатыми окнами, эти входы, украшенные выразительными статуями: здѣсь—Христа въ гробѣ или Христа въ терновомъ вѣнцѣ, съ страдальческимъ лицомъ, согбеннаго тяжелымъ крестомъ, тамъ—того-же Христа—младенца, въ другихъ мѣстахъ — Матери Божіей въ различныхъ видахъ, св. Іоанна Непомука, св. велкмч. Варвары и пр., наконецъ, мистическій полумракъ внутри храмовъ, подъ сѣнью тяжелыхъ колоннъ и высокихъ арокъ, пышность алтарей, величаво-торжественный гулъ органовъ—все это на каждомъ шагу напоминаетъ варшавянину-католику о несравненной духовной отрадѣ въ бѣдахъ и лишеніяхъ, даруемой «сладчайшимъ» Христомъ (najsłodszy Chrystus)... А полякамъ есть о чемъ помолиться и,— быть можетъ, испытанный ими длинный рядъ тяжелыхъ

лишеній и несчастій и сдѣлалъ ихъ такими религіозными. Религіозность варшавской массы бросается въ глаза.

Всѣ костелы по воскреснымъ днямъ биткомъ набиты богомольцами.

Съ утра вы видите на улицахъ толпы чинно идущихъ, по праздничному разряженныхъ, горожанъ обоего пола съ неизбѣжными молитвенниками въ рукахъ. Для многихъ поляковъ низшаго городскаго слоя, и въ особенности—старшихъ поколѣній, молитвенникъ—единственная книга, которую они читаютъ. Въ костелахъ всѣ, за рѣдкими исключеніями, молятся по молитвенникамъ. Это придаетъ своеобразный характеръ польско-католическому богослуженію. Лица богомольцевъ, сосредоточенныя на боговдохновенномъ чтеніи, имѣютъ видъ благоговѣйной серьезности и какой-то религіозной вдумчивости... Сильное и трогательное впечатлѣніе испытывается, когда эта набожная толпа, въ нѣсколько сотъ голосовъ, запоетъ, подъ торжественные аккорды органа, уныло-монотонныя «литаніи», въ патетическихъ мѣстахъ которыхъ слышится что-то похожее, на вибрирующій рыданіями вопль горючей скорби, жалобы и мольбы, рвущихся изъ тысячи взволнованныхъ грудей. Чтобы почувствовать духовно-религіозную, такъ сказать, температуру поляковъ и что бы понять, что такое для нихъ вѣра и молитва, нужно побывать въ одномъ изъ большихъ варшавскихъ костеловъ во время праздничнаго торжественнаго богослуженія.

Богомольно настроившись въ костелѣ, истый католикъ-варшавянинъ весь день посвящаетъ празднику. Въ дни большихъ праздниковъ прекращаются всякія занятія, большая часть магазиновъ заперта, даже булочныя и пекарни пріостанавливаютъ свою дѣятельность,

даже большая часть извощиковъ не выѣзжаютъ на биржи.

Въ лѣтніе дни, остающаяся за слушаніемъ «мши», часть праздничнаго времени отдается прогулкамъ въ садахъ и паркахъ, которыми изобилуетъ Варшава и ея окрестности.

IV.

Варшавяне.

Составъ населенія.—Варшавскіе евреи.—Евреи ополяченные.—Нѣмцы.—Плутократія. — Промышленный классъ — мѣщане.—Простонародье.—Интеллигенція.—Аристократія. — Русскіе въ Варшавѣ.— Полька - варшавянка.

Населеніе Варшавы, въ этнографическомъ отношеніи, довольно пестрое. Господствующая, матерая масса польской національности значительно разбавлена посторонними примѣсями, въ особенности-же—племенами еврейскимъ и тевтонскимъ. Представителей другихъ народностей, сравнительно, немного въ Варшавѣ. Изъ нихъ, конечно, больше всего русскихъ, но, если изъ общаго числа русскихъ исключить войска мѣстнаго гарнизона, то общая ихъ цифра, на трехсотътысячное населеніе города, составитъ ничтожный процентъ.

За то еврейскій элементъ даетъ себя знать въ Варшавѣ весьма ощутительно даже на простой глазъ. Особенно много евреевъ въ «Старомъ городѣ» и, вообще, въ окраинныхъ бѣднѣйшихъ кварталахъ, такъ какъ масса варшавскихъ евреевъ, не смотря на свою

промышленную юркость и пронырливую дѣятельность, коснѣетъ въ крайней бѣдности и перебивается съ хлѣба на воду. Низшая масса ихъ, какъ вездѣ въ Россіи, сохраняетъ свои традиціонныя черты и свой патріархальный складъ. Даже, можетъ быть, варшавскіе евреи этого слоя консервативнѣе, чѣмъ ихъ собратія въ другихъ мѣстахъ. Въ «Старомъ городѣ» между ними попадаются совершенно архаическія фигуры, по внѣшности и костюму, да и живутъ они тамъ по ветхозавѣтному.

Пройдясь въ ясный лѣтній день по какому нибудь изъ узкихъ, переполненныхъ евреями, переулковъ, цѣлою сѣтью которыхъ пересѣченъ «Старый городъ», можно наблюсти, не заходя въ дома, почти весь житейскій обиходъ этихъ варшавскихъ лаццарони «стараго закона» (starozakonnych). Въ неблаговонной, специфически-еврейской, сказать-бы, атмосферѣ переулка стоитъ громкій гомонъ вѣчно болтающихъ на своемъ гортанномъ жаргонѣ, «гергочащихъ», какъ «дразнятъ» здѣсь христіане еврейскую рѣчь, жидовъ, жидовокъ и жиденятъ, выглядывающихъ изъ оконъ и дверей, и групирующихся оживленными кучками у лавокъ и посреди мостовой. Идетъ какой-то безконечный гвалтъ и суетня:—все это куда-то бѣжитъ, о чемъ-то кричитъ, нервно жестикулируетъ, машетъ руками, плюется, ругается, среди визга и клача ребятъ. Чуются въ этомъ гвалтѣ негармоничныя, надтреснутыя ноты изможденной нуждою, потомственнно измученной всякими напастями, израильской голытьбы, болѣзненно-раздраженной и безпокойно-хищной...

Неряшливость этихъ еврейскихъ кварталовъ и ихъ обитателей соперничаетъ развѣ только съ ихъ-же бѣдностью. Грязные, ветхіе, смрадные дома и лачуги, съ вывѣшенными изъ ихъ оконъ и мансардъ, для провѣтриванія, отвратительно-засаленными «бебехами» (т. е.

перинами) и всякой домашней рванью. Грязная, плохо-вымощенная мостовая, засоренная отбросками, отъ старой заношенной «пантофли» (туфли) до полусгнившихъ кочережекъ. Правда, по срединѣ мостовой проложена, для чистоты, крошечная канавка съ проточной водою, но ей здѣсь задаютъ такую непосильную работу, что она, не будучи въ состояніи смыть всей наваливаемой въ нее нечисти, сама превращается въ зловонную клоаку. За то для многочисленныхъ маленькихъ жиденятъ, толпами кочующихъ на мостовой, эта канавка—предметъ неистощимыхъ забавъ и потѣхъ... Чумазые, оборванные и невообразимо грязные, они полощатся въ ней цѣлый день, какъ утенята, а иной карапузъ—смотришь —расположился тутъ-же, на этой канавкѣ, въ картинной позѣ колосса родосскаго и, съ невозмутимостью истаго «сына природы», отдаетъ неописуемый долгъ ей...

Но это—паріи варшавскихъ обывателей «стараго закона», на самомъ дѣлѣ, крѣпкіе ему до фанатизма. Надъ ними поднимаются слои еврейства болѣе счастливаго и менѣе обособленнаго отъ массы господствующаго населенія, восходя даже до самыхъ рафинированныхъ аристократическихъ верхушекъ сего послѣдняго. Извѣстно, что капиталъ въ Варшавѣ почти всецѣло сосредоточивается въ еврейскихъ рукахъ, въ лицѣ нѣсколькихъ банкировъ съ громкими именами. Точно также и значительная доля мѣстной торговли — достояніе сыновъ Израиля; многіе изъ нихъ промышляютъ и ремеслами, но на этомъ поприщѣ они уже не выдерживаютъ никакого соперничества съ ремесленниками-поляками и нѣмцами въ особенности.

Варшавскіе евреи богатаго и средняго зажиточнаго класса, въ большинствѣ, настолько объевропеились, посредствомъ образованія и внѣшняго образа жизни, что

наружно сливаются съ общей культурной городской массой, выдѣляясь изъ нея развѣ только физіономическими чертами семетическаго типа, а, съ другой стороны, настолько ополячились, что склонны признавать себя *«поляками стараго закона»*, какъ это они и засвидѣтельствовали, нѣкоторымъ родомъ, исторически и, притомъ, довольно искренно и краснорѣчиво. Черта замѣчательная!

Нашъ россійскій еврей, даже просвѣщенный, которому Россія дала все—и образованіе, и видное общественное положеніе и средства къ жизни, обыкновенно — космополитъ и, въ душѣ, ненавидитъ все русское, во всякомъ случаѣ, относится къ русскому народу, къ его болямъ и радостямъ (если-бы послѣднія были), къ его славѣ или безславью, совершенно индифферентно. Россія настолько лишь для него отечество, насколько лежатъ въ ней его личные, эгоистическіе интересы, поскольку она представляетъ благодарное поле для его наживы, для благоденствія его самого и его «фамиліи». Положимъ, такого сорта космополитизмъ — отличительная черта евреевъ всѣхъ странъ, но, завсѣмъ тѣмъ, нельзя не сказать, что нигдѣ культурные евреи (о фанатически-невѣжественной массѣ ужь и говорить нечего!) не чувствуютъ такъ мало нравственнаго родства съ вспоившимъ и вскормившимъ ихъ «отечествомъ», какъ евреи русскіе. Я не говорю о счастливыхъ исключеніяхъ и допускаю даже ихъ многочисленность. Я только сравниваю, въ этомъ отношеніи, нашихъ евреевъ съ ихъ варшавскими братьями. Передъ нами исторически-достовѣрный фактъ: варшавскіе евреи, въ массѣ, заявили себя истыми *полякими-патріотами*... Въ нашихъ-же отечественныхъ лѣтописяхъ, древнихъ и новыхъ, мы такого факта не знаемъ.

По этой-же причинѣ и чисто-этнографическая, пле-

менная ассимиляція евреевъ съ господствующей массой польскаго населенія происходитъ несравненно быстрѣе и въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ у насъ. Ополяченный и окатоличенный еврей въ Варшавѣ — явленіе самое обыкновенное, заурядное. Семетическая кровь такой широкой струей вливается въ польскія жилы, что это ощутительно сказывается даже на постепенно прообразующемся физіономическомъ типѣ городскаго и шляхетскаго населенія привислянскаго края. Даже высшія аристократическія верхушки захватили тамъ уже немалую примѣсь этой крови... И это, безъ сомнѣнія, самое лучшее, радикальное рѣшеніе еврейскаго вопроса!

Такъ или иначе, но варшавскіе культурные евреи это не то, что наши — русскіе. Тѣсно сроднившіеся съ краемъ и съ его интересами, они близко принимаютъ къ сердцу его судьбы и, при ихъ неблагопріятномъ поворотѣ, стремятся оказать посильное вліяніе на ихъ измѣненіе къ лучшему. По роду своихъ торговыхъ занятій и промысловъ, они, безъ сомнѣнія, болѣе всего заинтересованы въ экономическомъ благосостояніи края, а отсюда—въ его мирномъ внутреннемъ развитіи и прочномъ спокойствіи. Такой разсудительный патріотизмъ, конечно, не чуждъ меркантильнаго эгоизма; но, вѣдь, инаго патріотизма и не знаетъ, какая хотите, даже и наихристіаннѣйшая буржуазія.

Съ польско-патріотической точки зрѣнія, въ мѣстныхъ евреяхъ цѣнно то, что они, стремясь по своему призванію, къ капиталистическихъ завоеваніямъ въ области промышленности и торговли, не оказываютъ, по крайней мѣрѣ, парализующаго вліянія на элементъ польско-національный, а, напротивъ, симпатизируютъ ему и даже количественно усиливаютъ его самими собой. Въ этомъ отношеніи имъ нельзя не отдать полнаго предпо-

чтенія, напр., передъ нѣмцами, которые наводняя все болѣе и болѣе привислянскую Польшу, открыто стремятся поработить ее нетолько въ промышленномъ, но и въ національно-политическомъ отношеніи.

Нашъ петербургскій и даже остзейскій нѣмецъ, припорченной тевтонской рассы, потихоньку и полегоньку все таки объединяется и сливается съ русской народностью, разъ попадетъ въ ея среду. Онъ несравненно мягче, податливѣе и пассивнѣе, чѣмъ какой нибудь прирожденный меклембуржецъ или померанецъ, съ сгущенной гордымъ пангерманскимъ патріотизмомъ кровью, съ классической бородой въ стилѣ Барбаруссы, съ звѣрски завинченными усами, надменный и упрямый піонеръ великаго Faterland'а. Таковъ, именно, въ большинствѣ варшавскій и, вообще, привислянскій нѣмецъ... Ужь его хоть въ трехъ ассимиляторскихъ ступахъ толки, хоть въ семи славянскихъ водахъ мой,—онъ не сдастъ и не слиняетъ со своего яркаго тевтонизма ни на малѣйшій оттѣнокъ. Да и не затѣмъ онъ пришелъ сюда, чтобъ, его ассимилировали и ополячивали. Напротивъ — онъ самъ спитъ и видитъ, когда это, наконецъ, ударитъ часъ до тла искоренить, вытѣснить или онѣмечить всю эту жалкую славянщину. Онъ уже и теперь такую внушительную мину на себѣ содержитъ, какъ еслибъ хотѣлъ сказать, что вопросъ тутъ весь во времени, что онъ только терпитъ пока бытіе, напр., польской національности надъ Вислой, а то, вѣдь, стоитъ ему развернуться, да наперетъ, и—отъ нея только мокренько останется...

«Въ области промышленности наши нѣмецкіе сосѣди не встрѣчаютъ въ Польшѣ никакой конкуренціи, — читаемъ въ варшавской корреспонденціи «Голоса», и—въ этомъ единогласно сходятся всѣ корреспонденты съ Вислы. «Въ этотъ край, прежде всего, переселяются капиталисты

и они уже тянутъ за собою цѣлыя полчища неимущихъ соотечественниковъ. Большинство промышленныхъ предпріятій находится въ рукахъ нѣмцевъ, наполняющихъ своими родичами фабрики и заводы, начиная съ инженеровъ и кончая простыми рабочими. Даже обыкновенному слесарю изъ поляковъ трудно проникнуть на нѣкоторыя фабрики безъ знанія нѣмецкаго языка. Въ самой Варшавѣ есть фабрики, въ которыхъ три четверти общаго числа рабочихъ состоитъ изъ иностранцевъ, не говоря уже, конечно, о заправителяхъ дѣла. Вообще всѣ лучше оплачиваемыя должности заняты пришельцами».

Словомъ, привислянскіе нѣмцы, если не съ формальной стороны, то по всему ходу своей промышленно-піонерской колонизаціи въ краѣ, по своей рѣзкой обособленности отъ мѣстнаго населенія и по своимъ обширнымъ политическимъ замысламъ, являются настоящими завоевателями—завоевателями мирными, но тѣмъ болѣе опасными. Впрочемъ, въ ихъ счетъ не могутъ идти тѣ немногіе наполовину ополяченные представители тевтонской рассы, которые принадлежатъ къ потомкамъ старинныхъ выходцевъ изъ Германіи, переселившихся въ Польшу еще тогда, когда нѣмцы не объединялись «кровью и желѣзомъ» и не исповѣдывали великаго Drang nach Osten.

Въ коренномъ населеніи Варшавы господствующую массу составляютъ городскія сословія—купцы и мѣщане. Купеческая аристократія, состоящая изъ богатыхъ домовладѣльцевъ, комерсантовъ и фабрикантовъ, въ значительной долѣ—нѣмцевъ и евреевъ, съ того времени, какъ аристократія родовая пріупала и стушевалась въ краѣ, играетъ въ Варшавѣ видную роль и составляетъ ея общественныя сливки, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшняго престижа. Разсчетливые и дѣятельные, варшавскіе

денежные аристократы, однакожъ, не скупятся на блестящую обстановку своихъ «салоновъ», на великолѣпные экипажи и, вообще, на внѣшнюю представительность. Гордыня и тщеславіе въ нихъ непроходимыя. Ко всему, что бѣдно и не знатно, они относятся съ презрѣніемъ. Да и захудалому потомку родовитой знати они тоже не обрадуются. Унихъ—свой аристократически-надменный гоноръ (honor), опирающійся на культѣ золотому тельцу, индустріальному успѣху и практической житейской силѣ. Притомъ, они тѣсно замкнуты въ своемъ плутократическомъ кругу.

«Богатый комерсантъ,—говоритъ одинъ польскій писатель—знатокъ Варшавы,—только человѣку своего круга охотно отдастъ руку дочки своей; артиста онъ не признаетъ, отъ чиновника сторонится, литератора называетъ цыганомъ, а объ ученыхъ и слышать не хочетъ».

Самый многочисленный слой населенія въ Варшавѣ—это, конечно, мѣщане, а, по занятіямъ, рабочій, промысловый и торговый классы. Какъ я уже говорилъ выше, на поверхностный взглядъ, Варшава, вообще, производитъ впечатлѣніе города, попреимуществу, мѣщанскаго, населеннаго трудолюбивымъ, экономнымъ и домовитымъ людомъ. Вездѣ замѣчаются признаки трудовой, кропотливой жизни. Многочисленныя ремесленныя мастерскія, нерѣдко помѣщающіяся вмѣстѣ съ магазинами въ однѣхъ и тѣхъ-же комнатахъ, если само производство изъ разряда «чистыхъ» работъ, напр., всякаго рода шитье и т. под., биткомъ набиты рабочими обоего пола и всякаго возраста. Особенно много во всѣхъ такого рода заведеніяхъ женщинъ. Женскій трудъ широко развитъ въ Варшавѣ и примѣненъ ко многимъ промышленнымъ отраслямъ. Не говоря уже о женской прислугѣ, замѣняющей мужскую не только въ частныхъ домахъ, но и во многихъ публичныхъ

заведёніяхъ, напр., въ гостинницахъ, кондитерскихъ, ресторанахъ, кухмистерскихъ и пр., женщину вы встрѣчаете здѣсь очень часто за прилавкомъ въ разнообразныхъ магазинахъ и лавкахъ, въ многочисленныхъ бульварныхъ кіоскахъ, предлагающихъ прохладительные напитки, лакомства и фрукты, а также за рабочими станками въ различныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ. Еще болѣе замѣтно ея участіе въ «либеральныхъ» профессіяхъ — преимущественно, въ педагогической и артистической. Гувернантки, учительницы, музыкантши, пѣвицы, актрисы составляютъ, въ совокупности, весьма значительный процентъ въ варшавской интеллигентной массѣ.

Сколько приводилось наблюдать, варшавскій *мѣщанинъ*—ремесленникъ, лавочный сидѣлецъ, офиціантъ, — человѣкъ столичный, полированный, ловкій, если не элегантный, услужливый, имѣетъ развязный, смышленный видъ, остеръ на языкъ и, при случаѣ, любитъ позубоскалить, «pożartować.» Къ нему уже привились культурныя привычки, онъ получилъ вкусъ къ приличному, по модѣ сшитому, костюму и даже къ щегольству, особенно на улицѣ или на «spacer'ѣ» (т. е. на гуляньи), въ праздничное время, гдѣ его, по внѣшнему виду и осанкѣ, не всегда можно отличить отъ какого нибудь культурнаго денди; любитъ общество и эстетическія удовольствія — театръ, гулянья, вокально-музыкальные вечера въ «ogródkach» (кафе-шантанахъ) лѣтомъ, шпицъбалы и маскарады зимою...

Мѣстные моралисты, а въ особенности хозяева ремесленныхъ заведеній и «господа», т. е. люди высшей культурной среды, жалуются, однако, на легкомысліе, лѣнь, безпорядочность и нравственную припорченность варшавскаго мастероваго люда и домашней прислуги; но это, кажется, повсемѣстная жалоба. Однако-же, въ числѣ упре-

ковъ, адресуемыхъ варшавскому vulgus'у, рѣже всего приходилось слышать, столь стереотипный и неизбѣжный у насъ въ городахъ, упрекъ въ пьянствѣ.

Относительно чернорабочаго народа, по сколько приходилось его наблюдать, должно сказать, что онъ въ Варшавѣ едва-ли культурнѣе нашего, а что касается напр., необыкновенно голосистыхъ, бойкихъ на языкъ, удалыхъ, краснощекихъ бабъ-торговокъ на рынкѣ «Стараго города», то онѣ, по непринужденности манеръ и краснорѣчія, особенно въ моментъ горячей взаимной перепалки, затмѣваютъ громкую репутацію нашихъ сѣнновскихъ коммерсантокъ... До знакомства съ ними я даже не подозрѣвалъ такого богатаго лексикона сквернословія и брани въ польскомъ языкѣ.

Варшавская интеллигенція складывается изъ представителей науки, литературы и, вообще, «либеральныхъ» профессій, затѣмъ, дворянъ—землевладѣльцевъ и, отчасти, служебнаго сословія. Аристократія ума, знанія и таланта довольно многочисленна въ Варшавѣ, такъ какъ здѣсь центръ умственной дѣятельности всего Царства. Она разбивается на множество кружковъ и фракцій, не только по роду профессій, но и по «направленію», по убѣжденіямъ политическимъ, по сословнымъ предразсудкамъ, и цѣльной корпораціи или группы не представляетъ. Впрочемъ, на ней мы особо остановимся въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Нѣкогда такая пышная, гордая и славная, родовая аристократія варшавская нынче не въ авантажѣ обрѣтается. Въ потерѣ значительной доли своего вліянія, значенія и престижа привислянская польская аристократія отчасти сама виновата, а отчасти виновата въ томъ исторія, если только это можно ставить ей въ вину.

Не смотря на нивеллирующее вліяніе нашего всеуравнивающаго времени, не смотря на цѣлый рядъ тяжкихъ испытаній и вразумительныхъ уроковъ, аристократія эта ничего не забыла и ничему не научилась, и продолжаетъ служить, если не дѣятельнымъ, то пассивнымъ тормазомъ естественному развитію въ народѣ новыхъ соціально-политическихъ идей и формъ. Всѣ ея идеалы назади—въ шляхетскомъ феодализмѣ, смягченномъ лишь разными гуманитарными эмульсіями, изобрѣтенными просвѣщеннымъ рабовладѣльчествомъ на западѣ. Она была всегда *бѣлой* и *бѣлою* осталась, ни на іоту не сбавивъ своихъ требованій, и только, скрѣпя сердце, замолкла съ ними въ узкой скорлупѣ своей сословной изолированности. Будущаго она не имѣетъ и замѣтно разлагается, сама того не замѣчая, чтобы уступить свою нѣкогда руководящую роль въ краѣ новымъ людямъ, слѣпленнымъ изъ вульгарной демократической глины, но зато болѣе чутко и отзывчиво идущимъ на встрѣчу духу времени и созрѣвающимъ стремленіямъ народа.

Вслѣдствіе этого, значительная часть представителей магнатеріи, махнувъ на все рукою, эмигрировали заграницу, гдѣ и жуируютъ праздно на оставшіяся крохи родовыхъ наслѣдій, съ видомъ угнетенной невинности, т. е., страдающихъ, якобы, за любовь къ отечеству патріотовъ. Въ Варшавѣ чистокровныхъ аристократовъ живетъ очень немного, и, вслѣдствіе стѣснительныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ и потери политическаго значенія, живетъ далеко не съ прежней пышностью и открытостью.

Нѣкоторый призракъ «большаго свѣта» въ Варшавѣ поддерживается представителями высшей государственной власти въ краѣ. Центромъ этого свѣта является генералъ-губернаторъ и его дворецъ, въ стѣнахъ котораго

въ торжественныхъ случаяхъ собираются всѣ «сливки» варшавскаго общества; но въ этой сферѣ уже гораздо больше оффиціальнаго, чѣмъ салоннаго, и служебнаго, чѣмъ общественнаго.]

Здѣсь мы соприкасаемся съ служебно-чиновническимъ міромъ, который рѣзко выдѣляется, среди варшавскаго населенія, и по своей исключительной роли и по своему племенному составу. Извѣстно, что оффиціально-служебная Варшава, въ которой сосредоточивается вся военно-гражданская власть въ краѣ, есть синонимъ нашей тамъ русской колоніи, такъ какъ изъ соотечественниковъ, живущихъ въ привислянскомъ краѣ, очень мало людей партикулярныхъ, не служащихъ. Русскій въ Варшавѣ— непремѣнно либо военный, либо чиновникъ. При этомъ, всѣ высшія мѣста государственной службы заняты почти исключительно одними русскими, въ силу особеннаго положенія края.

Такая исключительная политическая роль нашихъ соотечественниковъ въ Варшавѣ, въ связи съ свѣжими воспоминаніями тяжелыхъ дней вражды и кровавой борьбы — сопротивленія, съ одной стороны, и жесткаго «усмиренія», съ другой, объусловливаютъ взаимную отчужденность, недовѣріе и холодность отношеній, существующихъ понынѣ между варшавянами - русскими и варшавянами-поляками, не смотря на разныя попытки къ объединенію. Не въ укоръ говоря полякамъ, они насъ не любятъ и не могутъ любить, и особенно — у себя дома. Въ каждомъ русскомъ, живущемъ въ Варшавѣ, будь онъ совершенно частное лицо, даже вовсе не обремененное миссіей «обрусенія», мѣстный полякъ инстинктивно, по традиціи, видитъ врага и «угнетателя»... Слишкомъ много пролили мы съ ними взаимно братской крови въ многократной борьбѣ, слишкомъ свѣжи

еще раны, нанесенныя однимъ народомъ другому, чтобы замолкла окончательно ихъ боль и чтобы угасла до тла еще недавно воспламенявшая ихъ груди и наши племенная ненависть!

Какъ побѣжденные и круто, безпощадно посмиренные нами, они, по естественному порядку, конечно, злопамятнѣе насъ и упорнѣе въ своихъ антипатіяхъ и недовѣріи ко всему русскому. Нужно еще и то сказать, что имъ въ большинствѣ случаевъ, приходится имѣть личныя сношенія далеко не съ лучшими представителями русской интеллигенціи, говоря вообще. Если не говорить о высшихъ ступеняхъ бюрократической іерархіи въ привислянскомъ краѣ, постоянно занимавшихся выдающимися государственными людьми, по назначенію свыше, то нельзя не сознаться, что значительная часть тамошнихъ нашихъ «обрусителей» — чиновниковъ низшихъ ранговъ—комплектовалась въ недавнее еще время отбросомъ нашего общества, не находившимъ у себя дома ни прочнаго положенія, ни карьеры, либо по неспособности и невѣжеству, либо — что всего чаще — за несовсѣмъ одобрительныя нравственныя качества.

По крайней мѣрѣ, несомнѣненъ тотъ фактъ, что русскіе порядочные и образованные чиновники крайне неохотно ѣдутъ въ привислянскій край на службу, не смотря на ея преимущества, а, если и ѣдутъ, то до перваго удобнаго случая вырваться оттуда. И оно совершенно понятно. То положеніе, въ которое поставленъ, благодаря исключительнымъ условіямъ края, русскій чиновникъ, по отношенію къ мѣстному обществу,—эти косые взгляды, которые онъ тамъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, это затаенное нерасположеніе и отчужденность, все это не можетъ не угнетать нравственно и не заставлять чувствовать себя, какъ-бы, на чужбинѣ. Нужно имѣть

ужъ очень притупленную впечатлительность и достаточно твердую голову, заключенную въ тѣсную рамку канцелярскаго міровоззрѣнія, чуждаго тлетворнаго духа философическаго изслѣдованія и сомнѣнія, чтобы мириться съ такой жуткой обстановкой и съ такимъ нравственно-интеллектуальнымъ уединеніемъ. Либо нужно быть для этого фанатикомъ идеи «обрусенія», но, вѣдь, фанатиковъ, и вообще, на свѣтѣ не много, да и не они нужны здѣсь.

Вотъ почему, русскіе живутъ въ Варшавѣ, скучившись, совершенно обособленнымъ, колонизаціоннымъ міромъ среди мѣстнаго польскаго общества, не оказывая на него почти никакого ассимилирующаго вліянія. Это ненормально и прискорбно, но—это фактъ.

Если-же существуютъ случаи сближенія (а они, конечно, существуютъ), то быть можетъ наиболѣе частымъ и наиболѣе простымъ связующимъ ѕвеномъ между русскими и поляками въ Варшавѣ и, вообще, въ привислянскомъ краѣ служитъ женщина—полька. Постоянно приливающая служебно-колонизаціонная волна изъ Россіи въ Польшу, состоящая главнымъ образомъ изъ людей военныхъ и чиновниковъ,—въ огромномъ большинствѣ холостежь, и притомъ въ цвѣтущемъ возрастѣ. Это особенно нужно сказать о военныхъ. Это обстоятельство, само по себѣ, создаетъ естественный прецедентъ для неизбѣжнаго сближенія — самаго тѣснаго ассимилирующаго сближенія, основаннаго на взаимномъ сердечномъ влеченіи пришельцевъ и туземокъ. Въ данномъ случаѣ, влеченіе это должно усугубляться прославленной красотой и прелестью полекъ и ихъ склонностью къ кокетству.

И дѣйствительно, многіе изъ русскихъ навсегда оставили свои сердца въ плѣну у полекъ, поженились на нихъ, обзавелись семьями и, этимъ путемъ, сблизились

съ мѣстнымъ обществомъ. Однако-жъ, въ позднѣйшее время, со времени печальной памяти 1863—64 годовъ, такого рода матримоніальное «объединеніе» стало, говорятъ, повторяться рѣже. Неостывшія еще жгучія воспоминанія недавней вражды заковываютъ патріотическія сердечка многихъ полекъ въ непроницаемую ледяную броню отъ пламенныхъ вожделѣній пришлыхъ «москалей»... Конечно, всеисцѣляющее время исподоволь растопитъ этотъ ледъ и участитъ родственныя узы между двумя племенами.

Заговоривъ о полькахъ, я не могу не остановиться на нихъ особо, хотя о нихъ такъ много писалось и добраго и злаго, и восторженно-хвалебнаго и желчно-порицательнаго. Впрочемъ, и панегиристы и порицатели польской женщины равно сходятся въ признаніи за ней обольстительной красоты. Это — традиція общая и непререкаемая!

Само собой разумѣется, что, въ силу этой традиціи, путешественникъ, въ первый разъ пріѣхавшій въ Варшаву, не преминетъ случая наглядно провѣрить ея справедливость. Долженъ сказать съ своей стороны, что, въ мою бытность въ Варшавѣ, я немного встрѣтилъ, что называется, *красавицъ*, въ строгомъ смыслѣ слова; но за то женщинъ миловидныхъ, а главное—граціозныхъ повсюду попадается множество. Одинъ изъ моихъ варшавскихъ пріятелей, чтобы ознакомить меня съ *среднимъ* типомъ красоты варшавянокъ, нарочно повезъ меня въ одинъ изъ мѣстныхъ театровъ — буффъ, антрепренеръ котораго тѣмъ составилъ себѣ славу, что нарочно комплектовалъ свою труппу на подборъ красивыми женщинами. Не помню, какая шла въ тотъ разъ оперетка, въ одномъ изъ дѣйствій которой представленъ былъ Олимпъ, съ его богинями. Я долженъ былъ сознаться, что, дѣй-

ствительно, болѣе очаровательнаго Олимпа, по красотѣ богинь, мнѣ прежде не приводилось видѣть... По справкѣ, всѣ «богини» оказались польками... Всѣ онѣ были довольно плохія актрисы и еще худшія пѣвицы, но—одна другой красивѣе и граціознѣе. Мнѣ бросилось тогда-же въ глаза, подтвержденное потомъ другими наблюденіями, разнообразіе типовъ варшавянки, которые, впрочемъ, можно разгрупировать на два—рассовыхъ. Одинъ типъ—чисто сарматскій, нѣсколько аналогичный съ кавказскимъ—восточнымъ: черные волнистые волосы, большіе черные, огненные глаза, продолговатый овалъ лица, тонкія черты, тонкій, небольшой орлиный носъ и стройное, сухощавое тѣло. Другой типъ — контрастъ первому — типъ чисто славянскій: русые волосы, голубые или сѣрые глаза съ «соболиными» бровями и чудесными рѣсницами, нѣжный цвѣтъ лица, не совсѣмъ правильнаго, съ шаловливымъ, чуть-чуть вздернутымъ носомъ, прекрасно—развитой торсъ и ослѣпительная бѣлизна кожи.

Въ эти два, такъ сказать, генерическіе типа, безъ сомнѣнія, укладывается множество разновидностей.

Подобно тому, какъ Варшаву называютъ маленькимъ Парижемъ, а поляковъ-славянскими французами, интеллигентная полька, по замѣчанію многихъ наблюдателей, ближе всего напоминаетъ парижанку. Дѣйствительно, въ ней—та-же французская живость, таже кокетливая грація и то-же женственное изящество.

Одинъ-же наблюдатель (русскій) изобразилъ привислянскую француженку такою амальгамой всѣхъ національностей: «Въ ней, говоритъ онъ, легко подмѣтить, при кокетливости парижанки, сентиментальность нѣмки, чувственную порывистость итальянки и домовитость славянки». Не этимъ-ли, спрашиваетъ онъ, слѣдуетъ «объяснить извѣстную привлекательность полекъ? Не

въ этомъ ли неустановившемся смѣшеніи противорѣчащихъ качествъ и недостатковъ, дѣлающихъ самую убогую въ нравственномъ и умственномъ отношеніи польку чѣмъ-то загадочнымъ—не въ этомъ-ли извѣстное объясненіе «Польши», воспѣтой Мицкевичемъ въ его «Будрысѣ и сыновьяхъ?»

Какія-бы объясненія мы не прибирали обаянію польки, но несомнѣнно одно, что она имъ владѣетъ въ совершенствѣ и оказываетъ огромное вліяніе на свое общество—на семью и на подростающія поколѣнія.

«Варшавянки, говоритъ современный польскій писатель г. Шимановскій, какъ и всѣ наши соотечественницы, кромѣ внѣшней красоты и прелести, отличаются также высшими качествами души и сердца. Въ этомъ отношеніи, смѣло можно сказать, онѣ стоятъ выше нашихъ мущинъ, и онѣ-то даютъ тонъ настроенію всего нашего общества. Прежде всего онѣ внѣдряютъ въ сердцахъ мужей и братьевъ уваженіе къ святости домашняго очага»... «Нѣкоторые моралисты называютъ полекъ холодно-экзальтированными. Это происходитъ оттого, что онѣ восхищаются поэзіей и музыкой и умѣютъ возбудить въ себѣ сильное чувство», предполагающее какую нибудь возвышенную цѣль... Однакожъ, «онѣ обладаютъ искусствомъ дисциплинировать себя и насъ» въ понятіяхъ добра и священныхъ обязанностей человѣка... «любятъ свой родной кровъ, свою семью и въ ней находятъ себѣ высшую моральную опору»...

Вообще, польская литература не нахвалится консервативными добродѣтелями польки, и—конечно—никто ей въ нихъ не откажетъ. Она чрезвычайно религіозна, горячая патріотка, любящая жена, нѣжная и заботливая мать, образцовая хозяйка...

Но консерватизмъ, составляя драгоцѣнное качество

польки, является въ тоже время и ея величайшимъ недостаткомъ, въ отношеніи къ ея общественному значенію. Ревниво охраняя изъ поколѣнія въ поколѣніе все доброе и благотворное въ правахъ семейныхъ и общественныхъ, она съ такою-же горячей ревностью поддерживаетъ въ польскомъ обществѣ и множество устарѣлыхъ понятій, предразсудковъ и разныхъ мечтательно фанатическихъ иллюзій, за исповѣданіе которыхъ такъ дорого платились поляки.

Ея вліянію въ этомъ отношеніи мы обязаны въ значительной долѣ и той племенной къ намъ ненавистью, которую поляки всасываютъ, положительно можно сказать, съ молокомъ матери. Но это—дѣло патріотизма, по своему понятому, и—не намъ судить за это польскую женщину.

Важнѣе то, что ея консерватизмъ и ретроградность отражаются неблагопріятнымъ образомъ на ея-же собственномъ положеніи и, наконецъ, на всемъ уровнѣ общественнаго развитія. Замкнутая въ старозавѣтныхъ понятіяхъ и традиціяхъ, полька, натурально, является, въ большей или меньшей степени, тормазомъ и прогрессивнымъ стремленіямъ общества и улучшенію собственнаго своего соціальнаго положенія и умственнаго развитія.

Впрочемъ, время и прогрессъ берутъ помаленьку свое и неощутительно увлекаютъ своимъ потокомъ польку, не смотря на всю упругость ея женскаго консерватизма. Новѣйшая польская литература имѣетъ свой «женскій вопросъ», разрѣшаемый въ духѣ современныхъ требованій науки и гуманизма. Въ его поднятіи и разработкѣ дѣятельное участіе принимаютъ сами польки, въ лицѣ, напр., публицистокъ Добешевской, Дзѣдушицкой и друг.

Есть также въ современномъ польскомъ обществѣ и новый типъ «эмансипированной» женщины, весьма схожій

съ нашимъ, и, хотя значительная часть интеллигенціи и литературы относятся къ нему отрицательно и сатирически,—можетъ быть даже онъ, точно, имѣетъ несимпатичныя разновидности; но, тѣмъ не менѣе, самъ по себѣ, вопросъ о возвышеніи умственнаго уровня польской женщины, о ея раціональномъ воспитаніи и доставленіи ей правильнаго, законосообразнаго положенія въ обществѣ—вопросъ этотъ поставленъ нынче въ польской жизни прочно и постепенно разрабатывается теоретически и практически въ поступательномъ направленіи. Объ этомъ можно заключить наглядно, по существованію въ Польшѣ уже въ настоящее время такихъ напр., учрежденій, какъ: «Техническій музей» съ высшимъ курсомъ наукъ для женщинъ, въ Краковѣ; «Общество научной помощи для дѣвушекъ», основанное дамами въ Торунѣ, въ 1870 г.; «Уль», промышленно-учебное заведеніе, учрежденное въ Плоцкѣ; «Женская фельдшерская школа», при еврейской больницѣ въ Варшавѣ; «Общество соединеннаго женскаго труда», въ Варшавѣ, и нѣкоторыя другія.

V.

Варшавская общественная жизнь.

Варшавскіе сезоны.—Пассія къ блеску и суетности.—Свѣтскій салонъ.—Клубы.—Жизнь интеллигенціи.—Развлеченія низшаго класса.—Саксонскій садъ и «spacer».—«Ogródki», пиво и содовая вода.—Характеристика варшавскаго общественнаго мнѣнія.

Я былъ въ Варшавѣ лѣтомъ и, послѣ Петербурга, пустыннаго, обыкновенно, въ эту пору года, нашелъ ее до

вольно оживленной. Въ ней не замѣтно того рѣзкаго замиранія городской жизни, которое ощутительно даетъ о себѣ знать лѣтней порою въ нашей столицѣ. Повидимому, все идетъ здѣсь обычнымъ порядкомъ и пульсъ городской жизни не замедляется отъ іювьской жары. Одни только учебныя заведенія прекращаютъ свою дѣятельность въ обычное вакаціонное время, да немногочисленная варшавская знать разъѣзжается на лѣто по своимъ помѣстьямъ и заграницу—куда нибудь на воды. Слѣдовательно, въ лѣтній сезонъ въ Варшавѣ прекращаютъ свою жизнедѣятельность одни только великосвѣтскіе салоны, да мірокъ педагогическій. Средній и низшій слои варшавянъ, въ большинствѣ, мало выѣзжаютъ на лѣто изъ города; по крайней мѣрѣ, тамъ нѣтъ и подобія той громадной всесословной перекочевки населенія изъ города въ окрестности на дачи, которымъ ознаменовывается обыкновенно нашъ лѣтній сезонъ.

Ощутительно чувствуется различіе между зимнимъ и лѣтнимъ сезонами въ Варшавѣ развѣ только, повторяю, въ сферѣ мѣстнаго beau monde'а. который, какъ мы уже знаемъ, рѣзко выдѣляется изъ остальной массы населенія, однакожъ, не блескомъ и пышностью своей жизни, какъ это бывало въ «доброе старое» время. Нужно, при этомъ, замѣтить, что степень этого блеска и, вообще, ширина и живость сезоннаго великосвѣтскаго времяпрепровожденія много зависятъ въ Варшавѣ отъ личности генералъ-губернатора.

Польская аристократія всегда была не чужда суетности и неравнодушна къ придворному блеску. Несомнѣнно, что потребность въ такомъ блескѣ существуетъ и въ нынѣшней варшавской великосвѣтской публикѣ: онъ льститъ ея тщеславію и — въ этомъ можно было убѣдиться изъ слѣдующаго обстоятельства.

Въ мою бытность въ Варшавѣ генералъ-губернаторомъ привислянскаго края состоялъ графъ Коцебу. Насколько можно было положиться на искренность слышанныхъ отзывовъ, онъ былъ въ Варшавѣ довольно популяренъ. Его хвалили, какъ правителя справедливаго, дѣятельнаго, внимательнаго къ нуждамъ края и, главное, не надѣвавшаго безъ крайней нужды на свои руки «ежовыхъ рукавицъ» крутыхъ административныхъ мѣропріятій и репрессалій. Одинъ только легкій упрекъ слышался въ его сторону изъ верхушекъ варшавскаго общества. Говорили, что старый графъ—«staruszek», какъ его называли варшавяне,—слишкомъ большой затворникъ для веселонравной Варшавы и очень мало хлопочетъ о престижѣ и блескѣ своего дворца и объ оживленіи мѣстной великосвѣтской жизни.

Такъ-ли это было, или иначе, но, несомнѣнно, что варшавяне, вообще,—и не только аристократія, а разносословная масса—весьма неравнодушны къ суетѣ суетствій, т. е., къ пышности, блеску, парадности и тому под. красивымъ декораціямъ и увеселительнымъ обстановкамъ, которыя могли-бы придать ихъ городу иллюзію *столицы*.

Это невинное вожделѣніе—совершенно въ характерѣ поляка—имѣетъ, конечно, не одну только эстетическую подкладку, но отчасти и политическую, изъ области, такъ сказать, политическаго романтизма, котораго такъ много еще въ полякахъ.

Что касается собственно великосвѣтской жизни, то, по свидѣтельству компетентнаго знатока Варшавы, г. Шимановскаго, классическій «*салонъ* не существуетъ въ ней нынче, въ строгомъ смыслѣ слова. Осталась только традиція, что у насъ,—говоритъ онъ,—бывали когда то салоны, но они давно быльемъ поросли»... Нынче яв-

ляется только нѣкоторое ихъ подобіе въ происходящихъ совмѣстныхъ собраніяхъ аристократіи родовой и финансовой, куда допускаются, хотя и въ крайне ограниченномъ числѣ, представители науки, литературы и искусства. Въ этихъ пародіяхъ старинныхъ салоновъ, царятъ, обыкновенно, великосвѣтская скука, чопорность и французскій языкъ, который, къ великому огорченію автора, является тамъ не только господствующимъ, но и обязательнымъ.

Выдающіеся, по богатству и знатности, представители этой великосвѣтской среды, втеченіе зимняго сезона, даютъ балы, на которыхъ присутствуетъ весь мѣстный beaumonde—«вся Варшава», т. е. Варшава салонная, модная, свѣтская; но такіе балы бываютъ довольно рѣдко. Кажется, въ послѣдніе дни самые блестящіе и многолюдные изъ нихъ давались генералъ-губернаторомъ Альбединскимъ.

Помимо свѣтскихъ раутовъ jours fixes'овъ (monžury) и баловъ, Варшава не имѣетъ недостатка въ публичныхъ учрежденіяхъ для разсѣянной жизни и увеселеній, къ услугамъ мѣстныхъ бонвивановъ всякаго класса и состоянія. Въ ней имѣется нѣсколько клубовъ и, такъ называемыхъ «resurs'овъ», различающихся по роду занятій, сословій и, отчасти, по національности своихъ членовъ (Есть напр., спеціальные клубы—русскій и нѣмецкій).

Въ этихъ учрежденіяхъ идетъ въ зимній сезонъ обычная клубская жизнь: даются танцовальные вечера, балы, маскарады, концерты и проч. Затѣмъ, какъ и на святой Руси, главнымъ занятіемъ «постоянныхъ посѣтителей» этихъ клубовъ, людей солидныхъ и отставшихъ уже отъ паркетныхъ развлеченій вѣтренной молодости, служатъ карты.

Среда профессіонально-интеллигентная—ученые, литераторы и всякаго рода артисты не имѣютъ въ Варшавѣ, какъ мы уже говорили, объединяющаго центра и ведутъ жизнь обособленную, группируясь по кружкамъ и семействамъ, такъ какъ семейная жизнь, которою искони славились поляки, до сихъ поръ процвѣтаетъ въ Варшавѣ.

Литераторы и ученые, по замѣчанію г. Шимановскаго, съ очень недавняго лишь времени образовали изъ себя въ Варшавѣ самостоятельный общественный классъ. «Да ихъ пока и очень немного. Тѣ, которые заставляютъ о себѣ говорить, дѣлаются предметомъ общаго вниманія и всюду бываютъ, потому что въ нихъ заискиваютъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, вся эта среда не выработала себѣ еще опредѣленнаго и самостоятельнаго общественнаго положенія... Этому мѣшаетъ отчасти разъединяющая варшавскихъ ученыхъ и литераторовъ котеріальность или парціальность. Подобно тому, какъ и у насъ, дѣятели журналистики и литературы, кучась на кружки по «направленіямъ», а также по личнымъ счетамъ между собою, представляютъ «раздѣльшееся царство», тоже самое видимъ и въ варшавской журнально-литературной корпораціи, которая, притомъ же, гораздо рѣзче, чѣмъ наша, разгруппировалась по господствующимъ въ общественномъ мнѣніи партіямъ.

Изъ «либеральныхъ» профессій въ Варшавѣ самымъ многочисленнымъ составомъ представителей и наибольшимъ между ними единеніемъ отличается мірокъ медицинскій. Доктора варшавскіе, кромѣ того, пользуются и въ обществѣ наибольшимъ вѣсомъ и значеніемъ, какъ потому, что, по роду своихъ занятій, имѣютъ близкія и частыя сношенія съ представителями всѣхъ классовъ,

такъ и потому, что коллективно стараются поддержать свою добрую славу.

Ремесленники, прислуга, и рабочіе, кромѣ многочисленныхъ пивныхъ («баварій»), шинковъ и иныхъ, тому под. заведеній, предназначенныхъ для услады рабочему, послѣ трудоваго дня и въ праздникъ, находятъ также приспособленныя къ ихъ вкусамъ развлеченія въ своего рода клубахъ, каковы, напр., такъ называемые здѣсь—«серебрянные залы», кафе дансанъ «трехъ мавровъ» и проч., гдѣ въ нравахъ посѣтителей и въ выборѣ удовольствій, конечно, скромность, опрятность и приличія не особенно блистаютъ, а если и блистаютъ, то чаще всего—своимъ отсутствіемъ. Лѣтомъ варшавяне всѣхъ классовъ удовлетворяютъ свои увеселительно-эстетическія потребности и инстинктъ общественности, главнымъ образомъ, на гульбищахъ—въ spacer'ѣ, совершаемомъ въ многочисленныхъ публичныхъ садахъ, каковы: Саксонскій, графовъ Красинскихъ, Александровскій паркъ (въ Прагѣ), Уяздовскія аллеи, Лазенки, Швейцарская долина (родъ петербургскаго Елагина, по аристократичности посѣтителей) и др.

Болѣе всего посѣщается любимый варшавянами знаменитый и великолѣпный Саксонскій садъ, расположенный внутри и почти въ центрѣ города. Сюда каждый день, подъ вечеръ, особенно въ хорошую погоду стекается огромная масса публики на spacer, оживляемый оркестромъ военной музыки и гдѣ, къ услугамъ гуляющихъ, имѣется нѣсколько павильоновъ съ прохладительными напитками и сластями, заведеніе минеральныхъ водъ и очень хорошій ресторанъ.

Часамъ къ пяти вечера всѣ аллеи и площадки Саксонскаго сада, осѣненныя развѣсистыми исполинскими *липами и каштанами*, биткомъ набиты всякаго званія,

пола и возраста варшавянами. Многіе приходятъ сюда семействами, со всѣми чадами и домочадцами, включительно до грудныхъ ребятъ съ ихъ кормилицами. Въ то время какъ солидные отцы семействъ, сидя на скамейкахъ, съ наслажденіемъ покуриваютъ свои вечернія сигарки, а матери, въ большинствѣ случаевъ съ какимъ нибудь домашнимъ вязаньемъ въ спорыхъ рукахъ, развлекаются съ сосѣдками обмѣномъ мыслей и новостей дня, дѣти рѣзвятся въ аллеяхъ шумными полчищами... Ни на одномъ петербургскомъ гуляньи я не видывалъ такого множества дѣтей, какое бываетъ ежедневно въ Саксонскомъ саду.

Этотъ семейный элементъ придаетъ всему гулянью симпатичный характеръ мирной мѣщанской идилліи.

Разумѣется «спацеруютъ» подъ роскошными каштанами Саксонскаго сада и элементы анти-семейные, но ужъ безъ этого нельзя. Притомъ—нужно въ этомъ отношеніи отдать преферансъ Варшавѣ предъ Петербургомъ—анти-семейный элементъ репрезентируетъ здѣсь на людяхъ крайне сдержанно, съ постоянной оглядкой на требованія общественныхъ приличій и нравственности.

Вечерній spacer у истаго варшавянина—вещь неизбѣжная въ программѣ дня. Поэтому, одновременно, по вечерамъ публика кишитъ не только въ публичныхъ садахъ, расположенныхъ въ городѣ и за его чертою, и въ ogródkach, но и просто на улицахъ, гдѣ къ услугамъ гуляющихъ, передъ входами многихъ кондитерскихъ и ресторановъ устроены на тротуарѣ одѣтые зеленью навѣсы, уставленные садовой мебелью для желающихъ прохладиться на чистомъ воздухѣ содовой водой или пивомъ.

Вообще spacer, особенно въ жаркую погоду, сопровождается истребленіемъ гомерическаго количества содо-

вой и зельтерской воды, мороженнаго и т. под. прохладительныхъ снадобьевъ, а также пива. Любители лѣтнихъ, увеселительныхъ зрѣлищъ находятъ ихъ въ изобиліи и разнообразіи, кромѣ лѣтняго казеннаго театра, въ пяти находящихся въ городѣ ogródkach, въ каждомъ изъ которыхъ имѣются театры и даются ежедневно различныя сценическія и вокально-музыкальныя представленія. Здѣсь въ антрактахъ, а то и во время спектакля, въ галлереѣ, возвышающейся надъ сценой, тоже идетъ непрерывное истребленіе неизбѣжной содовой воды, пива и проч. Зато, съ окончаніемъ спектакля, часамъ къ 11-ти, ogródki моментально пустѣютъ, огни тушатся и публика, трезвая и мирная, спѣшитъ по домамъ опочить послѣ пріятно проведеннаго вечера... Вполнѣ на нѣмецкій бюргерскій ладъ, который, вообще, значительно просачивается въ строѣ мѣщанской жизни Варшавы!

По праздникамъ массы варшавянъ отправляются на spacer за городъ, дышать свѣжимъ воздухомъ, и восхищаться пейзажами такихъ прославленныхъ окрестностей Варшавы, какъ Виллянова, Мокотовъ, Повонзки, Воля, Саска Кемпа и друг.

Вообще, варшавяне, по замѣчанію ихъ бытописателя, большіе охотники до забавъ и развлеченій, безъ которыхъ они «завяли бы, какъ цвѣты безъ солнца». Впрочемъ, въ этой невинной слабости они стараются не перейти мѣру, подъ страхомъ заслужить недобрую славу.

Дѣло въ томъ, что «варшавяне любятъ пересуды и, въ этомъ отношеніи, Варшава—городъ провинціальный, Въ ней, говоря, конечно, о каждой общественной средѣ особо, всѣ между собою знакомы или другъ друга знаютъ». Это обстоятельство значительно стѣсняетъ личную свободу и иниціативу, хотя, съ другой стороны,

служитъ надежнымъ оплотомъ для поддержанія общественнной нравственности на должной высотѣ.

Характеризуя варшавянъ со стороны моральной, по отношенію къ общественности, г. Шимановскій заключаетъ, что они,—«говоря вообще, почтенныя сердца и легкія головы. Легко забываютъ оскорбленія наносимыя общественному мнѣнію и—нѣтъ почти такой вины, которая втечевіе нѣсколькихъ лѣтъ не стерлась-бы въ памяти какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества. Но благодаря этому-же качеству, возникаетъ поспѣшность общественныхъ приговоровъ и осужденій, не основанныхъ на твердыхъ доказательствахъ. Отсюда варшавяне легко поддаются всякимъ предубѣжденіямъ и очень упрямо ихъ держатся. Часто никакими доводами разъубѣдить ихъ нельзя. Остается предоставить дѣло времени: кто терпѣливъ, тотъ на своемъ поставитъ».

Такимъ образомъ, варшавское общественное мнѣніе, въ дѣлахъ житейскихъ, перескакиваетъ отъ одной крайности въ другую. «Никто не съумѣетъ сегодня предсказать—какому настроенію поддастся завтра наше общество,—говоритъ тотъ-же авторъ. Это зависитъ отъ какихъ-то неразгаданныхъ теченій. Вслѣдствіе этого, никакъ нельзя сказать въ любую данную минуту, чтобы въ обществѣ этомъ упрочивалось то или другое направленіе, ибо—налетитъ первый вѣтеръ и отъ вырабатываемаго направленія не останется и слѣда. А приведетъ это къ добру или къ злу, надъ этимъ никто не задумывается»...

Такъ характеризуетъ нравы варшавянъ близкій ихъ знатокъ, чуждый какого нибудь предъубѣжденія, притомъ, самъ—полякъ.

VI.

Прошлое Польскаго театра.

Словцо къ читателю. — Историческій очеркъ польскаго театра. — Мистеріи и псевдо-классическая драма. — Народныя интермедіи. — Итальянская опера въ Польшѣ.—Военно-тріумфаторскія зрѣлища.— Школьный театръ.—Попытки національной комедіи.—Крашевскій о прошломъ польскаго театра.—Театры въ дни Станислава Понятовскаго.—Эпоха возрожденія.

Отъ обзора варшавской общественной жизни естественно перейти къ мѣстному театру, какъ къ одной изъ важнѣйшихъ и выразительнѣйшихъ функцій такой жизни, какъ наконецъ, къ своего рода зеркалу, въ которомъ художественно отражаются нравы, обычаи, умственныя, политическія и иныя теченія данной общественной среды данной національности.

Но прежде чѣмъ познакомить читателя съ моими наблюденіями и впечатлѣніями въ этой области эстетико-интеллектуальной жизни поляковъ, въ ея *современномъ состояніи*, считаю нелишнимъ предпослать бѣглый историческій очеркъ польскаго театра, вообще.

Въ этомъ случаѣ я мотивируюсь тѣмъ, кажется, безъошибочнымъ соображеніемъ, что большинству русскихъ читателей, хорошо знающихъ, вѣроятно, исторію театра у нѣмцевъ, у французовъ и у другихъ главныхъ европейскихъ народностей, ничего ровно неизвѣстно объ историческихъ судьбахъ театральнаго дѣла и драматическаго искуства у братьевъ—поляковъ. По крайней мѣрѣ, такой очеркъ, полагаю, вполнѣ отвѣчаетъ задачѣ этой книжки—задачѣ посильнаго содѣйствія сближенію двухъ

родственныхъ національностей, основанному на взаимномъ всестороннемъ ознакомленіи и изученіи другъ друга.

Польскіе историки полагаютъ, что начало театральныхъ представленій въ ихъ отечествѣ относится къ отдаленнымъ временамъ XIII и XIV столѣтій. Есть на то документальныя указанія. Такъ, сохранилось синодальное постановленіе гнѣзненскаго архіепископа, отъ 1326 г., въ которомъ воспрещалось, въ силу распоряженія папы Иннокентія III, всѣмъ духовнымъ особамъ принимать участіе въ театральныхъ играхъ и зрѣлищахъ. Очевидно, воспрещеніе это обусловливалось существованіемъ уже въ тѣ времена въ Польшѣ такихъ именно игръ и зрѣлищъ.

Затѣмъ Длугошъ упоминаетъ о краковскихъ «ludi theatrales» въ XV столѣтіи, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть извѣстныя публичныя зрѣлища, мистическія, аллегорическія, состоявшія изъ діалоговъ, пантомимъ и пѣнія. Были уже тогда и зачатки исторической трагедіи, напр., представленіе смерти королевы Людгарды. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи польскій театръ, какъ и вся польская литература, сложился подъ сильнымъ вліяніемъ Запада. Въ XVI столѣтіи, въ эпоху «ренесанса», польскіе поэты и драматурги рабски слѣдуютъ сперва греческимъ и латинскимъ классикамъ, а позднѣе, въ XVII вѣкѣ, подчиняются вліянію итальянской и французской литературы. Подражаніе заходитъ такъ далеко, что господствующимъ языкомъ польской инттеллигенціи и литературы становится на долгое время языкъ латинскій, какъ впослѣдствіи—французскій. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи поляки слѣдовали только примѣру своихъ западныхъ сосѣдей.

Первыя точныя историческія извѣстія о польскомъ театрѣ начинаются не ранѣе эпохи короля Сигизмунда I,

называемаго «старымъ». Со временъ этой эпохи, сохранилось нѣсколько драматическихъ «діалоговъ», какъ, напр., «Судъ Париса», написанный и поставленный въ королевскомъ замкѣ въ 1522 г., «Ulissis prudentia in adversis» (1516 г.) и др. Все это было не болѣе, какъ передѣлка классическихъ поэмъ, и миѳовъ.

Въ 1537 г. является первая попытка оригинальной польской драмы, весьма странная по своему названію, а именно: «Комедія объ академіи краковской, или о счастливомъ ея основаніи». Въ ней представлены въ аллегорическихъ образахъ живыя лица, принимавшія участіе въ основаніи академіи. Рядомъ съ подобнаго рода схоластическими «комедіями», шло развитіе въ Польшѣ религіозной мистеріи, появляющейся тамъ впервые уже въ XIV столѣтіи. Первоначально мистеріи разыгрывались въ костелахъ и на кладбищахъ (до 1602 г., когда противъ этого возстала духовная власть), а затѣмъ онѣ стали однимъ изъ любимыхъ публичныхъ народныхъ зрѣлищъ и перенесены также въ школу. Изъ древнихъ польскихъ мистерій считается наиболѣе замѣчательной и популярной «Жизнь Іосифа», написанная Николаемъ Реемъ въ 1545 г. Дѣло идетъ объ «Іосифѣ прекрасномъ», составлявшемъ, какъ извѣстно, любимѣйшій образъ средневѣковой апокрифической литературы во всей Европѣ, а также и у насъ на Руси.

Польскіе магнаты, по мѣрѣ своего постепеннаго обогащенія, развитія роскоши, пышности и суетности въ своемъ общежитіи, стали покровительствовать театру, какъ одному изъ родовъ увеселенія, а, съ другой стороны, какъ орудію для самовосхваленія и тщеславія. Свадьбы, имянины и всякаго рода семейныя и общественныя празднества сопровождались пестрыми маскарадами, рыцарскими каруселями, блестяще поставлен-

ными, приличными случаю театральными зрѣлищами, балетами, «прологами» и «діалогами», въ которыхъ аллегорически курился обильный ѳиміамъ честолюбію и гордости родовитыхъ пановъ—виновниковъ и хозяевъ этихъ празднествъ.

Женится знаменитый Замойскій на родственницѣ Стефана Баторія, и для этого случая талантливый польскій поэтъ Янъ Кохановскій пишетъ драму: «Отправленіе пословъ греческихъ», въ которой изображаетъ, въ pendant къ дѣйствительности, исторію «Прекрасной Елены». Въ день свадьбы драма ставится самымъ роскошнымъ образомъ во дворцѣ молодыхъ. Точно такая же драма была написана и поставлена для бракосочетанія Сигизмунда III, и вообще ни одна королевская или магнатская свадьба не обходилась безъ такихъ нарочитыхъ представленій.

Впослѣдствіи, когда высшій классъ польскаго общества, а въ особенности королевскій дворъ (напр. при Вазахъ и Sasach, т. е. при саксонской династіи), вовлеклись въ крайнее подражаніе западнымъ образцамъ и западной модѣ, польскую драму изъ дворцовъ стали вытѣснять итальянская опера-буффъ и французская комедія. Народный театръ сдѣлался достояніемъ низшаго городскаго населенія и школы; долгое время польская національная драма оставалась въ зародышномъ состояніи, не вырабатываясь изъ примитивныхъ діалоговъ и сценъ въ сложную комедію.

Тѣмъ не менѣе, въ элементахъ для комедіи не было недостатка: народная сцена въ XVI и XVII столѣтіяхъ вращается около живой дѣйствительности, выводя въ комическомъ и сатирическомъ свѣтѣ монаховъ, шляхтичей, школьниковъ, солдатъ, мѣщанъ, крестьянъ, жидовъ и проч., въ ихъ бытовыхъ чертахъ и типичныхъ особенностяхъ. Изъ народныхъ пьесъ этого характера

и этой эпохи особенно были популярны: «Альбертусъ — солдатъ и дворянинъ», «Бакалавръ», «Росказни польскія, латинскимъ языкомъ переплетенныя», «Женскій сеймъ», «Краткое разсужденіе между паномъ, десятникомъ и попомъ», «Изъ холопа—король» и проч. Изъ творцовъ этихъ произведеній выдвинулись Витъ Карчевскій, Николай Рей, Бѣльскій и др.

О существованіи въ старинной Польшѣ правильно организованнаго постояннаго театра нѣтъ извѣстій, включительно до временъ Владислава IV, когда, по современному описанію Варшавы въ 1643 г., въ ней впервые оказывается «пышный, по словамъ лѣтописца, театрумъ, въ которомъ комедіи, трагедіи и итальянскіе скоки (skoki) происходятъ.... Узришь тамъ страшный адъ и бурное море, по которому движутся ладьи, а плавающія сирены поютъ чудными голосами... Тутъ персоны спускаются съ неба, а иныя выходятъ изъ подъ земли... Вдругъ разверзается небо, выскакиваетъ изъ него особа, въ клейнотахъ, и поетъ какъ ангелъ... Слѣдуютъ сцены разговаривающихъ между собою; затѣмъ по итальянски дрыгаютъ (drgają) ногами и скачутъ: все это при музыкѣ и клавицимбалахъ».

Это былъ придворный театръ, въ которомъ, однако, тѣшилась зрѣлищами вся варшавская свѣтская публика. Спектакли, какъ можно заключить изъ сдѣланной выше выдержки, были смѣшанные; они состояли изъ діалоговъ, пѣнія, музыки и танцевъ. Описанный театръ, какъ видно, былъ хорошо устроенъ и въ техническомъ отношеніи. Въ дни Владислава особенно стала входить въ моду въ Варшавѣ итальянская опера, которая ставилась по случаю какихъ нибудь торжественныхъ событій. Такъ, при избраніи Владислава на польскій престолъ, была поставлена комедія-опера: «Дафнисъ, превращаю-

щаяся въ бобковое дерево» (изъ Овидія); въ пріѣздъ королевы Маріи Гонзаго дана большая опера: «Voyage de Labourenr», постановка которой обошлась въ 100,000 талеровъ; затѣмъ упоминается и о другихъ итальянскихъ операхъ, поставленныхъ при королевскомъ дворѣ въ разное время. Всѣ онѣ отличались богатой постановкой. Особенно процвѣтала въ Варшавѣ итальянская опера при Августахъ саксонской династіи, которые были большими любителями театральныхъ зрѣлищъ и веселой жизни. А знаменитому, по своему бонвиванству, Августу III мы даже обязаны первымъ насажденіемъ этого рода зрѣлищъ и въ Россіи. Заискивая, изъ политическихъ видовъ, въ благосклонности императрицы Анны Ивановны, онъ прислалъ ей въ презентъ труппу итальянской оперы-буффъ, которая и была первой основательницей итальянской оперы въ Петербургѣ.

Около того-же времени, стали входить въ моду въ Польшѣ большія торжественныя зрѣлища, дававшіяся подъ открытымъ небомъ, въ ознаменованіе какихъ нибудь важныхъ событій, побѣдъ и т. п. Такое зрѣлише было поставлено, между прочимъ, при Янѣ Казимірѣ, въ ознаменованіе побѣды Франціи (союзницы Польши) надъ Австріей.

Извѣстный Пассекъ, описывая это зрѣлище, разсказываетъ траги-комическій случай, показывающій, что въ средѣ польской шляхты того времени не мало было одичалыхъ индивидуумовъ, не имѣвшихъ понятія о театрѣ и смѣшивавшихъ сценическое зрѣлище съ дѣйствительностью. Когда, по ходу пьесы, французы взяли въ плѣнъ австрійскаго императора, одинъ изъ зрителей — вооруженный всадникъ—сталъ кричать:

— Убейте его, коль скоро онъ вамъ попался въ руки;

если выпустите, онъ станетъ мстить, вчинать войны и лить человѣческую кровь!

Видя, что его не слушаютъ, всадникъ, не долго думая, схватилъ лукъ и пустилъ стрѣлу, наповалъ убившую несчастнаго лицедѣя, игравшаго роль императора.

Подобное же грандіозное зрѣлище было дано въ 1685 году іезуитскими школьниками въ честь Яна Собѣскаго, по случаю его славныхъ побѣдъ надъ турками. Нужно замѣтить, что вообще въ развитіи театральныхъ зрѣлищъ въ Польшѣ школа, особенно іезуитская, принимала большое участіе и оказала важныя услуги.

Однимъ изъ элементовъ тогдашняго образованія было сценическое искусство, въ которомъ обязательно упражнялись всѣ воспитанники, сочиняя пьесы и ставя время отъ времени публичные спектакли. Школьная драматическая литература занимаетъ довольно видное мѣсто среди памятниковъ старинной польской письменности. Школьныя пьесы писались большею частью по-латыни; по содержанію, онѣ заключались въ діалогахъ на религіозныя и дидактическія темы, а частью—въ панегирикахъ разнымъ сильнымъ и знатнымъ особамъ. На нихъ лежитъ сухой, черствый, схоластическій отпечатокъ, какъ это можно заключить уже по однимъ ихъ заголовкамъ, напр.: «Рипсыма, дѣвица и мученица. Трагедія молитвенная (nabożna), изъ разныхъ историковъ латинскихъ извлеченная, стихами латинскими и интермедіями польскими изложенная» (1666 г.).

Жизненная струя мѣстами пробивалась лишь въ интермедіяхъ этого рода пьесъ, и польскіе историки придаютъ имъ, поэтому, большую важность, видя въ нихъ постепенно развивавшіеся зачатки народной комедіи. Многія изъ этихъ интермедій были яркой сатирой на нравы современнаго польскаго общества, на его поли-

тическія и военныя ошибки, неудачи, неустройства и проч. Рядомъ съ этимъ, выставляются въ комическомъ свѣтѣ враждовавшія съ поляками народности: нѣмцы, «москали», шведы, турки и татары.

Болѣе широкое и зрѣлое развитіе польская національная комедія получаетъ со второй половины XVIII столѣтія. Является первый рядъ драматурговъ, положившихъ всѣ свои силы на это дѣло: княжна Урсула Радзивиллъ, Богомолецъ, Бѣльскій, Вацлавъ Ржевусскій и др. Особенно важныя услуги оказала польскому театру княжна Радзивиллъ, какъ писательница и какъ покровительница сценическому искусству. Обладая огромнымъ богатствомъ, она устроила въ своемъ несвижскомъ замкѣ прекрасный театръ, писала для него оригинальныя пьесы и переводила французскія, особенно Мольера. Пьесы эти разыгрывались придворной шляхетской челядью княжны. Между прочимъ, княжна сдѣлала очень существенное нововведеніе въ польской драмѣ: она впервые ввела въ нее женскія роли, совершенно отсутствовавшія до того времени на сценѣ.

Эту странную особенность національнаго театра въ старинной Польшѣ историки его объясняютъ исключительнымъ семейнымъ и общественнымъ положеніемъ польской женщины въ былыя времена, граничившимъ съ затворничествомъ: ея назначеніе былъ домъ, семья и молитва, и въ этомъ духѣ ей давалось суровое воспитаніе. Нетерпимость къ женскимъ ролямъ на сценѣ простиралась до того, что, при переводѣ, напр, комедій Мольера, польскіе переводчики выбрасывали изъ нихъ цѣликомъ всѣ женскіе характеры. Зная пьесы Мольера, можно представить себѣ, что изъ такихъ передѣлокъ выходило!

Княжна Радзивиллъ написала двѣнадцать оригиналь-

ныхъ комедій, изъ которыхъ многія пользовались большою популярностью въ свое время. Одновременно съ нею, подвинули развитіе школьнаго театра ксендзы-пріоры: Богомолецъ, Бѣльскій и Конарскій, обогатившіе его многими оригинальными и переводными комедіями.

О польской драматической литературѣ этой эпохи одинъ компетентный знатокъ ея даетъ такой отзывъ: «Если, говоритъ онъ, мѣрить эти драматическія произведенія на новѣйшій масштабъ, то нельзя не признать за ними много недостатковъ, которые, однако-жъ, выкупаются живостью дѣйствія, удачно очерченными характерами и бытовыми чертами. Безъ сомнѣнія, въ то время они оказали немалое вліяніе на самостоятельное развитіе польской комедіи».

Въ недавно вышедшей въ свѣтъ своей интересной монографіи о Красицкомъ («Kartka z dziejow Literatury XVIII wieku», 1879 г.) Крашевскій, говоря объ упадкѣ литературы и искусства въ Польшѣ въ послѣдніе годы ея самостоятельнаго существованія, дѣлаетъ одно мѣткое и вѣрное замѣчаніе.

«Край покоренный, говоритъ онъ, долженъ былъ возродиться внутренно, найдя въ самомъ себѣ источники жизни. Въ печальную годину—это было великое пріобрѣтеніе, которое вознаграждало за многія утраты. Подвергнувшись раздѣлу, Рѣчь Посполитая пользуется внѣшнимъ покоемъ для внутренняго своего возрожденія и начинаетъ какъ-бы новую жизнь».

Это въ особенности слѣдовало сказать о польскомъ національномъ театрѣ, который, до новѣйшаго времени, «никогда не былъ въ состояніи, по выраженію того-же автора, самостоятельно, прочно и жизненно развиться. Его исторія напоминаетъ прозябаніе тѣхъ растеній, зерна которыхъ долго лежатъ въ землѣ мертвыми, потомъ, подъ

животворнымъ проблескомъ солнца, пытаются прорости, но ихъ молодые всходы, смятые и скомканные, хирѣютъ и чахнутъ».

Мы видѣли, что въ подобныхъ всходахъ недостатка, дѣйствительно, не было: національная польская комедія, имѣя въ своемъ распоряженіи богатый запасъ созданныхъ народной фантазіей и народнымъ юморомъ образовъ и сказаній, пыталась утилизировать этотъ сырой матеріалъ, но попытки ея, иногда смѣлыя и удачныя, никогда не достигали широкаго и полнаго развитія. «Все это, какъ говоритъ Крашевскій о старомъ польскомъ театрѣ, появлялось и исчезало безъ слѣда, потому что для укорененія не встрѣчало извнѣ благопріятныхъ условій». Особенно мѣшали развитію польскаго театра безпрерывныя бурныя политическія передряги, которыя держали въ постоянной тревогѣ Рѣчь Посполитую; но не малымъ тормазомъ служило также, въ этомъ случаѣ, рабское подражаніе польской интеллигенціи,—въ языкѣ, въ жизни, въ искусствѣ,—иноземнымъ, преимущественно французскимъ образцамъ.

Въ дни Станислава-Августа Понятовскаго, который желалъ создать у себя всѣ учрежденія цивилизованной жизни запада, явилась мысль прочно организовать и польскій національный театръ. Исполнителями этой мысли явились популярные въ то время польскіе писатели: Богуславскій, Богомолецъ, Заблоцкій, Трембецкій и друг.

Театръ, дѣйствительно, былъ созданъ и, съ легкой руки меломана-короля, не одинъ, а множество. Кромѣ варшавскихъ королевскихъ театровъ, они стали заводиться у всѣхъ почти магнатовъ: у Чарторижскихъ—въ Пулавахъ, у Любомирскихъ—въ Дубнѣ, у Сапѣговъ и т. д. Сверхъ того, явилось много частныхъ труппъ въ большихъ городахъ, а также — кочующихъ, которыя играли

на ярмаркахъ и на «контрактахъ», разъѣзжая по всему краю. Мы говоримъ о концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій.

«Играли оперы, комедіи, давали балеты и пантомимы», разсказываетъ въ своихъ извѣстныхъ запискахъ Я. Дукланъ-Охотскій, описывая польскіе театры 1790-хъ годовъ. Во Львовѣ, напр., было два театра, да, кромѣ того, залъ восковыхъ куклъ и звѣринецъ. «Во всѣхъ этихъ мѣстахъ публики бывало множество. Богуславскій привезъ изъ опустѣвшей Варшавы (1796 г.) всю свою труппу и балетъ... Цѣлую зиму ежедневно играла польская труппа и зрителей всегда было достаточно. Лучшія пьесы того времени были: «Краковяне и Горцы» и «Король Ормуса Акзуръ». Постановка пьесъ была роскошная, гардеробъ актеровъ блистательный... актрисы—красавицы».

Театръ сталъ до того популяренъ, что не посѣщать его считалось тогда грѣхомъ въ порядочномъ обществѣ, по свидѣтельству Охотскаго. Несмотря, однако, на эту любовь публики къ театру и на его внѣшнее, количественное процвѣтаніе—онъ былъ плохъ и, по своему репертуару, стоялъ слишкомъ далеко отъ задачи театра національнаго.

Тѣ-же красавицы актрисы (не забудемъ—изъ столичной, первой въ краѣ, труппы!) «не знали, по словамъ того-же очевидца, правилъ мимики и жестовъ, не умѣли играть и пѣть, даже танцовали плохо... Самыя маленькія роли субретокъ исполнялись ими неудовлетворительно». Даже въ техническомъ отношеніи театральное искусство пребывало на степени младенчества. Напр., львовскій театръ былъ ничто иное, какъ огромный сарай, лишенный всякихъ акустическихъ приспособленій, такъ что треть публики ничего не слышала со сцены. Вдобавокъ,

половина публики сидѣла подъ открытымъ небомъ, подвергаясь всякимъ атмосферическимъ случайностямъ.

Репертуаръ состоялъ почти исключительно изъ переводныхъ пьесъ французскаго псевдо-классическаго театра; оригинальныя польскія пьесы были лишены всякой самостоятельности и мѣстнаго колорита, представляя собою однѣ безвкусныя поддѣлки и подражанія иноземнымъ драматургамъ. Притомъ-же, высшая интеллигенція, относясь брезгливо ко всему національному, употребляя родной языкъ только въ объясненіяхъ со своими холопами и лакеями, предпочитала французскій театръ въ оригиналѣ. При дворѣ и у нѣкоторыхъ магнатовъ завелись французскія труппы, рядомъ съ итальянскими — оперными.

Народный театръ, какъ и въ другихъ странахъ той эпохи—эпохи французоманіи, былъ у родовитыхъ пановъ на дурномъ счету и въ загонѣ до такой степени, что явилось сомнѣніе въ самой возможности его существованія.

Въ одной современной пьескѣ Красицкаго происходитъ такой характеристическій діалогъ между двумя меломанами.

— Напрасно вы не даете хода вашему таланту: пишите комедіи! говоритъ одинъ изъ нихъ.

— Польскія комедіи? удивленно спрашиваетъ другой.

— А развѣ не можетъ быть хорошая комедія попольски?

— Каша, а не комедія, милостивый государь! *Нашъ языкъ на это неспособенъ*...

«Свой родной языкъ, говоритъ современный этой эпохѣ писатель Езерскій, мы употребляли только въ домашнемъ обиходѣ, никогда не давая ему мѣста въ жизни общественной, и поэтому у насъ были: канцеляріи

латинскія, военная команда нѣмецкая, театры либо французскіе, либо итальянскіе. Такимъ образомъ, полякъ полатыни судился, на сорочьемъ языкѣ совѣщался, на итальянскомъ и французскомъ увеселялся...»

Могъ-ли при такихъ условіяхъ развиться и процвѣтать національный театръ? Но вотъ на руинѣ своей государственной самостоятельности, польская національность, съ началомъ нынѣшняго столѣтія, сосредоточенная въ самой себѣ, на своей внутренней культурѣ, на изученіи своего быта и своей исторіи, вступаетъ на путь духовнаго возрожденія и многосторонняго развитія своей народной индивидуальности. Крашевскій не первый удостовѣрилъ тотъ фактъ, что поляки, съ потерей своей политической независимости, сдѣлали необыкновенные успѣхи въ своей внутренней жизни и достигли высокой степени благосостоянія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Особенно процвѣла, качественно и количественно, ихъ литература, представители которой нынѣшняго столѣтія, какъ Мицкевичъ, Лелевель, Корженевскій, Крашевскій, Сырокомля, Красинскій и друг., пріобрѣли европейскую извѣстность своей высокой талантливостью и національной типичностью своихъ произведеній. Одновременно и польскій театръ вступилъ на дорогу прочнаго и быстраго преуспѣянія въ духѣ національности.

Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, что польская литература въ своемъ движеніи всегда подчинялась вліянію западной. Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, она пережила періодъ романтизма, смѣнившій на западѣ увлеченіе фальшивымъ псевдо-классицизмомъ. Вліяніе это отразилось и на театрѣ. Романтизмъ, какъ извѣстно, привелъ къ возбужденію національнаго элемента, на почвѣ котораго стала развиваться реальная школа.

Чисто-національной, реально жизненною комедіей «нравовъ» и «характеровъ» польскій театръ обязанъ преимущественно Корженевскому, драматическая дѣятельность котораго началась въ 20-хъ годахъ. Корженевскій въ польской литературѣ — своего рода Гоголь, по тому юмору, яркости типовъ и по той реальной правдѣ, которыми блещутъ его комедіи; но въ эту колею онъ попалъ не сразу. Въ началѣ онъ писалъ трагедіи историческія и романтическія и только въ позднѣйшее время всецѣло отдался бытовой комедіи. Онъ былъ также почти плодовитъ, какъ и современный ему Крашевскій. Пьесъ его множество и большая часть ихъ по настоящее время служатъ лучшимъ украшеніемъ польскаго репертуара. Многія изъ нихъ переведены на иностранные языки и, въ томъ числѣ, на русскій. Нынѣшній Несторъ польскаго литературнаго міра, Крашевскій, по своей изумительной плодовитости, тоже не мало поработалъ для народнаго театра, написавъ множество драмъ и комедій изъ прошлой и настоящей жизни польскаго общества. О второстепенныхъ драматургахъ не упоминаемъ.

Подъ вліяніемъ этой-то трезвой національной школы, получившей свое начало отъ геніальнаго Мицкевича, появился цѣлый рядъ талантливыхъ молодыхъ драматурговъ, дружными усиліями которыхъ, при содѣйствіи не менѣе талантливой плеяды актеровъ, польскій національный театръ достигъ въ наши дни значенія, дающаго ему мѣсто въ ряду лучшихъ европейскихъ театровъ. Въ этомъ мы убѣдились наглядно изъ современнаго состоянія варшавскаго театра, къ обзору котораго сейчасъ и переходимъ.

VII.

Современная польская комедія

Особенность польской драматической литературы и ея современное развитіе.—Переводныя пьесы.—Французское вліяніе.—«Салонная» комедія.—«Месть графини», комедія Сарнецкаго.—Буржуазно-демократическій элементъ.—Старосвѣтскіе типы «добрыхъ поляковъ».—Худородный прогрессистъ въ борьбѣ съ родовымъ аристократизмомъ.—Сословное примиреніе и объединеніе.—Комедіи Залевскаго и Любовскаго.—Выскочки-доробкевичи и ихъ эгоизмъ.—*Идейныя* пьесы по вопросамъ соціальнымъ.—Бракъ и разводъ.—Дѣвушка полька и ея положеніе.—«Красавица», комедія Свѣнтоховскаго.—Монахъ, погрѣшившій родительскимъ чувствомъ.

Вслѣдствіе суроваго внѣшняго стѣсненія варшавской польской публицистической литературы, отнимающаго у нея возможность свободно высказывать всѣ мѣстныя общественно-политическія и нравственно-интеллектуальныя стремленія, теченія и настроенія, послѣднія, естественно, должны были искать себѣ иносказательнаго выраженія въ менѣе поддающейся цензорской бдительности эстетико-беллетристической формѣ. Конечно, и въ этой области слова м:огое и многое вытравляется здѣсь, ѣдкими красными чернилами, но кое-что таки остается.

По этой причинѣ, для изученія господствующихъ въ варшавскомъ обществѣ за данную минуту взглядовъ, «направленій» и влеченій, по вопросамъ соціальнымъ и политическимъ, слѣдуетъ обратиться не къ текущей мѣстной журналистикѣ—не къ прессѣ, а къ произведеніямъ чисто беллетристическимъ и драматическимъ, по-

преимуществу. Современная польская литература даетъ обильный матеріалъ на такой спросъ. Особенно любопытна и назидательна въ этомъ отношеніи польская драматическая литература, съ которой, поэтому, мы и сочли долгомъ ближе познакомиться, въ интересѣ нашей книги.

Новѣйшая польская драматическая литература довольно богата и, въ числѣ своихъ представителей, имѣетъ нѣсколько безспорныхъ талантовъ, каковы, напр.: С. Сарнецкій, Словацкій, Свѣнтоховскій (Оконьскій), Любовскій, К. Залевскій, Наржимскій, Аснықъ, Близинскій, Хенцинскій, Фредро (сынъ) и друг.

Кромѣ произведеній этихъ, большею частью, молодыхъ и нынѣ работающихъ драматурговъ, современный варшавскій репертуаръ не оставляетъ въ забытьи и наиболѣе выдающіяся популярныя вещи сошедшихъ уже съ литературнаго поприща, а частію умершихъ «старыхъ» писателей, напр., Корженевскаго, Фредро (отца) и друг.

Изъ современныхъ польскихъ драматурговъ нѣкоторые весьма плодовиты, напр.: Словацкій, Залевскій, Любовскій, Фредро и др.

Кромѣ благосклоннаго вниманія публики, процвѣтанію польской Мельпомены содѣйствуютъ еще драматическія общества (въ Краковѣ и Львовѣ), которыя ставятъ своей задачей двигать отечественную драму къ возможно полному развитію и совершенству. Они ежегодно (если не ошибаемся) устраиваютъ конкурсы и выдаютъ преміи за лучшія, вновь появляющіяся оригинальныя пьесы. Въ обществахъ судьями и цѣнителями являются, пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ, заслуженные дѣятели науки и литературы.

Нужно замѣтить, однако, что, не смотря на значительное развитіе польской оригинальной драматической

литературы, репертуаръ варшавскаго драматическаго театра переполненъ переводными пьесами. По свидѣтельству мѣстныхъ театраловъ, въ репертуарѣ этомъ оригинальныя пьесы едва составляютъ 10% въ общей сложности («Przewodnik po Warszawie», 1874 г.). Кромѣ того, при обозрѣніи современной польской драматической литературы, подавляющая роль иностраннаго репертуара выскажется еще разительнѣе въ значительномъ количествѣ пьесъ чисто-подражательныхъ.

Вообще, за небольшими исключеніями, польская современная, такъ называемая «салонная» (salonowa) комедія носитъ на себѣ рельефный отпечатокъ вліянія французской новѣйшей комедіи. Характеристично то, что изъ французскихъ драматурговъ въ переводѣ особенно популярны на польской сценѣ Сарду, Ожье, Фелье, и имъ подобные, временъ второй имперіи, «знаменитости» подозрительнаго сорта.

При обозрѣніи современнаго варшавскаго репертуара и драматической литературы, не можетъ не броситься въ глаза количественное преобладаніе, именно, «салонной» пьесы, что и заставляетъ насъ на ней прежде всего остановиться.

«Салонная» комедія, говоря правду, преантипатичная вещь на сторонній демократическій вкусъ, какъ по своему пошлому, якобы аристократическому тону, такъ по своей слащавой, фальшивой и грошовой морали и по совершенному ничтожеству сословно-салонныхъ идеекъ, проводимыхъ въ ней къ самоуслажденію мнящихъ себя «солью земли» баричей. Начать съ того, что въ каждой польской «салонной» комедіи непремѣнно фигурируютъ хоть одинъ *графъ* и хоть одна *графиня*, необыкновенно элегантные, аристократичные, преисполненные собствен-

наго достоинства и презрѣнія къ «черни непросвѣщенной»...

Этимъ блистательнымъ свѣтскимъ шелопаямъ, пустымъ и празднымъ, въ каждой почти такой комедіи противопоставляется въ невыгодномъ и смѣшномъ свѣтѣ элементъ плебейскій, въ лицѣ весьма избитаго польской беллетристикой типа, такъ называемаго «доробкевича» (dorobkiewicz), т. е., по нашему, выскочки—худороднаго человѣка, затесавшагося въ баре при помощи денегъ.

На фонѣ салонной, аристократически-праздной жизни эти мишурные «графы» и «графини» занимаются амурами и интрижками, не подозрѣвая всей пустоты своего изысканнаго существованія и своихъ суетныхъ интересовъ. Самомнѣніе и самодовольство ихъ безграничны. Объясняются они между собою на какомъ-то препротивномъ «салонномъ» языкѣ, вычурномъ и рафинированномъ, какъ розовая водица, уснащенномъ вымученными «bons mots», игрою словъ и тѣмъ дешевымъ «салоннымъ» остроуміемъ (dowcip), которое у поляковъ, однако, очень высоко цѣнится.

«Словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой.»

Кстати будетъ разсказать здѣсь маленькій характеристическій случай, касающійся этого «салоннаго» языка.

Прошлымъ лѣтомъ, по пути въ Варшаву, намъ привелось разговориться съ нашей сосѣдкой по вагону — варшавянкой, пѣвицей по профессіи, возвращавшейся изъ Петербурга, послѣ пребыванія въ немъ въ теченіи цѣлаго зимняго сезона. Сосѣдка наша отлично говоритъ по-русски. Мы, между прочимъ, разговорились о театрѣ. Оказалось, что она часто посѣщала нашу «Александринку» и была въ восторгѣ отъ Савиной, особенно въ «Маіоршѣ»; но... но ее шокировала эта пьеса и всѣ по-

добныя ей, въ томъ числѣ — весь сполна Островскій.

— Почему-же? — спросили мы. — Это лучшіе перлы нашего репертуара...

— Да, можетъ быть... Но какой въ нихъ грубый языкъ, какіе вульгарные типы! Послѣ «салонной» комедіи, къ которой мы привыкли у себя, это ужасно непріятно рѣжетъ ухо...

При этомъ она старалась подкрѣпить себя, очень забавно подчеркивая нѣкоторыя, пришедшія ей на память, «ужасно грубыя» слова и фразы Шпажинскаго и Островскаго.

Потомъ, уже въ Варшавѣ, намъ привелось самимъ въ театрѣ, на представленіяхъ «салонныхъ» комедій, наглядно убѣдиться, что о вкусахъ не спорятъ и что вкусъ нашей случайной спутницы далеко не исключеніе въ средѣ варшавскихъ театраловъ, большихъ почитателей этого сорта драматургіи.

Чтобы дать читателямъ наглядное понятіе, что это за штука такая — современная польская «салонная» комедія, мы познакомимъ ихъ съ одною изъ лучшихъ и наиболѣе характерныхъ пьесъ этого рода въ новѣйшемъ репертуарѣ варшавскаго театра.

Мы говоримъ о популярной и несомнѣнно-талантливой трехъ-актной комедіи Сарнецкаго: «Zemsta panî hraЬiny» (Месть графини).

Судя по названію, читатель ждетъ отъ этой пьесы какихъ нибудь демоническихъ страстей, злодѣйствъ, крови и ужасовъ... Если хотите, все сіе, дѣйствительно, имѣется въ пьесѣ: есть въ ней и злодѣи, и коварная интрига, есть угнетенная невинность и даже кровь проливается; но все это васъ нисколько не задѣваетъ за живое, не волнуетъ и не трогаетъ; никому вы здѣсь не сочувствуете и никто не возбуждаетъ въ васъ нена-

вести... Одно только выносите вы впечатлѣніе изъ всей пьесы—впечатлѣніе полнѣйшаго ничтожества и позолоченной дрянности всѣхъ этихъ праздныхъ, пустыхъ людишекъ, дряблости ихъ страстей и отупляющей пошлости ихъ жизни.

Героиня — красивая, гордая, блистательно - свѣтская графиня Аврора. Она—молодая, богатая вдова, влюбленная въ свою графскую корону.

Герой — молодой богатый помѣщикъ (милліонеръ) Вацлавъ, по отзыву его друзей, «юноша разсудительный, сердечный, съ честными убѣжденіями, не празднолюбецъ—ведетъ жизнь скромную и умѣренную», «по воспитанію — джентльменъ», но у него есть одинъ огромный недостатокъ—у него нѣтъ графскаго титула.

— Ахъ, еслибъ у него былъ титулъ, хотя-бы такой, какой я пріобрѣла въ первомъ моемъ замужествѣ! — вздыхаетъ графиня Аврора, послѣ грустнаго объясненія съ этимъ безукоризненнымъ «джентльменомъ».

Изъ хода-же пьесы оказывается, что Вацлавъ—такой же пустельга и шелопай, какъ всѣ ему подобные свѣтскіе «джентльмены». Вотъ какъ онъ аттестуетъ самъ себя:

— Я *таскался* по всѣмъ городамъ европейскимъ, исповѣдуется онъ пріятелю: веселился въ Парижѣ, скучалъ въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ былъ, какъ у себя дома, карнавальствовалъ въ Римѣ, мечталъ въ Неаполѣ.

Правда, у него во время этого તасканья было и дѣло. Такъ, въ Парижѣ, среди развлеченій съ «лоретками», какъ свидѣтельствуетъ его другъ, онъ началъ основательно вести романъ съ графиней Авророй и достигъ полной взаимности. Теперь возвратившись, онъ предъявилъ, было, ей свои надежды закончить романъ «честнымъ пиркомъ и свадебкой»; но, увы, онъ не имѣетъ графскаго титула! Графиня на этомъ основаніи откло-

няетъ, съ свѣтской холодной разсудительностью грандъ-дамы, пылкія исканія молодого человѣка и начинаетъ сватать ему свою юную подругу—прелестную дѣвицу Юлію...

Эта Юлія тоже, въ своемъ родѣ, верхъ совершенства. Во первыхъ, она очаровательно танцуетъ, чѣмъ и плѣняетъ моментально эксъ-любовника графини Авроры; затѣмъ она чиста и невинна, какъ ангелъ, что, однакожъ, не мѣшаетъ ей знать толкъ въ ариѳметикѣ.

— Для того, чтобы мужчина могъ мнѣ понравиться, много нужно... я очень требовательна! говоритъ она брату.

— Что же именно?

— Прежде всего, я ни за кого-бы не пошла, пока не была-бы увѣрена, что мой суженый очень богатъ и будетъ ко мнѣ добрымъ... Затѣмъ я хочу непремѣнно жить въ столицѣ, хочу чтобы мужъ ничего для меня не жалѣлъ и позволялъ мнѣ, болѣе другихъ, блистать въ свѣтѣ.

Вотъ всѣ идеалы и принципы этой восхитительной дѣвы! Такъ какъ Вацлавъ отвѣчаетъ этимъ идеаламъ, то сватовство его съ Юліей устраивается неимовѣрно быстро. Они обручены и впереди имъ улыбается одно счастіе; но тутъ выступаетъ на сцену месть графини!

Дѣло въ томъ, что графинѣ Аврорѣ, вышедшей въ это время замужъ за разореннаго князя Януша (онъ женился для денегъ, а она вышла за него для титула), стало случайно извѣстно, что о ея романической интрижкѣ съ Вацлавомъ знаютъ въ свѣтѣ. Слѣдовательно рѣшаетъ она, Вацлавъ былъ не скроменъ и разболталъ ихъ тайну... Хорошо-же!—Гордая дама вспыхиваетъ моментально гнѣвомъ и, ради мести, начинаетъ разстраивать счастье Юліи и Вацлава. Это ей удается тѣмъ

легче, что въ это время распространился слухъ о полномъ разореніи Вацлава. Слухъ этотъ, какъ молніей, поражаетъ влюбленную Юлію и, вѣрная своимъ мечтамъ и идеаламъ, она, безъ церемоній, въ глаза объявляетъ жениху, что теперь, когда у него нѣтъ богатства, она не можетъ быть его женою... Графиня Аврора торжествуетъ и, чтобъ окончательно сразить Вацлава, сватаетъ Юлію за богатаго жида Гольдберга, затесавшагося въ аристократы при помощи своихъ «карбованцевъ». Добродѣтельная Юлія, хотя ненавидитъ Гольдберга, но, не задумываясь, соглашается выйдти за него, во первыхъ, потому, что этого хочетъ «мама», нуждающаяся въ рессурсахъ, во вторыхъ Гольдбергъ согласенъ выкреститься и стать добрымъ католикомъ, и, въ третьихъ, что самое главное, онъ очень богатъ.

Конечно, авторъ не могъ допустить такой, весьма натуральной, однако, при данныхъ условіяхъ, развязки комедіи.

Силою творческой фантазіи онъ повернулъ дѣло такъ, что отсутствовавшій Вацлавъ поправляетъ свои финансовыя дѣла и неожиданно, какъ снѣгъ на голову, прилетаетъ къ Юліи въ ту минуту, когда она, съ видомъ угнетенной невинности, отдаетъ свою руку богатому жиду.

Разумѣется, жида сейчасъ по боку, и счастливые любовники падаютъ другъ другу въ объятія, къ великой досадѣ графини Авроры, месть которой такимъ образомъ не выгорѣла и которую, сказать кстати, въ это время князь Янушъ, страстный спортсменъ, взнуздываетъ съ такою безцеремонной грубостью, съ какою онъ привыкъ обращаться съ норовистыми кобылицами, и этимъ укрощаетъ ее—мало того: снискиваетъ ея любовь. Выйдя замужъ за князя безъ всякой любви, Аврора, послѣ того,

какъ мужъ грубо и рѣзко потребовалъ отъ нея «безграничнаго» послушанія, съ угрозой чуть не кулачной расправы, вдругъ начинаетъ чувствовать къ нему уваженіе и влеченіе, и тутъ-же говоритъ про себя:

— C'est un homme. Il est sublime dans sa coleur!

Положимъ, на этомъ странномъ мотивѣ женскаго сердца и Шекспиръ построилъ свое «Укрощеніе строптивой», но выставленіе такого «укрощенія», какъ цемента супружеской любви, — пахнетъ проповѣдью Домостроя.

Выведенные г. Сарнецкимъ характеры и ихъ отношенія несомнѣнно схвачены изъ жизни, и противъ этого мы ничего не можемъ сказать; но характеристично и удивительно то, что авторъ въ своихъ Вацлавахъ, Янушахъ и Юліяхъ представляетъ якобы *положительные* типы; онъ ими любуется, онъ находитъ ихъ симпатичными....

Теплично - аристократическій жанръ «салонныхъ» пьесъ, въ родѣ разсмотрѣнной нами «Мести графини», гдѣ элегантная пустота и суетность жизни праздношатающихся жентильомовъ «большаго свѣта» выставляется въ такомъ льстивомъ, выгодномъ свѣтѣ, находитъ себѣ въ польскомъ театрѣ нѣкоторый противовѣсъ со стороны молодыхъ драматурговъ реально - демократическаго направленія. Впрочемъ, отрицаніе и сатира этого направленія рѣдко отличаются глубиной и тою безпощадностью, на которую способенъ, напр., нашъ русскій *смѣхъ*—смѣхъ Грибоѣдова, Гоголя, Щедрина...

Обыкновенно, потомственнымъ порокамъ и предразсудкамъ аристократрическихъ «паничей» (panicz) въ польской «мѣщанской» комедіи противопоставляются гражданскія и семейныя добродѣтели положительныхъ типовъ средняго, буржуазнаго класса, съ его скромнымъ, трудолюбиво скопидомческимъ образомъ жизни.

Рядомъ съ буржуазными типами фигурируетъ нерѣдко, какъ бы въ укоръ новѣйшимъ хилымъ и растлѣннымъ поколѣніямъ, дивно-сохранившійся представитель «доброй старины», неожиданно падающій на сцену откуда нибудь изъ деревенской глуши, подобно американскому дядюшкѣ во французскомъ водевилѣ. Въ немъ все крѣпко и здорово; онъ врагъ всякой пересоленной модной иноземщины и свѣтскихъ тонкостей; онъ прежде всего «добрый полякъ», вѣрный старымъ національнымъ обычаямъ и добродѣтелямъ. Онъ всѣмъ рѣжетъ правду въ глаза и коль любитъ иль ненавидитъ, такъ ужь отъ всего сердца. Конечно, онъ—шляхтичъ, панъ, но не изъ крупныхъ. Живетъ по старопольски, въ деревнѣ, старательно занимается хозяйствомъ; добрый семьянинъ, усердный католикъ и милостивый панъ для «хлоповъ»...

Въ такихъ, нелишенныхъ подкрашиванья, чертахъ этотъ чисто національный типъ повторенъ въ польскомъ романѣ и въ польской комедіи безсчетное число разъ. У нѣкоторыхъ талантливыхъ писателей онъ обрисованъ очень ярко, жизненно и не можетъ не вызывать симпатій. Таковъ, напр., панъ Іовяльскій, въ комедіи того-же имени Фредра (отца) — старикъ, сіяющій чисто славянскимъ добродушіемъ, патріархъ въ семьѣ, не утратившій юношеской свѣжести головы и сердца въ мафусаиловы лѣта. Онъ постоянно говоритъ народными пословицами и побасенками, въ образномъ языкѣ которыхъ сверкаютъ неподдѣльные перлы здоровой народной мудрости и народнаго юмора.

Комедія «Панъ Іовяльскій» написана лѣтъ сорокъ тому назадъ, и хотя въ ней много анахронизмовъ и, по своей концепціи, она смахиваетъ на фарсъ, но и понынѣ держится въ репертуарѣ польскаго театра.

Типъ «мѣщанина», «демократа», какъ положительный

типъ добраго обывателя и примѣрнаго семьянина, просвѣщеннаго и прогрессивнаго, не отличается уже въ новѣйшей польской комедіи тою самобытностью и тѣмъ колоритомъ національности, которые такъ ярки и рельефны въ отжившемъ типѣ старосвѣтскаго шляхтича. Это прежде всего *европеецъ*, въ лицѣ-ли горожанина (фабриканта, ученаго, художника, чиновника и пр.), или представителя «земли—землевладѣльца, помѣщика...

Оттѣнковъ и разновидностей этого типа въ современной польской комедіи множество; но, при всемъ томъ, онъ имѣетъ неизмѣнныя общія черты у всѣхъ авторовъ реально-демократической школы.

Аристократизмъ, съ его феодальными традиціями и сословными предразсудками, живетъ еще въ польскомъ обществѣ довольно прочно. Это можно заключить уже по той борьбѣ съ его исключительными началами, которая ведется демократическимъ элементомъ въ области литературы и театра. Борьба эта составляетъ очень яркую, характеристическую черту новѣйшей польской литературы. Во имя либерализма и гражданскаго равноправія, выступилъ цѣлый рядъ молодыхъ писателей противъ застарѣлыхъ принциповъ вырождающихся, захудалыхъ и полуразоренныхъ потомковъ родовитаго магнатства.

Относясь отрицательно къ этимъ принципамъ и къ ихъ носителямъ, польская комедія даннаго направленія выставляетъ, для контраста, въ самомъ выгодномъ свѣтѣ свѣжій демократическій типъ — *новаго* человѣка. Типъ этотъ, въ сущности, одна изъ разновидностей всесвѣтнаго буржуа, но, безъ сомнѣнія, онъ неизмѣримо выше и въ нравственномъ и въ общественно-культурномъ отношеніи, какого-нибудь надутаго своимъ аристократизмомъ, пустаго и ни къ чему неспособнаго «графа».

Изъ современныхъ польскихъ драматурговъ, работающихъ въ этомъ тенденціозномъ духѣ и на эту тему, особенно выдаются Любовскій, Наржимскій, Свѣнтоховскій, Залевскій и друг. По крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ намъ пьесахъ названныхъ авторовъ борьба аристократическаго начала съ демократическимъ составляетъ весь интересъ, и всѣ выведенныя въ нихъ главныя дѣйствующія лица суть ничто иное, какъ выразители этихъ противоположныхъ началъ. Впрочемъ, мы не точно выразились: тенденція этихъ пьесъ не въ *борьбѣ* означенныхъ началъ, а скорѣе въ ихъ *примиреніи* и сліяніи. Обыкновенно, дѣло ведется такъ.

Существуетъ какой нибудь родовитый, гордый своимъ происхожденіемъ, графъ (безъ «графа» ужь никакъ невозможно). У него семья: сынъ и дочь, молодые, прекрасные и благородные. По ходу пьесы, непремѣнно случается такъ, что юная графиня влюбляется въ необыкновенно умнаго, честнаго и трудолюбиваго молодаго человѣка (большею частью, инженера или ученаго), съ прогрессивными демократическими убѣжденіями, съ отчизно-любивыми намѣреніями и съ пропастью всякихъ другихъ «прекраснодушныхъ» качествъ. Одинъ въ немъ порокъ: онъ плебей по происхожденію, въ жилахъ его течетъ мѣщанская или даже «хлопская» кровь... Но героинѣ до этого нѣтъ дѣла. Какъ представительница молодаго прогрессивнаго поколѣнія, она не раздѣляетъ предразсудковъ отца и любитъ героя отъ всего сердца. Конечно, онъ отвѣчаетъ ей тѣмъ-же...

Въ нѣкоторыхъ этого рода пьесахъ авторы, какъ-бы не довольствуясь однократнымъ спариваніемъ аристократической породы съ плебейской, для пущаго убѣжденія зрителя въ возможности, лойяльности и желательности подобнаго смѣшенія «чистой» крови съ «подлой», ус-

трогиваютъ заразъ нѣсколько союзовъ аристократокъ съ плебеями и обратно. Напр., въ то время, когда молоденькая графиня влюбляется въ плебея-инженера, ея братъ возгараетъ страстью къ какой нибудь плебейкѣ, чаще всего къ дочкѣ худороднаго богача-фабриканта или банкира, нерѣдко жида. Оно и кстати всегда, ибо графъ-папаша къ концу пьесы разоряется обыкновенно до тла, поэтому богатое приданное графу-сыну нужно до зарѣзу, для поправленія семейныхъ обстоятельствъ. Что касается богатыхъ жидовъ-банкировъ, лѣзущихъ въ знать, то они, конечно, о томъ только и мечтаютъ, какъ бы имъ породниться съ графами... Въ концѣ концовъ, все устраивается наилучшимъ образомъ.

Герой-инженеръ успѣваетъ въ теченіи пьесы совершить какой нибудь подвигъ настолько возвышенно-благородный и рыцарскій, что графъ-отецъ примиряется, наконецъ, съ его плебейскимъ происхожденіемъ и съ мыслью видѣть свою дочку за нимъ замужемъ... Одновременно происходитъ благословеніе сына на бракъ съ дочкой худороднаго банкира... Всѣ счастливы и веселы, молодое демократическое начало, съ буржуазнымъ либерализмомъ въ резервѣ, одерживаетъ побѣду надъ старымъ аристократическимъ консерватизмомъ, который «съ честью» капитулируетъ...

Вотъ соціальная подкладка большинства польскихъ комедій разсматриваемой категоріи, вотъ въ какомъ положеніи споръ «отцовъ и дѣтей» на почвѣ современной польской общественности, насколько онъ отразился въ драмѣ!

Такъ какъ пьесы этого рода, по преимуществу, *идейныя*, тенденціозныя, то главный интересъ въ нихъ сосредоточивается не на бытовой сторонѣ, не на характерахъ, а на партіонной борьбѣ общественныхъ началъ.

Въ глазахъ сторонняго наблюдателя эта особенность дѣлаетъ ихъ, признаться, довольно скучными и незанимательными. Онѣ переполнены діалектическими спорами и монологами, въ которыхъ проводятся убѣжденія и принципы противоборствующихъ «направленій». Это пропаганда и, напр., для русскаго интеллигентнаго человѣка—пропаганда вовсе не интересная, потому что русская общественная мысль давно покончила съ сословными перегородками на почвѣ принциповъ. Позволимъ подкрѣпить себя нѣсколькими примѣрами, для нагляднаго ознакомленія читателей съ польской комедіей даннаго направленія.

Въ пятиактной, написанной стихами, комедіи Залевскаго, съ весьма характеристическимъ заглавіемъ: «За прогрессомъ» (Z Postepem), молодой демократъ-инженеръ Кризскій, добиваясь руки дочери графа Кобылянскаго, ведетъ съ нимъ такіе разговоры.

Приступая къ рѣшительному объясненію, Кризскій про себя исповѣдуется:

— И такъ, я вынужденъ льстить гордости графа; я, который такъ возлюбилъ правду и до сихъ поръ, со знаменемъ равноправія въ рукахъ, шелъ на проломъ съ поднятой головой... Нынѣ я долженъ склонить эту голову *передъ врагомъ прогресса!*

Но вотъ и этотъ «врагъ прогресса» — графъ Кобылянскій. Съ первыхъ-же словъ объясненія съ Кризскимъ, онъ даетъ ему понять, что «хлопъ» по происхожденію не можетъ быть зятемъ графа.

— Героя ,какъ вы,— говоритъ онъ ему далѣе напрямикъ,—въ семью я не приму; могу принять только равнаго мнѣ—графа или князя...

— А въ моихъ жилахъ, графъ,—сардонически возражаетъ Кризскій, — течетъ кровь мужичья, кровь на-

рода! И это я говорю вамъ съ гордостью, потому что этой крови я не отдалъ-бы за княжескій титулъ... Нынѣ сословныя перегородки стерлись... Да и что вы такое?— Потомки исполиновъ—сами вы карлики, гномы головой и сердцемъ!.. Внуки рыцарей! скажите, во что вы, кромѣ титуловъ, вѣрите?.. Да, я не шляхтичъ, я въ нищетѣ родился—сынъ профессора, который трудился всю жизнь надъ молодымъ поколѣніемъ, чтобъ изъ него вышли люди... Моя задача была и есть—помножать славу родного края... Вы, большіе баре, ѣздите за-границу, чтобы транжирить имѣніе и здоровье въ распутствѣ; я-же пошелъ туда искать въ потѣ лица знанія и нынѣ, обогащенный сокровищами науки, возвращаюсь въ родной край для увеличенія его блага и счастья...

Еще рѣшительнѣе высказывается противъ аристократовъ Э. Любовскій, въ своей комедіи: «Предразсудки», въ которой выведенъ разбогатѣвшій плебей-буржуа, проникнутый принципіальной ненавистью къ барамъ. Въ силу этой ненависти, онъ ни за что не хочетъ отдать своей дочки за графа и, между прочимъ, говоритъ ей:

— Развѣ ты думаешь, что время измѣнило *этихъ* господъ? Оттого, что они ныньче вѣжливѣе обращаются съ *нами*, значитъ-ли это, что они отреклись отъ своихъ родовыхъ предразсудковъ? *Онъ* (графъ) любитъ тебя, но, женившись на тебѣ, развѣ онъ не пожалѣетъ, что послушалъ свое сердце?.. И я, твой отецъ, ради глупаго честолюбія, пустилъ-бы тебя къ *нимъ*? Никогда!

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти заядлые демократы и прогрессисты кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что примиряются и роднятся съ ненавистными графами. Примирительницей является женщина и, напр., Любовскій возводитъ это въ своего рода догматъ:

— Тамъ,—говоритъ онъ устами одного дѣйствующаго

лица, — гдѣ роль примирителя возьметъ на себя женщина, война всегда кончается *взаимными уступками*.

Такой, именно, примирительницей является въ названной комедіи героиня, гдѣ, кромѣ того, выведенъ въ весьма выгодномъ свѣтѣ захудалый аристократъ, познавшій тщету барской заносчивой гордыни и не брезгающій снискивать себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ.

Конечная мораль комедіи г. Любовскаго, въ основаніи своемъ, широка и симпатична: онъ отрицаетъ всякіе *сословные* предразсудки и перегородки, и одинаково осуждаетъ какъ аристократическую родовую гордость, такъ и противоборствующую ей демократическую исключительность.

— Онѣ не имѣютъ мѣста тамъ,—говоритъ онъ устами своего героя,—гдѣ сходятся честный человѣкъ съ честнымъ: онѣ совершенно исчезли-бы, еслибы мы научились уважать въ себѣ прежде всего *личность*, характеръ...

Исходя изъ того-же прогрессивно-демократическаго начала, молодые польскіе драматурги настойчиво, вомножествѣ повтореній, осмѣиваютъ типы разбогатѣвшихъ выскочекъ, корчащихъ изъ себя аристократовъ, лѣзущихъ въ «большой свѣтъ» и отрекающихся отъ той среды, изъ который они вышли. Типы эти неизмѣнные и почти стереотипные—выше помянутый нами «доробкевичъ», изъ мелкихъ шляхтичей или мѣщанъ, и ополяченный еврей — банкиръ или фабрикантъ. Они всегда фигурируютъ въ смѣшномъ свѣтѣ, и польскіе драматурги не жалѣютъ красокъ на ихъ комическіе портреты, нерѣдко доводимые до каррикатуры. Такимъ является этотъ жирный, надутый, претенціозный буржуа, въ сопоставленіи съ элегантными представителями истиннаго beau monde'а. Но есть пьесы въ современномъ польскомъ репертуарѣ, въ которыхъ этотъ-же типъ освѣ-

щенъ съ другой еще болѣе антипатичной стороны, а именно, въ его отношеніяхъ къ работающимъ на него бѣднякамъ—труженикамъ. Здѣсь выставляется вся его алчная эгоистичность и черствая безсердечность.

На эту тему написана, между прочимъ, комедія С. Сарнецкаго: «Dworacy niedoli» (Питомцы недоли). Въ ней выведены богатый, надменный коммерсантъ и служащій у него—честный бѣднякъ-труженникъ, который умираетъ, оставляя свою семью въ нищетѣ, въ томъ числѣ дочь дѣвушку. Дѣвушка эта, по сознанію самаго коммерсанта, могла бы, по своимъ знаніямъ и способностямъ, продолжать занятія отца и, тѣмъ снискивать пропитаніе себѣ и семьѣ; но онъ не хочетъ ее оставить из эгоистической боязни, что ею можетъ увлечься его сынъ—молодой, но уже испорченный богатствомъ лодырь.

Отецъ и сынъ характеризуютъ себя сами.

— Намъ,—говоритъ первый,—прежде всего слѣдуетъ заботиться о *нашемъ* домѣ, о *нашей* фирмѣ, объ оборотахъ... *Важныя* дѣла должны быть всегда на первомъ планѣ.

Важнѣе личныхъ, семейныхъ дѣлъ — у этого самолюбца другихъ не существуетъ. Это его догматъ.

— Мы, въ нашей семьѣ всѣ эгоисты,—рекомендуется сынъ.—Никто изъ насъ о другомъ не заботится—мы только самими собою занимаемся. Это у насъ въ роду...

Авторъ, впрочемъ, какъ и въ большинствѣ польскихъ комедій этого жанра, кончаетъ *примиреніемъ* разнородныхъ общественныхъ элементовъ, выведенныхъ въ пьесѣ. Богачи—эгоисты, столкнувшись съ честными и добродѣтельными ригористами—бѣдняками, научаются у нихъ уважать чужую личность, почеловѣчески относиться къ ближнимъ и любить... Все это превращеніе

совершаетъ чародѣйка—любовь, прочно цементирующая, подъ конецъ пьесы, обѣ стороны.

Вообще, половая любовь играетъ первенствующую роль въ польской современной бытовой комедіи, признаться, довольно бѣдной мотивами. Чисто *идейныхъ* пьесъ по разнымъ общественнымъ вопросамъ и «злобамъ дня», за изъятіемъ вышеуказаннаго цикла комедій, посвященныхъ объединенію сословій и искорененію сословныхъ предразсудковъ, довольно мало въ польской литературѣ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстны немногія. Между тѣмъ, насъ этого рода пьесы особенно интересовали, такъ какъ въ нихъ мы думали найти, нѣкоторымъ образомъ, діагнозъ современныхъ болей польскаго общества. Поиски наши, въ этомъ случаѣ, принесли намъ, однако, не много. Разберемся въ томъ, что имѣемъ подъ рукою.

Брако-разводный вопросъ—нашелъ себѣ истолкователя въ г. Залевскомъ, посвятившемъ ему пятиактную пьесу: «Artykuł 264» (Артикулъ 264). Авторъ вывелъ пару молодыхъ интеллигентныхъ супруговъ, свѣтской зажиточной среды. Жена съѣзжаетъ отъ мужа и ищетъ развода съ нимъ, по весьма вѣскимъ и резоннымъ причинамъ.

— Я,—объясняетъ она эти причины,—любила деревню, онъ (т. е. мужъ) терпѣть ее не могъ; я желала проводить зиму въ Варшавѣ, онъ—предпочиталъ путешествія и жизнь въ большихъ городахъ; я люблю спокойствіе, онъ—фантазіи. Но все это, можетъ быть, я и перенесла-бы, еслибъ въ Парижѣ въ одно прекрасное утро не сдѣлала мнѣ нѣкая Кетти визитъ, вовсе, однако, не ко мнѣ адрессованный... Тогда я убѣдилась, что мы съ г. Скальскимъ (фамилія мужа) не сотворены другъ

для друга, и дальнѣйшая совмѣстная жизнь съ нимъ оказалась невозможной.

Вотъ и все, и—пожалуй—вы скажете, что почтенная дама слишкомъ ужь строга и требовательна, если изъ за такихъ легкихъ обидъ и разногласій рѣшилась на разводъ. Конечно, неожиданный визитъ m-selle Кетти—ударъ тяжкій семейному счастью; но, еслибы всѣ жены, изъ за легкихъ амурныхъ грѣшковъ своихъ мужей, стали разрушать семейные очаги, то до сихъ поръ изъ нихъ ни одного не осталось-бы на обоихъ полушаріяхъ.

Вопросъ не въ Кетти и не въ разности сезонныхъ вкусовъ супруговъ, а въ томъ, на чемъ зиждится ихъ союзъ—сердечная цѣпь-ли это, иль тонкій волосокъ? Въ первомъ случаѣ, супруги всегда простятъ другъ другу и взаимныя слабости и взаимныя прегрѣшенія, включительно даже до Кетти... Во второмъ,—волосокъ рвется съ легкостью и поспѣшностью, на какія обыкновенно, способны люди, ничѣмъ прочнымъ между собою не связанные.

Здѣсь г. Залевскій коснулся, дѣйствительно, одного больнаго мѣста польской семейной жизни и польской женщины. Замѣчательная вещь, что въ большинствѣ прочитанныхъ нами современныхъ польскихъ комедій соискателями супружескаго счастья съ прекрасными героинями являются неизбѣжно, съ одной стороны, золотые мѣшки, въ лицѣ монструозныхъ старыхъ сластолюбцевъ, съ другой—элегантные хлыщи, съ пустымъ карманомъ и съ громкимъ титуломъ, охотники до богатаго приданнаго, съ третьей—и уже на заднемъ планѣ, въ финалѣ пьесы—настоящіе «первые любовники», молодые, честные сыновья «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», любящіе и любимые героинями. Хотя, боль-

шею частью, пьеса кончается побѣдой молодости и любви; но нельзя не обратить вниманія на такую частую повторяемость соискательскаго соперничества столь рознородныхъ претендентовъ. Обстоятельство это объясняется очень просто: дѣвушка полька, если не сама лично, то по волѣ родителей дѣлаетъ очень часто изъ брака *выгодную партію*, основанную на однихъ матеріальныхъ разсчетахъ и исключающую запросы сердца.

Мы говоримъ это на основаніи, конечно, разбираемыхъ литературныхъ произведеній. Можетъ, въ жизни это иначе — не знаемъ! На этомъ-же основаніи, приходится признать, что такой взглядъ на бракъ, повидимому, въ нравахъ, и отъ него не можетъ иногда эманципироваться даже дѣвушка, вполнѣ сознавшая ненормальность и безнравственность замужества единственно *для партіи*.

Героиня комедіи «Передъ свадьбой» того-же Залевскаго, дѣвушка милая, умная, благородная и съ сердцемъ, такимъ, напр., образомъ очерчиваетъ свое положеніе:

— ... И такъ, я буду имѣть мужа, какого захотѣли навязать мнѣ мать и дядя... Воистину, тяжелая наша жизнь и — не лучше-ли было вовсе не родиться! Всѣ мечты и грезы молодости похоронить въ одинъ мигъ, замереть навсегда и потомъ играть долгую, непрерывную комедію... Любить *его* (т. е. мужа)? — Даже уважать его я не въ силахъ!.. И еслибы, покрайней мѣрѣ, я сознавала, что своимъ самопожертвованіемъ упрочу чье нибудь счастье — матери моей, напр., или, хотя-бы, *его*... Странный свѣтъ! Когда разнесется вѣсть, что я иду за богатаго, сколько людей скажутъ: «Счастливица! будетъ имѣть кареты, наряды... будетъ барыней...» Но что здѣсь—въ груди моей—будетъ твориться, о томъ никто

не подумаетъ... Быть прикованной къ чурбану... О, какъ грустно! грустно!

Да, дѣйствительно, очень грустно видѣть, что хорошая дѣвушка, сама сознавая всю тягость и безнравственность приковыванія себя къ позолоченному «чурбану», безъ любви и безъ уваженія къ нему, даже безъ утѣшительнаго сознанія, что такая жертва кому-нибудь нужна, тѣмъ не менѣе покорно и добровольно продаетъ себя... «за кареты, за наряды...» Еще грустнѣе, что въ ней не является даже мысли личнаго протеста этой гнусной продажѣ и — она, какъ овечка, пошла-бы на закланіе, еслибъ не явились со стороны добрые люди спасать ее. Конечно, это ужь чистая случайность, которая въ дѣйствительности очень рѣдко приходитъ, чтобъ разстроивать такіе безнравственные браки.

Отсюда, становится понятной и та легкость, съ которою въ молодыхъ дамахъ-полькахъ, «прикованныхъ къ чурбанамъ», созрѣваетъ, послѣ свадьбы, скорая мысль о разводѣ. Героиня пьесы «Артикулъ 264», точно также вышла замужъ только потому, что женихъ ея былъ красивый «чурбанъ»: «имѣлъ онъ красивые черные усики, красивые экипажи, лакеевъ въ свѣжихъ ливреяхъ, свѣтское знакомство, элегантность» и... больше ничего.

Естественно, что у такихъ беззаботныхъ и неразборчивыхъ людей все дѣлается легко, безъ дальнихъ размышленій и колебаній: сватовство, супружество, разводъ, а, послѣ развода, возобновленное сожительство—все это, какъ по маслу, слѣдуетъ и чередуется одно за другимъ, безъ всякихъ нравственныхъ потрясеній и семейныхъ драмъ.

Такъ, именно, и разрѣшаетъ брако-разводный вопросъ г. Залевскій! Его герои—супруги, послѣ разъѣзда, опять сходятся, мирятся и начинаютъ новую серію медовыхъ

мѣсяцевъ супружеской жизни... Оно и подъ требованія, щепетильной въ этомъ пунктѣ, польско-католической общественной морали какъ разъ подходитъ. Зачѣмъ вводить ее въ соблазнъ и скандализировать принципіальнымъ, на законномъ основаніи, разрушеніемъ семейнаго очага, на святость котораго она такъ любитъ ссылаться?

Между тѣмъ, святость эта, на самомъ дѣлѣ, иногда довольно легко игнорируется, какъ это мы можемъ судить по другой *идейной* комедіи: «Piękna» (Красавица), принадлежащей талантливому перу г. Свѣнтоховскаго, пишущаго подъ псевдонимомъ Оконьскій.

Г. Свѣнтоховскій—драматургъ попреимуществу *идейный*, и—пожалуй — нестолько драматургъ, сколько моралистъ и публицистъ. Онъ въ своихъ пьесахъ, большею частью вовсе не сценичныхъ и, потому, вовсе, кажется, не появляющихся на театральныхъ подмосткахъ, задается рѣшеніемъ разныхъ философскихъ и соціальныхъ вопросовъ. Такъ, напр., въ пьесѣ «Antea» (Антея) онъ проводитъ оригинальную «философію рабовъ», на классической почвѣ изъ греческой, якобы, жизни IV вѣка до Р. Хр., оболочкою которой авторъ воспользовался для болѣе свободнаго выраженія своихъ либерально-политическихъ взглядовъ. Въ пьесѣ «Отецъ Макарій», г. Свѣнтоховскій коснулся одного щекотливаго въ католицизмѣ вопроса—безбрачія духовенства; но къ этой послѣдней пьесѣ мы возвратимся потомъ, а теперь познакомимся съ «Красавицей» нашего автора.

Идея этой пьесы состоитъ въ нравоученіи, высказываемомъ ея резонеромъ, литераторомъ Зенономъ, что «красивая женщина, если не обладаетъ чрезвычайными силами для отпора соблазна, создаетъ вокругъ себя фатальныя условія, которыя приводятъ и ее и ея поклонниковъ къ нравственному паденію».

Идея, если хотите, вѣрная, но—узкая и однобокая. Мудрый панъ Зенонъ, поставивъ все рѣшеніе этого интереснаго вопроса въ исключительную зависимость отъ индивидуальныхъ силъ женщины, требуя отъ нея—и отъ нея одной—суровой борьбы съ соблазномъ для охраненія нравственной чистоты ея лично, ея семьи и всѣхъ окружающихъ ее мущинъ (Такое «poświęcenie» польскіе писатели очень любятъ возлагать на слабыя плечи женщины!), оставляетъ безъ малѣйшаго упрека порочную среду, создающую такое опасное и ненормальное положеніе для каждой красивой женщины. Онъ (а, можетъ быть, и самъ авторъ) вовсе не замѣчаетъ, что источникъ всѣхъ пакостей и мерзостей, совершаемыхъ окружающими героиню юными и старыми любезниками, изъ за похотливаго вожделѣнія къ ней, вовсе не въ ней и не въ ея красотѣ, а въ ихъ нравственной дрянности, умственной пустотѣ, свѣтскомъ праздномъ шелопайствѣ и въ алчной погонѣ за наслажденіями. Разумѣется, сама героиня-«красавица» нисколько не выше и не лучше своихъ поклонниковъ. Это—типичное олицетвореніе отрицательныхъ сторонъ характера польки: ея женскаго легкомыслія, кокетства, суетности и салонной страстишки кружить головы всѣмъ мущинамъ. Она—замужняя женщина, притомъ уже мать, любитъ своего мужа, умнаго, образованнаго благороднаго человѣка, дорожитъ своимъ семейнымъ счастьемъ, и, не смотря на это, напропалую кокетничаетъ со всѣми, а, подъ конецъ, съ изумительной легкостью и, повидимому, безъ всякаго даже съ своей стороны увлеченія, безъ всякой борьбы, даетъ себя уловить въ сѣти адюльтера элегантному хлыщу и распутному фату, съ неизбѣжной графской короной на совершенно пустой головѣ. Интрига эта устроивается такъ скоропалительно, что ее,—уже изъ чувства приличія,—

нужно было приписать *фатализму*, которому подчинена-де красивая женщина: иначе—тутъ пришлось-бы подъискать очень некрасивое и очень рѣзкое опредѣленіе поведенія «красавицы»..

Вообще, г. Свѣнтоховскій, весь истощившись въ этой пьесѣ на остроумные салонные діалоги (всѣ дѣйствующія лица у него острятъ и иначе не говорятъ какъ остротами, такъ что подъ конецъ читателю становится тошно отъ этой гимнастики остроумія!), плохо справился со своей задачей, крайне слабо развилъ драматическую сторону пьесы и вовсе не доказалъ того, что доказать собирался.

Гораздо удачнѣе выступилъ онъ съ проповѣдью, въ пользу брачной жизни духовенства, въ своей трехъактной, очень тепло написанной драмѣ: «Отецъ Макарій». О. Макарій — почтенныхъ лѣтъ уже, ксендзъ, монахъ, оказывается отцомъ молодыхъ людей Аврелія и Цециліи — плодовъ его «любви несчастной», которыхъ онъ страстно любитъ, но, связанный своимъ саномъ и монашеской рясой, не смѣетъ признаться имъ, не въ состояніи и помочь имъ, когда ихъ постигаютъ бѣды и несчастья... Положеніе несчастнаго, дѣйствительно, трагическое и авторъ живо очертилъ его душевныя страданія, его внутреннюю борьбу между чувствомъ и долгомъ!

Пьеса кончается тѣмъ, что о. Макарій признается дѣтямъ, благословляетъ ихъ на счастливую жизнь, а самъ, влекомый своимъ монашескимъ призваніемъ, ѣдетъ въ Африку миссіонерствовать, потому что, говоритъ онъ:

— Монахъ, который вѣчнымъ самоотреченіемъ и самобичеваніемъ долженъ снискивать себѣ уваженіе людей, *согрѣшивши отцовствомъ*, вынужденъ укрыться даже передъ звѣздами, видѣвшими его преступленіе, ибо и онѣ грозили-бы ему казнью!

— Ты не знаешь, — говоритъ онъ сыну, — что значитъ быть ксендзомъ!.. Чувствую такой въ себѣ страхъ, какъ еслибъ я одинъ изъ всего человѣчества былъ грѣшенъ. Кажется мнѣ, что Богъ только на меня одного устремилъ теперь свое грозное око—только одного меня слушаетъ... *Дѣти мои... мои!* говорю громко (послѣ молчанія)... Какъ?.. Неужели не валятся на меня эти стѣны, не разражаются громы?.. Можетъ быть, я могу признать моихъ дѣтей?.. (Съ горечью) Нѣтъ!

— Но кто тебѣ это запрещаетъ?—спрашиваетъ сынъ.

— Кто?—Все!.. Запретили-бы камни, еслибы могли говорить... Пусть и я онѣмѣлъ-бы, какъ они...

Конечно, авторъ не дерзнулъ рѣшить поднятый вопросъ въ смыслѣ принципіальнаго отрицанія безсемейнаго состоянія ксендзовъ, но ужъ и то немалый подвигъ новшества, что онъ его поднялъ и заставилъ, вѣроятно, надъ нимъ задуматься общество, столь проникнутое клерикализмомъ.

VIII.

Варшавскіе театры и музеи.

Помѣщенія и организація варшавскаго театра. — Характеристика варшавской труппы.—Корифеи: Моджеевская, Круликовскій, Жулковскій, Ладновскій, Дерингъ и др.—Художественно-національный романтизмъ.—Музей общества поощренія искусствъ.—Картина Матейки и польская историческая живопись.

Въ Варшавѣ имѣется всего лишь два постоянныхъ театра, если не считать частныхъ, ogródkowych, суще-

ствующихъ только лѣтомъ и число которыхъ, какъ и самое бытіе ихъ довольно случайныя.

Оба постоянные театра—Большой (Wielki) и Разнообразный (Rozmaitojści)—помѣщаются въ одномъ огромномъ и довольно красивомъ, съ внѣшней стороны, зданіи на Театральной площади, въ центрѣ города. По внутреннему-же устройству и помѣстительности, они далеко не удовлетворяютъ современныя требованія. Старой постройки, они плохо вентилируются и имѣютъ множество техническихъ неудобствъ. Поэтому, въ Варшавѣ давно возникла мысль ихъ перестройки или сооруженія новаго капитальнаго театра, въ которомъ городъ положительно нуждается, вслѣдствіе малой помѣстительности театровъ наличныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, при трехсотътысячномъ населеніи, оба вышеназванные театра не могутъ вмѣстить въ себѣ и двухъ тысячъ зрителей заразъ (Большой театръ имѣетъ всего около 1,100 мѣстъ, театръ Rozmaitości — около 800). Для Варшавы это большое лишеніе, вслѣдствіе чего, какъ писалось недавно въ газетахъ, тамъ приступлено теперь къ постройкѣ новаго, лѣтняго театра. Впрочемъ, лѣтній казенный театръ имѣется уже въ Варшавѣ. Онъ — деревянный и помѣщается въ Саксонскомъ саду, гдѣ, во время лѣтняго сезона, когда зимніе театры закрываются, даются драматическіе и оперные спектакли. Кромѣ того, лѣтомъ даются изрѣдка спектакли казенной труппой еще въ Лазенкахъ (загородный лѣтній дворецъ), въ придворныхъ театрахъ, изъ коихъ одинъ очень оригинальный: сцена устроена на островкѣ и отдѣлена отъ зрителей узкимъ каналомъ; зрители помѣщаются въ амфитеатрѣ, воздвигнутомъ на берегу, подъ открытомъ небомъ.

Организація театральнаго дѣла въ Варшавѣ сходна съ нашей—петербургской. Какъ у насъ, такъ и тамъ—

справедливость варшавской публикѣ — она ведетъ себя въ театрѣ съ такимъ интеллигентнымъ пониманіемъ искусства, съ такимъ тактомъ, которые не оставляютъ ничего желать. Сдержанность публики въ оцѣнкѣ игры артистовъ, въ выраженіи имъ одобренія или неодобренія, дѣлаетъ то, что каждый артистъ здѣсь, съ своей стороны, строже относится къ самому себѣ, не гонится за рискованными эффектами и дешевыми лаврами, зная напередъ, что публику этимъ не подкупишь. На апплодисменты и вызовы, которыми, къ сожалѣнію, такъ злоупотребляютъ въ нашихъ театрахъ «райки», варшавская театральная публика, сколько мы замѣтили, очень скупа; но за то артистъ, удостоенный здѣсь вызова, можетъ имъ поистинѣ гордиться, какъ нелицепріятной оцѣнкой несомнѣнной талантливости и добросовѣстности.

Вѣроятно, благодаря въ значительной степени тѣмъже качествамъ варшавской театральной публики — ея любви, развитому вкусу и серьезному отношенію къ сценическому искусству, послѣднее стоитъ въ Варшавѣ на довольно высокой степени совершенства. Варшавяне съискони гордятся своимъ театромъ. «Наша сцена, говорятъ они, по свидѣтельству В. Богуславскаго (авторъ книги: «Siły i środki naszej sceny», 1879 г.),—одна изъ первыхъ въ Европѣ: она не уступаетъ парижскому «Théâtre Français», вѣнскому «Bugtheater» и итальянскому обществу Belloti Bon».

Хотя г. Богуславскій относится нѣсколько скептически къ такому высокому мнѣнію, но, кажется, и самый строгій критикъ не можетъ отказать варшавской драматической труппѣ въ недюжинныхъ достоинствахъ. Не говоря уже о томъ, что въ средѣ ея есть такія первоклассныя, пользующіяся общеевропейской извѣстностью, звѣзды, какъ г-жа Модржеевская, гг. Круликовскій, Жул-

ковскій и др., общій уровень варшавской труппы, по талантливости ея представителей и знанію ими дѣла, можно признать превосходнымъ. Что особенно въ выгодномъ свѣтѣ, на наши глаза, представило варшавскую драматическую труппу, такъ это—рельефно отличающая ее, внутренняя, никѣмъ извнѣ не предписанная, но, тѣмъ не менѣе, нравственно обязательная для всей корпораціи дисциплина, которая, по истинѣ, составляетъ душу каждой профессіи. Много разъ посѣтивъ варшавскіе театры, мы ни разу не замѣтили ни въ общемъ ходѣ и постановкѣ спектаклей, ни въ частности—въ игрѣ того или другаго актера, сколько-нибудь ощутительныхъ признаковъ той небрежности и того «спустя рукава», которыя такъ нерѣдко приходится видѣть, напр., на петербургскихъ казенныхъ сценахъ... Правда, наша публика добродушная и невзыскательная: то, что она охотно прощаетъ, напр., александринскимъ лицедѣямъ, въ глазахъ такой требовательной и строгой публики, какъ варшавская, могло-бы сильно уронить репутацію любаго артиста. Оттого-то здѣсь вы видите въ каждомъ дѣятелѣ сцены—вошедшія, очевидно, въ привычку—неослабную старательность, точность и трудолюбивую подготовку въ исполненіи ролей, самыхъ даже незначительныхъ, въ дружномъ содѣйствіи ансамблю и общему движенію пьесы... Все это — качества, которымъ нельзя не позавидовать въ интересѣ нашего, напр., александринскаго сценическаго искусства...

Переходя къ обзору выдающихся силъ варшавскаго театра, долженъ выразить сожалѣніе, что въ мое пребываніе въ Варшавѣ не играли ни г-жа Модржеевская, путешествовавшая тогда по бѣлу-свѣту, ни г. Круликовскій, находившійся не въ ладахъ съ дирекціей. Такъ мнѣ и не удалось видѣть этихъ первоклассныхъ звѣздъ

справедливость варшавской публикѣ — она ведетъ себя въ театрѣ съ такимъ интеллигентнымъ пониманіемъ искусства, съ такимъ тактомъ, которые не оставляютъ ничего желать. Сдержанность публики въ оцѣнкѣ игры артистовъ, въ выраженіи имъ одобренія или неодобренія, дѣлаетъ то, что каждый артистъ здѣсь, съ своей стороны, строже относится къ самому себѣ, не гонится за рискованными эффектами и дешевыми лаврами, зная напередъ, что публику этимъ не подкупишь. На апплодисменты и вызовы, которыми, къ сожалѣнію, такъ злоупотребляютъ въ нашихъ театрахъ «райки», варшавская театральная публика, сколько мы замѣтили, очень скупа; но за то артистъ, удостоенный здѣсь вызова, можетъ имъ поистинѣ гордиться, какъ нелицепріятной оцѣнкой несомнѣнной талантливости и добросовѣстности.

Вѣроятно, благодаря въ значительной степени тѣмъже качествамъ варшавской театральной публики — ея любви, развитому вкусу и серьезному отношенію къ сценическому искусству, послѣднее стоитъ въ Варшавѣ на довольно высокой степени совершенства. Варшавяне съискони гордятся своимъ театромъ. «Наша сцена, говорятъ они, по свидѣтельству В. Богуславскаго (авторъ книги: «Siły i środki naszej sceny», 1879 г.),—одна изъ первыхъ въ Европѣ: она не уступаетъ парижскому «Théâtre Français», вѣнскому «Bugtheater» и итальянскому обществу Belloti Bon».

Хотя г. Богуславскій относится нѣсколько скептически къ такому высокому мнѣнію, но, кажется, и самый строгій критикъ не можетъ отказать варшавской драматической труппѣ въ недюжинныхъ достоинствахъ. Не говоря уже о томъ, что въ средѣ ея есть такія первоклассныя, пользующіяся общеевропейской извѣстностью, звѣзды, какъ г-жа Модржеевская, гг. Круликовскій, Жул-

ковскій и др., общій уровень варшавской труппы, по талантливости ея представителей и знанію ими дѣла, можно признать превосходнымъ. Что особенно въ выгодномъ свѣтѣ, на наши глаза, представило варшавскую драматическую труппу, такъ это—рельефно отличающая ее, внутренняя, никѣмъ извнѣ не предписанная, но, тѣмъ не менѣе, нравственно обязательная для всей корпораціи дисциплина, которая, по истинѣ, составляетъ душу каждой профессіи. Много разъ посѣтивъ варшавскіе театры, мы ни разу не замѣтили ни въ общемъ ходѣ и постановкѣ спектаклей, ни въ частности—въ игрѣ того или другаго актера, сколько-нибудь ощутительныхъ признаковъ той небрежности и того «спустя рукава», которыя такъ нерѣдко приходится видѣть, напр., на петербургскихъ казенныхъ сценахъ... Правда, наша публика добродушная и невзыскательная: то, что она охотно прощаетъ, напр., александринскимъ лицедѣямъ, въ глазахъ такой требовательной и строгой публики, какъ варшавская, могло-бы сильно уронить репутацію любаго артиста. Оттого-то здѣсь вы видите въ каждомъ дѣятелѣ сцены—вошедшія, очевидно, въ привычку—неослабную старательность, точность и трудолюбивую подготовку въ исполненіи ролей, самыхъ даже незначительныхъ, въ дружномъ содѣйствіи ансамблю и общему движенію пьесы... Все это — качества, которымъ нельзя не позавидовать въ интересѣ нашего, напр., александринскаго сценическаго искусства...

Переходя къ обзору выдающихся силъ варшавскаго театра, долженъ выразить сожалѣніе, что въ мое пребываніе въ Варшавѣ не играли ни г-жа Модржеевская, путешествовавшая тогда по бѣлу-свѣту, ни г. Круликовскій, находившійся не въ ладахъ съ дирекціей. Такъ мнѣ и не удалось видѣть этихъ первоклассныхъ звѣздъ

варшавской сцены. Впрочемъ, русская читающая публика достаточно знакома изъ газетъ съ именемъ г-жи Модржеевской, съ ея біографіей и, отчасти, со свойствами ея громаднаго таланта. Г. Круликовскій—теперь уже пожилой человѣкъ, много лѣтъ послужившій отечественной сценѣ и стяжавшій неувядаемую славу, до сихъ поръ еще сохранилъ живость и гибкость своего обширнаго и многосторонняго таланта.

Г. В. Богуславскій, въ своемъ вышепомянутомъ старательномъ обзорѣ силъ и средствъ современнаго варшавскаго драматическаго театра, называетъ талантъ г. Круликовскаго «универсальнымъ», въ доказательство чего указываетъ на массу самыхъ разнородныхъ ролей, «созданныхъ» этимъ актеромъ въ теченіе его многолѣтней артистической дѣятельности. Безъ сомнѣнія, для такой «универсальности» нужно обладать необыкновенной гибкостью таланта, шириной пониманія и умѣнья усвоить и передать каждую роль.

И дѣйствительно: «никто такъ вѣрно и, въ то-же время, такъ художественно не передаетъ мысли и образы автора, какъ Круликовскій, говоритъ г. Богуславскій. Съ Круликовскимъ драматургъ можетъ быть спокоенъ: у него не пропадетъ ни одна черточка, ни одинъ самомалѣйшій намекъ. Что не выскажется въ словѣ, то артистъ передастъ молчаніемъ, усмѣшкой, взглядомъ; а въ его дикціи, въ его жестикуляціи—удивительное знаніе мѣры и предѣловъ выраженія, требуемыхъ искусствомъ»...

Г. Жулковскій—тоже всеобщій любимецъ варшавской публики, много лѣтъ работающій на сценѣ, сынъ не менѣе знаменитаго актера Жулковскаго, прославившагося въ двадцатыхъ—тридцатыхъ годахъ и пользовавшагося милостями великаго князя Константина Павловича.

О немъ и его остротахъ до сихъ поръ ходитъ множество разсказовъ, въ такомъ, напр., родѣ:

Однажды Жулковскій скаламбурилъ на сценѣ, сказавъ, что «Polska ginie bez Poznania» (т. е. Польша гибнетъ не то безъ *Познани*—прусской провинціи, не то отъ безсознанія; тутъ непереводимая игра словъ). Константинъ Павловичъ призвалъ каламбуриста и сдѣлалъ ему отеческій нагоняй, чтобы онъ впредь не задиралъ сосѣдей. Жулковскаго стали спрашивать, зачѣмъ его призывали, и онъ простодушно отвѣчалъ:

— My mówili o Poznaniu. Wielki Xiąże ofiorowal mi Kijów za Poznanie. Nie mogliśmy się porozumieć i na tem dobrowolnie się rzecz skończyła (т. е. Мы говорили о Познани, Великій Князь предложилъ мнѣ за Познань Кіевъ... Тутъ опять игра словъ: Kijów, попольски, значитъ и *палокъ* и городъ Кіевъ).

Но возвратимся къ нынѣшнему представителю этой даровитой семьи.

Современный Жулковскій—безподобный комикъ, обладающій удивительнымъ богатствомъ мимическихъ средствъ и дикціи, дающихъ ему возможность съ равнымъ успѣхомъ исполнять самыя разнообразныя роли. Мы лично видѣли его, между прочимъ, въ забавной одноактной комедіи графа Фредра «Consilium Facultatis» (пьеса эта, безъ указанія источника, была «заимствована» однимъ изъ нашихъ александринскихъ драматурговъ, не помнимъ только—подъ какимъ названіемъ). Онъ игралъ роль избалованнаго добряка Балбецкаго, съ бычьимъ аппетитомъ, но вообразившаго неизвѣстно почему, что его снѣдаетъ неисцѣлимый недугъ. Этимъ пользуется молодой искатель руки дочери чудака и, ничего не смысля въ медицинѣ, начинаетъ разъигрывать роль доктора. Въ роли Балбецкаго ранѣе мы видѣли на алек-

сандринской сценѣ г. Алексѣева. Роль эта—отчасти каррикатурная и водевильная—не произвела на насъ тогда ровно никакого впечатлѣнія; за то Балбецкаго-Жулковскаго мы вѣроятно никогда не забудемъ—такъ былъ онъ правдивъ, типиченъ и восхитительно-забавенъ.

Можетъ быть, слѣдовало-бы принять за общее правило измѣрять талантливость актера не столько по капитальнымъ, казовымъ и «благодарнымъ» ролямъ, сколько по незначительнымъ, второстепеннымъ и ординарнымъ по замыслу... Ни въ чемъ такъ ярко и такъ обаятельно не сказывается сильный талантъ, какъ въ исполненіи такихъ ролей, которыя считаются ничтожными и неинтересными при посредственной игрѣ! Намъ пришло это въ голову, когда мы смотрѣли г. Жулковскаго и воочію видѣли, какія чудеса можетъ дѣлать на сценѣ почти изъ ничего творческая сила могучаго таланта!...

Въ нашу бытность въ Варшавѣ героемъ дня на мѣстной драматической сценѣ былъ г. Б. Ладновскій, молодой актеръ львовскаго театра, пріѣзжавшій въ Варшаву на гастроли. О немъ много толковали и въ публикѣ, и въ печати; говорилось о немъ не мало и въ варшавскихъ корреспонденціяхъ русскихъ газетъ.

Г. Ладновскій, въ своемъ родѣ, польскій Росси, если не по знаменитости и силѣ дарованія, то по аналогичности амплуа и карьеры. Репертуаръ г. Ладновскаго состоитъ, главнымъ образомъ, изъ Шекспира, по крайней мѣрѣ, въ Варшавѣ онъ игралъ исключительно въ однѣхъ шекспировскихъ драмахъ. Мы его видѣли въ «Отелло», въ «Ромео и Юліи». и пр. Признаться, онъ не произвелъ на насъ большаго впечатлѣнія послѣ того, какъ мы видѣли въ этихъ пьесахъ Росси; но, несомнѣнно, г. Ладновскій—актеръ съ большимъ дарованіемъ, прекрасной школы и прекрасной будущности (онъ еще очень

молодой человѣкъ). Есть у него, если хотите, и одно преимущество передъ Росси: у итальянскаго трагика васъ поражаетъ изумительное искусство, поразительная обдуманность и разсчетливость въ важномъ и мелочахъ, но онъ не обладаетъ тайной хватать зрителя за сердце той божественной искоркой, которая не дается актеру никакимъ искусствомъ.

Вотъ эту-то искорку мы замѣтили въ Ладновскомъ, но кто особенно богато одаренъ ею, въ комъ она сверкаетъ неподдѣльнымъ самоцвѣтнымъ блескомъ, такъ это въ г-жѣ Дерингъ, одновременно съ г. Ладновскимъ пожинавшей лавры въ шекспировскихъ драмахъ!

Г-жа Дерингъ—наше лучшее воспоминаніе о Варшавѣ... Намъ немного разъ приходилось испытывать такое сильное поэтическое впечатлѣніе со сцены, какое оставилъ въ насъ грустный образъ шекспировской Юліи, воспроизведенный г-жей Дерингъ! Это былъ какой-то лучистый, возвышенный апоѳеозъ чувства любви и женской личности, въ ихъ лучшихъ выраженіяхъ... Чѣмъ особенно обаятельно дѣйствовала артистка на зрителя въ этой общечеловѣческой роли, такъ это — неподражаемымъ соединеніемъ реализма жгучей страсти съ идеализмомъ прекрасной женственной души! Огонь крови и ея чувственныя проявленія, какимъ-то дивнымъ процессомъ артистическаго творчества, при поразительной смѣлости и реальности выраженія, отождествлялись въ образѣ, полномъ идеальной чистоты и какой-то, сказали-бы мы, романтической поэзіи.

Г-жа Дерингъ—лучшая, молодая надежда варшавскаго драматическаго театра, преемница и отчасти соперница г-жи Модржеевской. Она въ расцвѣтѣ молодости и, какъ по своей представительной, красивой наружности, такъ и по богатству органа, мимической спо-

собности и другихъ сценическихъ средствъ, а также по глубинѣ и силѣ дарованія, можетъ считаться первоклассной артисткой. Недавно въ одной петербургской газетѣ сообщалось, что г-жа Дерингъ ѣздила въ Парижъ пробовать свои силы и въ короткое время пріобрѣла тамъ своими дебютами громкую и почетную извѣстность.

Къ числу молодыхъ знаменитостей современнаго варшавскаго театра относится еще г. Рапацкій—драматическій актеръ. Мы его видѣли тоже въ Шекспирѣ: въ роли еврея Шейлока въ «Венеціанскомъ купцѣ». Онъ былъ очень колоритенъ въ этой роли, много положилъ на ея отдѣлку искусства и труда; но, тѣмъ не менѣе, не возвысился до идеи, вложенной великимъ драматургомъ въ это лицо. Шейлока мы не видѣли въ игрѣ г. Рапацкаго, тѣмъ болѣе, что онъ, въ довершеніе непониманія этой роли, передавалъ ее ломаннымъ акцентомъ, «передразнивая» польскаго жида... Но хорошій актеръ скажется всегда—и въ ошибкахъ, и въ неудачныхъ роляхъ. И г. Рапацкій, именно, ни на минуту не оставлялъ сомнѣнія въ зрителѣ, что онъ актеръ—хорошій, талантливый и, главное, необыкновенно старательный, трудолюбивый. Въ любомъ театрѣ онъ былъ-бы замѣченъ и оцѣненъ по достоинству...

Мы остановились только на знаменитостяхъ варшавскаго драматическаго театра, не распространяясь о второстепенныхъ его силахъ, чтобы дать мѣсто обзору еще и другихъ отраслей художественной жизни Варшавы. Мы остановимся теперь, именно, на варшавской живописи.

Все новѣйшее польское національное искуство носитъ одинъ общій, рельефно отличающій его, отпечатокъ, который сами поляки объясняютъ такимъ образомъ.

Познакомившись съ однимъ выдающимся варшавскимъ журналистомъ, представителемъ мало знакомаго мнѣ ор-

гана, я какъ-то спросилъ его о «направленіи» послѣдняго.

— Направленіе наше консервативное, да иного у насъ и быть не можетъ,—отвѣтилъ онъ серьезно.

— Почему-же?—спросилъ я.

— Вопервыхъ, «по обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ», а, вовторыхъ—и это главное—мы слишкомъ много потеряли изъ того, что имѣли, для того, чтобы смотрѣть не назадъ, а впередъ, чтобы думать о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Мы въ положеніи человѣка, несшаго съ собой драгоцѣнное сокровище и растерявшаго его дорогой. Само собой разумѣется, что, спохватившись, онъ не станетъ продолжать путь, а повернетъ назадъ, въ разсчетѣ подобрать оброненное достояніе. Завсѣмъ тѣмъ, у насъ кое-что осталось, чѣмъ мы обязаны дорожить и въ чемъ наша опора и нашъ якорь спасенія: это—религія, семья и культура, какая-бы ни было, но культура несомнѣнно-національная и прочно установившаяся...

Страстный патріотизмъ дѣлаетъ поляковъ, съ одной стороны, романтиками и мечтателями, а, съ другой,—консерваторами, нѣсколько узкими и исключительными. Эти черты ихъ характера рельефнѣе всего выражаются и обрисовываются въ области ихъ искусства и литературы.

Начать съ того, что, вслѣдствіе потери политической самостоятельности—потери, съ которой полякъ не можетъ въ душѣ примириться, вслѣдствіе, наконецъ, тяжелыхъ лишеній и страданій, выпавшихъ на долю польской національности въ настоящемъ, мысль и сердце поляка всецѣло принадлежатъ прошлому. Въ прошломъ своей народности, своей былой «Рѣчи Посполитой», онъ ищетъ свои идеалы, ищетъ совѣтъ и разумъ жизни семейной и

общественной, ими питаетъ и свое эстетическое чувство. Недовольный настоящимъ, онъ всѣмъ своимъ существомъ живетъ въ прошломъ и, съ точки зрѣнія этого прошлаго, мечтаетъ о будущемъ. Таково неизбѣжное слѣдствіе «испорченной жизни», оборванной нити національной исторіи...

Въ литературѣ и въ искусствѣ поляки, по этой причинѣ, или мечтатели или романтики; только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ Запада, среди нихъ начали ощутительно прокладывать себѣ пути утилитаризмъ, реализмъ и радикализмъ, встрѣчающіе, однако, пока весьма сильную оппозицію со всѣхъ сторонъ. Возьмите всѣхъ лучшихъ польскихъ писателей и художниковъ XIX столѣтія, всѣ лучшія произведенія ихъ литературы и искусства за то-же время, и—вы найдете въ нихъ одну господствующую струю, выражающуюся въ разнообразномъ поклоненіи прошлому, въ любовномъ изученіи народной старины, въ идеализаціи народныхъ типовъ и героевъ... Эпопея польской поэзіи — «Панъ Тадеушъ» геніальнаго Мицкевича—можетъ служить лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ.

Нынѣшній патріархъ польской изящной словесности, Крашевскій, точно также огромную долю своего творчества посвятилъ исключительно художественному воспроизведенію картинъ и портретовъ польской исторіи, не жалѣя, при этомъ, яркихъ красокъ и благодарнаго освѣщенія, и весьма старательно избѣгая густыхъ тѣней и темныхъ пятенъ...

Ударившись въ эту сторону, творческая мысль доходитъ у польскихъ художниковъ нерѣдко до созданія совершенно фантастическихъ образовъ, какъ это можно судить по сочиненіямъ, напр., извѣстныхъ поэтовъ Красинскаго, Деотымы и др.

Этотъ патріотическій романтизмъ особенно ярко и выразительно сказывается въ польской живописи. Замѣтьте: все лучшее, талантливѣйшее и капитальнѣйшее, что только вышло изъ подъ кисти польскихъ художниковъ, посвящено изображенію и опоэтизированію прошлаго Польши! Очутившись въ единственной въ Варшавѣ *публичной* картинной галлереѣ «общества поощренія искусствъ» (Towarzystwo zachęty sztuk pięknych), вы почувствуете себя перенесеннымъ въ другой, далекій отъ настоящаго міръ—міръ стародавней *исторической* Польши, съ ея кунтушами, воинственными фигурами, рыцарскими, типично-сарматскими физіономіями, съ ея гомерическими пирами, бурными сеймами, военными подвигами и ихъ героями... Словомъ, передъ вами образная, художественная иллюстрація польскаго національнаго эпоса, и не исторіи, а именно—*эпоса*, потому что, вдохновленная патріотизмомъ, кисть художника воспроизвела здѣсь одни только патетическіе, богатырскіе моменты и черты прошлаго Польши въ самомъ выгодномъ поэтическомъ освѣщеніи, нерѣдко очень жарко подогрѣтомъ и бьющей въ глаза аффектаціей.

Этой особенностью отличается даже мастерская, правдиво-реальная кисть талантливаго Матейки, какъ въ этомъ могли наглядно убѣдиться петербуржцы по его замѣчательной колоссальной картинѣ: «Грюнвальдская битва», которую поляки поставили наравнѣ съ «Илліадой» Гомера.

Въ описаніи этой картины секретаремъ краковской академіи художествъ, г. Горжковскимъ, такъ напрямки и было сказано, что Грюнвальдъ—Троя Польши, а картина Матейки—ея «Илліада».

Идя путемъ такого сравненія, слѣдовало признать, что и грюнвальдскіе побѣдители изображены на картинѣ,

въ качествѣ эпическихъ польскихъ Агамемноновъ, Улисовъ, Ахилловъ, Менелаевъ и т. д. И дѣйствительно, картина Матейки въ такомъ тенденціозно-патріотическомъ смыслѣ и написана.

Онъ хотѣлъ увѣковѣчить лица польскихъ героевъ знатныхъ фамилій, участвовавшихъ въ этой битвѣ. Картина вышла преднамѣренно сочиненной. Аккуратно размѣривъ полотно надвое, художникъ посрединѣ его изобразилъ, въ какой-то изступленной позѣ, скачущаго на конѣ главнаго героя битвы, литовскаго князя Витовта. За нимъ и вокругъ него дѣйствуютъ, кто во что гораздъ, разные знатные паны, нещадно побивая нѣмцевъ. Все въ картинѣ принесено для отождествленія польско-патріотической идеи. Художникъ для этого не остановился даже передъ внесеніемъ на свое полотно сверхъестественнаго мистическаго элемента, довольно страннаго на глазъ посторонняго зрителя и вовсе не гармонирующаго съ реальнымъ содержаніемъ картины. Такъ, надъ головой Витовта, въ облакахъ, онъ изобразилъ, окруженнаго сіяніемъ, колѣнопреклоненнаго св. Станислава, патрона Польши.

«Изображеніе на картинѣ этого угодника Божьяго было тѣмъ болѣе кстати, что послѣ окончанія грюнвальдской побѣды, король Ягелло всѣ взятые трофеи и отобранныя у нѣмцевъ хоругви, въ числѣ 52-хъ, этому же святому жертвовалъ и на ступеняхъ алтаря его навсегда утвердилъ».

Такъ объяснялъ и оправдывалъ появленіе св. Станислава на картинѣ г. Матейки вышеозначенный г. Горжковскій.

Въ другомъ мѣстѣ г. Горжковскій говоритъ по тому же поводу, что «Гомеровскіе герои сражались, руководимые и покровительствуемые вдохновеніемъ миѳологическихъ

боговъ своихъ и богиней, то и польское рыцарство слѣдовало тоже высшимъ сверхъестественнымъ указаніямъ, ниспосланнымъ имъ только въ видѣ небеснаго явленія, въ лицѣ св. Станислава».

Русскій читатель, безъ сомнѣнія, улыбнется этимъ наивнымъ и нѣсколько курьезнымъ разсужденіямъ, написаннымъ, къ тому-жь, такимъ страннымъ языкомъ. (Мы буквально цитируемъ текстъ «указателя» г. Горжковскаго, написанный имъ порусски для петербургской публики).

Въ подобномъ религіозно-эпическомъ жанрѣ имѣется немало картинъ въ варшавскомъ музеѣ. Большая часть его номеровъ—историческія картины и, конечно, взятыя исключительно изъ прошлаго Польши.

Вотъ героическій король Владиславъ Варнскій (Wladysław Warneńczyk), изображенный Матейкой въ моментъ гибельной для него и для его войска битвы съ турками. Въ воинственномъ азартѣ, на ретивомъ конѣ, онъ, какъ левъ, отбивается отъ толпы турокъ...

Вотъ полумиѳическая королева-дѣвственница Ванда, бросившаяся въ Вислу и утонувшая въ ней изъ любви къ отечеству и изъ ненависти къ ея врагамъ...

Вотъ «Навращеніе» и «Крещеніе» Литвы — двѣ картины Герсона.

Далѣе «Кокоша война», Родаковскаго, возстановляющая бурныя сцены междоусобицъ Рѣчи Посполитой...

Вотъ польскій Геродотъ — историкъ Длугошъ, кисти Граматика, изображенный въ своей рабочей кельѣ, заваленной свитками лѣтописей и грудами фоліантовъ...

Вотъ Казиміръ Великій и знаменитая его метресса—еврейка Эстерка, воспроизведенная во всей ея обольстительной красѣ художникомъ Стрѣлецкимъ...

Вотъ, наконецъ, шё-девръ музея и его лучшее украшеніе—прелестная картина Зимлера: «Смерть Варвары

Радзивиловны». Извѣстна драматическая судьба этой исторической женщины, многократно воспѣтой польской поэзіей. На картинѣ она изображена въ первый моментъ послѣ кончины. Въ богато-обставленной опочивальнѣ, на роскошномъ ложѣ, въ батистѣ и кружевахъ, распростерта стройная фигура молодой женщины, съ красивымъ, дѣвственно-кроткимъ лицомъ, покрытомъ мертвенной блѣдностью; съ кровати спустилась прелестная рука, съ антично-стройной кистью... У кровати, въ глубокой скорбной думѣ, сидитъ супругъ умершей—король Сигизмундъ II.

Эта картина написана съ замѣчательнымъ вкусомъ и талантливостью, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о большинствѣ полотенъ музея. Посредственность и круглая бездарность преобладаютъ. Только и искупаетъ эти безвкусныя полотна одно патріотическое одушевленіе авторовъ, выраженное иногда и довольно курьезно.

Въ числѣ картинъ, опоэтизировавшихъ старо-польскій бытъ, каковы, напр.: «Uczta Wierzynka» (Угощеніе Вѣржинка), Абрамовича, «Свадебный пиръ», «Начальникъ панцырной хоругви», Сыпневскаго, и друг., есть и такія, напр., увеселительныя изображенія.

Представленъ нѣкій типичный панъ въ кунтушѣ, возсѣдающій на креслѣ; передъ нимъ, на колѣняхъ, въ согбенной позѣ, толстый монахъ-бернардинъ, съ огромнымъ бокаломъ венгерскаго вина въ рукахъ. Сытое, каленое лицо у него притворно-испуганное и умоляющее, съ лукавымъ выраженіемъ. Дѣло въ томъ, что самодуръ-панъ, желая споить отца бернардина, насильно заставляетъ его пить... Монахъ, который внутренно очень радъ такой оказіи и увѣренный въ необъятности своей утробы, разыгрываетъ роль угнетенной невинности и *притворно* *молитъ* о пощадѣ.

Какъ можете заключить, художникъ выбралъ очень ужь специальную тему для своей картины—настолько специальную, что мы, въ качествѣ сторонняго зрителя, признаться, и понять не могли, въ чемъ тутъ, собственно, юморъ заключается?

Жанръ въ обозрѣваемомъ музеѣ очень скуденъ количественно и еще мизернѣе качественно. Жанровыхъ картинъ немного и онѣ, въ большинствѣ, поражаютъ тѣмъ же смѣшеніемъ романтизма съ реализмомъ и мистицизма съ простѣйшими жизненными явленіями.

Изображена, напр. въ неуклюжей позѣ дѣвушка—швея, съ аттрибутами своего ремесла и среди обыкновенной обстановки. Съ двухъ сторонъ ея чортъ и ангелъ, въ самомъ рутинно-богомазномъ фасонѣ... Вы въ недоумѣніи: что сей сонъ означаетъ?—Оказывается, по справкѣ, что это образное воспроизведеніе «Искушенія», кисти Глэмбоцкаго...

Затѣмъ, по части жанра, у художниковъ музея съ особенной любовью воспроизведены такіе, напр. моменты, какъ: «На покаяніи» Малешевскаго, «Komunia» (Причащеніе) Айдукевича и т. под.

Также плохо и скудно представлена въ музеѣ и пейзажная живопись. Случайность-ли это или явленіе общее; но—фактъ общеизвѣстный, что самые лучшіе и талантливѣйшіе современные польскіе художники, каковы Матейко, Семирадскій и др., посвятили свои кисти исключительно одной исторической живописи и, главнымъ образомъ, на поэтическое воспроизведеніе славнаго прошлаго своей родины.

Говорятъ, въ Варшавѣ есть нѣсколько прекрасныхъ частныхъ картинныхъ галлерей, напр., Ляхницкаго, графа Пржездзѣцкаго, ординатовъ Замойскихъ и др. Мы ихъ не видѣли. Что-же касается сейчасъ описанной публич-

ной галлереи, то она довольно бѣдна для такого города, какъ Варшава, и, конечно, далеко не представляетъ всего, что имѣетъ лучшаго и чѣмъ можетъ гордиться польская національная школа. Винить въ этомъ слѣдуетъ, опять-таки, политическія обстоятельства и ихъ неблагопріятныя для края послѣдствія.

Варшавскій художественый музей испыталъ, послѣ 1863 г., общую всѣмъ мѣстнымъ національнымъ учрежденіямъ тяжелую участь—стѣсненія и гоненія. Его картины нѣсколько лѣтъ къ ряду валялись заброшенныя въ подвалахъ, за недостаткомъ, якобы, мѣста, и едва-едва дождались освобожденія изъ своего заточенія и опалы. Самое возстановленіе публичнаго музея долгое время тормозилось мѣстной властью, а извѣстный Витте запретилъ было даже обсужденіе этого вопроса въ обществѣ поощренія художествъ.

Точно также заторможенѡ развитіе мѣстнаго національнаго художества закрытіемъ варшавской школы живописи. Ныньче—во всемъ краѣ нѣтъ ни одной такой школы.

Сообразивши всѣ эти тяжелыя обстоятельства и условія, мы поймемъ и исключительное, отмѣченное здѣсь, направленіе современной польской живописи и то, что въ данную минуту она оставляетъ такъ многаго желать относительно своего всесторонняго развитія.

Между тѣмъ, несомнѣнно, поляки—одно изъ самыхъ артистическихъ племенъ въ славянскомъ мірѣ. Художественная стихія бьетъ ключемъ во всѣхъ интелектуальныхъ проявленіяхъ ихъ національнаго духа. Посмотрите, напр., на нынѣшніе варшавскіе политипажи и гравюры: они не уступаютъ лучшимъ европейскимъ, и по талантливости карандаша и по замѣчательному мастерству рѣзца! Варшавскія иллюстрированныя изданія отли-

чаются рѣдкимъ изяществомъ рисунка, а варшавскіе граверы признаются одними изъ лучшихъ въ Европѣ.

VIII.

Крашевскій и его юбилей.

Значеніе юбилея Крашевскаго и его демонстративный характеръ.— Участіе Варшавы въ этомъ національномъ праздникѣ. — Крашевскій, какъ мыслитель-публицистъ.

Къ моимъ воспоминаніямъ о Варшавѣ относится и юбилей Крашевскаго, имѣвшій, какъ извѣстно, огромное политическое значеніе для всѣхъ поляковъ и послужившій для нихъ благовиднымъ предлогомъ заявить о себѣ, о своихъ стремленіяхъ и планахъ на будущее, передъ всей Европой. Полагаю, поэтому, что этотъ патетическій моментъ въ современной исторіи польской народности не простылъ еще для нашихъ дней и долго не простынетъ.

Если, по пословицѣ, всякій куликъ расположенъ къ неумѣреннымъ похваламъ своему болоту, если люди, вообще, склонны преувеличивать блескъ и значеніе своихъ героевъ и талантовъ, то поляки и подавно.

Я ранѣе указывалъ уже на эту черту ихъ характера; теперь добавлю, что иначе и быть не можетъ у національности, какъ польская, жестоко обиженной исторіей и поставленной въ исключительно-тяжелыя условія борьбы за свое существованіе, сводящейся къ вопросу: быть или не быть? Въ такомъ положеніи, каждый успѣхъ стушевавшагося національнаго элемента, каждое его бо-

лѣе или менѣе яркое проявленіе, каждый выдающійся дѣятель, подвизающійся на почвѣ и во славу своей народности, необыкновенно дороги и важны въ глазахъ представителей послѣдней.

Какъ вездѣ и во всемъ, поляки въ празднованіи юбилея Крашевскаго прежде всего явились патріотами, и въ самомъ Крашевскомъ чествовали прежде всего патріота, «добраго поляка». Абстрактная оцѣнка его, какъ писателя, съ точки зрѣнія и на аршинъ общечеловѣческіе, несомнѣнно стояла тутъ на второмъ планѣ. Имъ нужно было торжественно заявить передъ цѣлымъ міромъ, что польская національность живетъ, хочетъ жить и заслуживаетъ жизни. Это былъ не только порывъ національнаго чувства, но и политическій ходъ.

Извѣстно, что одинъ изъ участниковъ юбилея, ректоръ львовскаго университета, торжественно заявилъ тогда, что «еще Польша-де не сгинула»...

Собственно говоря, почтенный ректоръ, ни болѣе, ни менѣе, какъ поставилъ точку надъ *і*, въ чемъ вовсе не настояло надобности. Развѣ кто-нибудь сомнѣвается нынѣ въ бытіи Польши, *какъ національности*? Развѣ, наконецъ, самъ по себѣ юбилей Крашевскаго не былъ торжественнымъ засвидѣтельствованіемъ, прямо и косвенно, того, что «Польша еще не сгинула»?

Но, съ другой стороны, удивленія достойны были и тѣ наши публицисты, пришедшіе въ смущеніе и, отчасти, въ негодованіе, при видѣ, что краковскія празднества приняли такой, именно, демонстративный характеръ въ интересѣ польскаго національнаго начала. Это можно было заранѣе знать и предвидѣть...

Нужно замѣтить, впрочемъ, что русскому интеллигентному человѣку, съ его, подбитой космополитизмомъ, шириною, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ своей

исторіи и къ своей дѣйствительности, польскій пламенный патріотизмъ мало понятенъ. Если не считать кучки московскихъ славянофиловъ, не всегда, къ тому жь, искреннихъ, культурная русская масса совершенно чужда того почти религіознаго поклоненія всему *своему*, нерѣдко доходящаго до преувеличеній, которымъ горитъ каждый истый полякъ. Объясняется это разницей политическихъ положеній, а, главное, тѣмъ, что наше національное достояніе не составляетъ запретнаго плода и не служитъ предметомъ гоненія у себя дома. На полякахъ въ этомъ случаѣ оправдалась русская пословица: «что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ».

Что юбилей Крашевскаго имѣлъ именно демонстративно-политическое значеніе—это ясно, какъ день, ибо его празднованіе, по своей торжественности и огромности, далеко превосходило заслуги почтеннаго юбиляра, сколь онѣ ни велики сами по себѣ. Талантъ Крашевскаго большой, но—не первоклассный; изумительны только его плодовитость и трудолюбіе. Какъ мыслитель и публицистъ, отъ тоже не представляетъ собою ничего особенно выдающагося и глубокаго: напротивъ — какъ увидимъ ниже—въ его идеяхъ и убѣжденіяхъ очень много ординарнаго, застарѣлаго и филлистерски-узкаго... Нельзя допустить, чтобы интеллигентные соотечественники г. Крашевскаго были настолько ослѣплены, чтобы искренно хотѣли видѣть въ немъ генія и великаго человѣка, равнаго перворазряднымъ міровымъ свѣтиламъ европейской литературы. Въ чествованіи его было не мало увлеченія и преувеличенія, что, впрочемъ, совершенно естественно.

Извѣстно, что польская интеллигенція готовилась къ этому своему національному торжеству загодя, и готовилась основательно, съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой.

Во время моей бытности въ Варшавѣ, Крашевскій

Радзивиловны». Извѣстна драматическая судьба этой исторической женщины, многократно воспѣтой польской поэзіей. На картинѣ она изображена въ первый моментъ послѣ кончины. Въ богато-обставленной опочивальнѣ, на роскошномъ ложѣ, въ батистѣ и кружевахъ, распростерта стройная фигура молодой женщины, съ красивымъ, дѣвственно-кроткимъ лицомъ, покрытомъ мертвенной блѣдностью; съ кровати спустилась прелестная рука, съ антично-стройной кистью... У кровати, въ глубокой скорбной думѣ, сидитъ супругъ умершей—король Сигизмундъ II.

Эта картина написана съ замѣчательнымъ вкусомъ и талантливостью, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о большинствѣ полотенъ музея. Посредственность и круглая бездарность преобладаютъ. Только и искупаетъ эти безвкусныя полотна одно патріотическое одушевленіе авторовъ, выраженное иногда и довольно курьезно.

Въ числѣ картинъ, опоэтизировавшихъ старо-польскій бытъ, каковы, напр.: «Uczta Wierzynka» (Угощеніе Вѣржинка), Абрамовича, «Свадебный пиръ», «Начальникъ панцырной хоругви», Сыпневскаго, и друг., есть и такія, напр., увеселительныя изображенія.

Представленъ нѣкій типичный панъ въ кунтушѣ, возсѣдающій на креслѣ; передъ нимъ, на колѣняхъ, въ согбенной позѣ, толстый монахъ-бернардинъ, съ огромнымъ бокаломъ венгерскаго вина въ рукахъ. Сытое, каленое лицо у него притворно-испуганное и умоляющее, съ лукавымъ выраженіемъ. Дѣло въ томъ, что самодуръ-панъ, желая споить отца бернардина, насильно заставляетъ его пить... Монахъ, который внутренно очень радъ такой оказіи и увѣренный въ необъятности своей утробы, разыгрываетъ роль угнетенной невинности и притворно молитъ о пощадѣ.

Какъ можете заключить, художникъ выбралъ очень ужь спеціальную тему для своей картины—настолько спеціальную, что мы, въ качествѣ сторонняго зрителя, признаться, и понять не могли, въ чемъ тутъ, собственно, юморъ заключается?

Жанръ въ обозрѣваемомъ музеѣ очень скуденъ количественно и еще мизернѣе качественно. Жанровыхъ картинъ немного и онѣ, въ большинствѣ, поражаютъ тѣмъ же смѣшеніемъ романтизма съ реализмомъ и мистицизма съ простѣйшими жизненными явленіями.

Изображена, напр. въ неуклюжей позѣ дѣвушка—швея, съ аттрибутами своего ремесла и среди обыкновенной обстановки. Съ двухъ сторонъ ея чортъ и ангелъ, въ самомъ рутинно-богомазномъ фасонѣ... Вы въ недоумѣніи: что сей сонъ означаетъ?—Оказывается, по справкѣ, что это образное воспроизведеніе «Искушенія», кисти Глэмбоцкаго...

Затѣмъ, по части жанра, у художниковъ музея съ особенной любовью воспроизведены такіе, напр. моменты, какъ: «На покаяніи» Малешевскаго, «Komunia» (Причащеніе) Айдукевича и т. под.

Также плохо и скудно представлена въ музеѣ и пейзажная живопись. Случайность-ли это или явленіе общее; но—фактъ общеизвѣстный, что самые лучшіе и талантливѣйшіе современные польскіе художники, каковы Матейко, Семирадскій и др., посвятили свои кисти исключительно одной исторической живописи и, главнымъ образомъ, на поэтическое воспроизведеніе славнаго прошлаго своей родины.

Говорятъ, въ Варшавѣ есть нѣсколько прекрасныхъ частныхъ картинныхъ галлерей, напр., Ляхницкаго, графа Пржездзѣцкаго, ординатовъ Замойскихъ и др. Мы ихъ не видѣли. Что-же касается сейчасъ описанной публич-

ной галлереи, то она довольно бѣдна для такого города, какъ Варшава, и, конечно, далеко не представляетъ всего, что имѣетъ лучшаго и чѣмъ можетъ гордиться польская національная школа. Винить въ этомъ слѣдуетъ, опять-таки, политическія обстоятельства и ихъ неблагопріятныя для края послѣдствія.

Варшавскій художественый музей испыталъ, послѣ 1863 г., общую всѣмъ мѣстнымъ національнымъ учрежденіямъ тяжелую участь—стѣсненія и гоненія. Его картины нѣсколько лѣтъ къ ряду валялись заброшенныя въ подвалахъ, за недостаткомъ, якобы, мѣста, и едва-едва дождались освобожденія изъ своего заточенія и опалы. Самое возстановленіе публичнаго музея долгое время тормозилось мѣстной властью, а извѣстный Витте запретилъ было даже обсужденіе этого вопроса въ обществѣ поощренія художествъ.

Точно также заторможено развитіе мѣстнаго національнаго художества закрытіемъ варшавской школы живописи. Ныньче—во всемъ краѣ нѣтъ ни одной такой школы.

Сообразивши всѣ эти тяжелыя обстоятельства и условія, мы поймемъ и исключительное, отмѣченное здѣсь, направленіе современной польской живописи и то, что въ данную минуту она оставляетъ такъ многаго желать относительно своего всесторонняго развитія.

Между тѣмъ, несомнѣнно, поляки—одно изъ самыхъ артистическихъ племенъ въ славянскомъ мірѣ. Художественная стихія бьетъ ключемъ во всѣхъ интелектуальныхъ проявленіяхъ ихъ національнаго духа. Посмотрите, напр., на нынѣшніе варшавскіе политипажи и гравюры: они не уступаютъ лучшимъ европейскимъ, и по талантливости карандаша и по замѣчательному мастерству рѣзца! Варшавскія иллюстрированныя изданія отли-

чаются рѣдкимъ изяществомъ рисунка, а варшавскіе граверы признаются одними изъ лучшихъ въ Европѣ.

VIII.

Крашевскій и его юбилей.

Значеніе юбилея Крашевскаго и его демонстративный характеръ.— Участіе Варшавы въ этомъ національномъ праздникѣ. — Крашевскій, какъ мыслитель-публицистъ.

Къ моимъ воспоминаніямъ о Варшавѣ относится и юбилей Крашевскаго, имѣвшій, какъ извѣстно, огромное политическое значеніе для всѣхъ поляковъ и послужившій для нихъ благовиднымъ предлогомъ заявить о себѣ, о своихъ стремленіяхъ и планахъ на будущее, передъ всей Европой. Полагаю, поэтому, что этотъ патетическій моментъ въ современной исторіи польской народности не простылъ еще для нашихъ дней и долго не простынетъ.

Если, по пословицѣ, всякій куликъ расположенъ къ неумѣреннымъ похваламъ своему болоту, если люди, вообще, склонны преувеличивать блескъ и значеніе своихъ героевъ и талантовъ, то поляки и подавно.

Я ранѣе указывалъ уже на эту черту ихъ характера; теперь добавлю, что иначе и быть не можетъ у національности, какъ польская, жестоко обиженной исторіей и поставленной въ исключительно-тяжелыя условія борьбы за свое существованіе, сводящейся къ вопросу: быть или не быть? Въ такомъ положеніи, каждый успѣхъ стушевавшагося національнаго элемента, каждое его бо-

лѣе или менѣе яркое проявленіе, каждый выдающійся дѣятель, подвизающійся на почвѣ и во славу своей народности, необыкновенно дороги и важны въ глазахъ представителей послѣдней.

Какъ вездѣ и во всемъ, поляки въ празднованіи юбилея Крашевскаго прежде всего явились патріотами, и въ самомъ Крашевскомъ чествовали прежде всего патріота, «добраго поляка». Абстрактная оцѣнка его, какъ писателя, съ точки зрѣнія и на аршинъ общечеловѣческіе, несомнѣнно стояла тутъ на второмъ планѣ. Имъ нужно было торжественно заявить передъ цѣлымъ міромъ, что польская національность живетъ, хочетъ жить и заслуживаетъ жизни. Это былъ не только порывъ національнаго чувства, но и политическій ходъ.

Извѣстно, что одинъ изъ участниковъ юбилея, ректоръ львовскаго университета, торжественно заявилъ тогда, что «еще Польша-де не сгинула»...

Собственно говоря, почтенный ректоръ, ни болѣе, ни менѣе, какъ поставилъ точку надъ *i*, въ чемъ вовсе не настояло надобности. Развѣ кто-нибудь сомнѣвается нынѣ въ бытіи Польши, *какъ національности*? Развѣ, наконецъ, самъ по себѣ юбилей Крашевскаго не былъ торжественнымъ засвидѣтельствованіемъ, прямо и косвенно, того, что «Польша еще не сгинула»?

Но, съ другой стороны, удивленія достойны были и тѣ наши публицисты, пришедшіе въ смущеніе и, отчасти, въ негодованіе, при видѣ, что краковскія празднества приняли такой, именно, демонстративный характеръ въ интересѣ польскаго національнаго начала. Это можно было заранѣе знать и предвидѣть...

Нужно замѣтить, впрочемъ, что русскому интеллигентному человѣку, съ его, подбитой космополитизмомъ, шириною, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ своей

исторіи и къ своей дѣйствительности, польскій пламенный патріотизмъ мало понятенъ. Если не считать кучки московскихъ славянофиловъ, не всегда, къ тому жъ, искреннихъ, культурная русская масса совершенно чужда того почти религіознаго поклоненія всему *своему*, нерѣдко доходящаго до преувеличеній, которымъ горитъ каждый истый полякъ. Объясняется это разницей политическихъ положеній, а, главное, тѣмъ, что наше національное достояніе не составляетъ запретнаго плода и не служитъ предметомъ гоненія у себя дома. На полякахъ въ этомъ случаѣ оправдалась русская пословица: «что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ».

Что юбилей Крашевскаго имѣлъ именно демонстративно-политическое значеніе—это ясно, какъ день, ибо его празднованіе, по своей торжественности и огромности, далеко превосходило заслуги почтеннаго юбиляра, сколь онѣ ни велики сами по себѣ. Талантъ Крашевскаго большой, но—не первоклассный; изумительны только его плодовитость и трудолюбіе. Какъ мыслитель и публицистъ, отъ тоже не представляетъ собою ничего особенно выдающагося и глубокаго: напротивъ — какъ увидимъ ниже—въ его идеяхъ и убѣжденіяхъ очень много ординарнаго, застарѣлаго и филлистерски-узкаго... Нельзя допустить, чтобы интеллигентные соотечественники г. Крашевскаго были настолько ослѣплены, чтобы искренно хотѣли видѣть въ немъ генія и великаго человѣка, равнаго перворазряднымъ міровымъ свѣтиламъ европейской литературы. Въ чествованіи его было не мало увлеченія и преувеличенія, что, впрочемъ, совершенно естественно.

Извѣстно, что польская интеллигенція готовилась къ этому своему національному торжеству загодя, и готовилась основательно, съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой.

Во время моей бытности въ Варшавѣ, Крашевскій

составлялъ, такъ сказать, альфу и омегу мѣстной интеллектуальной жизни. Его имя слышалось изъ всѣхъ устъ, било въ глаза на страницахъ ежедневныхъ листковъ, въ окнахъ и на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ; его портретъ, во всевозможныхъ форматахъ, красовался чуть не на каждомъ перекресткѣ изъ подъ стеколъ эстампныхъ и фотографическихъ выставокъ; любители музыки оглашали воздухъ въ честь его сложенными и оттиснутыми полонезами и мазурками... Словомъ, большей и завиднѣйшей популяризаціи не могъ-бы себѣ пожелать самый знаменитый народный герой.

Въ то же время шли приготовленія, частныя и коллективныя, имѣвшія увѣковѣчить данное событіе нарочитыми художественно-литературными памятниками. Кромѣ безчисленнаго множества статей, посвященныхъ Крашевскому и его дѣятельности въ повременныхъ изданіяхъ, были изданы отдѣльныя брошюры и книги о томъже предметѣ (напримѣръ И. Мровка: «Kto jest Kraszewski i co zrobił»).

Варшавскіе литераторы коллективно изготовляли сборникъ, подъ названіемъ «Юбилейная книга». Въ немъ имѣли принять участіе почти всѣ польскіе писатели; большая часть статей сборника посвящалась разносторонней оцѣнкѣ трудовъ юбиляра. Сборникъ предполагался въ объемѣ огромнаго тома. Наравнѣ съ писателями, вносившими на его составленіе свой трудъ безъ всякаго вознагражденія, мѣстные бумажные фабриканты и типографы безплатно, въ складчину, обязались доставить потребное количество бумаги и отпечатать весь сборникъ. Предполагалось издать «Юбилейную книгу» въ значительномъ числѣ экземпляровъ, въ разсчетѣ выручить отъ ея продажи болѣе десяти тысячъ рублей.

дѣтель рода человѣческаго, а который умѣетъ, лежа на боку, сколачивать капиталы посредствомъ лихвы.

Правда, безразсудные вольнодумцы говорятъ: «пусть пользуется съ собственности тотъ, кто пріобрѣлъ ее трудомъ и бережливостью, капиталистъ-же взимаетъ проценты, чиншъ и ренту, ничего не дѣлая. Развѣ это справедливо?»—спрашиваетъ авторъ и возражаетъ вольнонодумцамъ такимъ наивнымъ аргументомъ, за который ни одинъ «капиталистъ» его не поблагодаритъ.

«Вѣдь, если-бы, — говоритъ онъ, — владѣлецъ, положимъ, плуга, не употребляя его самъ, заперъ его и не сталъ отдавать въ наймы съ процентовъ, тогда тотъ, у кого нѣтъ плуга, не пахалъ-бы, не засѣвалъ-бы нивы, которая лежала-бы пустыремъ, самъ онъ не имѣлъ-бы отъ этого пользы, и на свѣтѣ хлѣба стало-бы меньше... Не лучше-ли, поэтому, заплатить владѣльцу плуга что надлежитъ, и отъ этого самому кое-что заработать и количество хлѣба пріумножить?»...

Авторъ, ни здѣсь ни въ иномъ мѣстѣ, вовсе не заикается о такой, давно, однако-же, пропагандируемой наукою, комбинаціи, при которой плугъ можетъ и долженъ-бы составлять собственность того, кто обработываетъ ниву, а не лежитъ подъ замкомъ у счастливца, владѣющаго имъ по волѣ слѣпой фортуны. Насчетъ права владѣнія плугомъ и, вообще, капиталомъ, у автора имѣется очень зыбкое понятіе. Совершенно основательно говоря, что плугъ, капиталъ, домъ, земля — должны приносить пользу, «которой не было-бы, еслибъ она не зарабатывалась», авторъ недоумѣваетъ, однако, о томъ, *кто* ихъ зарабатываетъ. Всѣ эти плуги, дома и проч. выросли на свѣтѣ «съ *чьего-то* труда, пота и крови»... Съ чьего, именно,—авторъ не знаетъ или благоразумно прикидывается не знающимъ...

Такимъ образомъ, по теоріи г. Крашевскаго, существующія экономическія отношенія не оставляютъ желать ничего лучшаго. Людей онъ дѣлитъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на орудующихъ плугомъ тружениковъ и на беззаботно поѣдающихъ продукты ихъ труда владѣльцевъ плуга, на правахъ лихвы. Богатый тунеядствуетъ и расточительствуетъ... Прекрасно! Чѣмъ онъ расточительнѣе, тѣмъ болѣе обезпеченъ бѣдный заработкомъ; слѣдовательно, рѣзкое экономическое неравенство есть необходимѣйшій и полезнѣйшій стимулъ и регуляторъ соціальной жизни и цивилизаціи. Затѣмъ, равно необходимо и полезно, въ тѣхъ же видахъ, такое положеніе, что-бы однѣ руки владѣли плугомъ, а другія пахали имъ землю, чтобы первыя рыхлѣли и бѣлѣли отъ гладкаго ничегонедѣланія, а послѣднія вѣчно оставались черными, работая, главнымъ образомъ, въ обезпеченіе ничегонедѣланія этихъ счастливцевъ...

Словомъ, все на свѣтѣ обстоитъ благополучно и, если хорошенько поразмыслить,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—то существующій режимъ, на который недовольные такъ нарекаютъ, «гораздо лучше того, котораго *желаютъ*» и до котораго стремятся...

Я не имѣлъ намѣренія подробно разбирать книжку г. Крашевскаго; я хотѣлъ только, слегка познакомивъ читателей съ нею, констатировать для нихъ сущность міровоззрѣній Крашевскаго въ области соціологіи. Приведенные мною образчики наивности мышленія, отсталости понятій, а отчасти и непослѣдовательности, далеко не единственные въ разбираемомъ сочиненіи. Все оно, можно сказать, построено изъ противорѣчій и парадоксовъ, не выдерживающихъ никакой критики. Крашевскому отдаютъ долгъ, какъ народолюбцу, какъ публи*цисту, всегда ра*товавшему за личность и интересы «лю-

разныхъ избитыхъ матеріяхъ, Крашевскій, неощутительно для самого себя, весьма определенно высказываетъ здѣсь намъ свои взгляды, убѣжденія и понятія въ области нравственности, политики и права, т. е. выясняется съ той стороны, на которую, сколько могу припомнить, наименѣе было пролито свѣта въ появившихся у насъ многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ ему по поводу его юбилея. Поэтому-то я позволю себѣ остановиться на названной книжонкѣ нѣсколько подолѣе.

Она раздѣлена на нѣсколько коротенькихъ главокъ, изъ одного перечня которыхъ вполнѣ видно, что и о чемъ здѣсь трактуется, а именно: «Трудъ»; «Раздѣленіе труда»; «Мѣна»; «Деньги»; «Фабрикантъ и ремесленникъ»; «Земледѣлецъ»; «Купецъ»; «Учитель»; «Чиновникъ»; «Собственность»; «Капиталъ и процентъ», и т. д.

Авторъ, въ формѣ догматическихъ афоризмовъ, кратко и категорично излагаетъ основанія политической экономіи и соціологіи. Получается родъ сокращеннаго катехизиса общественной физики и философіи для пользы и въ назиданіе «любезнымъ братьямъ». Вопросъ — какова эта философія? какого строя и достоинства принципы и идеалы составляютъ символъ вѣры нашего автора?...

Излишне было-бы упоминать, что, въ своей книжкѣ, Крашевскій, прежде всего, является ревностнымъ католикомъ. Это даетъ извѣстную окраску всему его міровоззрѣнію и сразу очерчиваетъ ту рамку, въ предѣлахъ которой авторъ полагаетъ возможнымъ сдѣлать все человѣчество добродѣтельнымъ, сытымъ и счастливымъ. Не широка эта рамка, даже на самый невзыскательный взглядъ!

Крашевскій является передъ нами, съ одной стороны, проповѣдникомъ прописной морали, забывая, что она никого еще не сдѣлала на свѣтѣ счастливѣе и нрав-

ственнѣе; съ другой, политико-экономомъ задняго числа и крайне буржуазнаго оттѣнка, и, наконецъ, съ третьей,—невиннымъ, а отчасти наивнымъ филантропомъ-мечтателемъ, вздыхающимъ, à la Генрихъ IV, о жирной курицѣ въ ежедневномъ меню «любезнаго брата»-пейзана, имѣющей безъотлагательно спорхнуть къ нему на столъ, стоитъ ему только почаще читать «Pater noster», любить ближнихъ, трудиться и—паче всего—довольствоваться своей судьбой, не взирая ни на что.

На нашъ міръ, эту «юдоль плача и всякія скверны», гдѣ такъ трудно и нескладно живется милліонамъ «любезныхъ братьевъ»,—Крашевскій безмятежно взираетъ, какъ на лучшій изъ міровъ. Онъ вполнѣ доволенъ его современнымъ устройствомъ, находитъ, что все въ немъ идетъ прекрасно и обстоитъ благополучно. Правда, курица еще, пока, не плаваетъ въ супѣ каждаго «любезнаго брата», «избранныя» сочиненія почтеннаго автора-юбиляра не украшаютъ еще его домашней библіотеки; но все сіе придетъ, дастъ Богъ, во благовременіи — нужно только не терять надежды на милость Божію, усерднѣе просвѣщаться умными книжками, въ родѣ предлагаемой, и работать, работать, работать...

«Право божеское въ сердцѣ каждаго человѣка,—философствуетъ нашъ авторъ,—заронило сѣмя труда, потребность занятія, стремленія къ славѣ; кромѣ того, человѣкъ, который не трудится, а пьетъ и съѣдаетъ то, что произведено другими, въ концѣ концовъ *съ голоду умеръ бы, люди стали бы его презирать и оттолкнули бы отъ себя, какъ безполезнаго члена*. Видимъ людей, которые ничего не дѣлаютъ, но такъ длиться долго не можетъ: эти *люди существуютъ съ запасовъ*, собственныхъ или чужихъ, но подобно тому, какъ сосудъ, изъ котораго вычерпываютъ воду, не восполняя ее, въ

концѣ концовъ, истощился-бы, такъ и для праздныхъ людей запасы должны были бы изсякнуть. За всѣмъ тѣмъ, праздный человѣкъ неминуемо заслуживаетъ всеобщее презрѣніе и, какъ-бы ни былъ богатъ, *никакого значенія имѣть не можетъ*».

Читая эти нравоучительныя строки, «любезный братъ» не можетъ не испытать нѣкотораго недоумѣнія.

— Какъ же это?—спроситъ онъ.—Почтенный авторъ говоритъ, что люди праздные неминуемо обречены на голодную смерть и, во всякомъ случаѣ, презираются и представляютъ собою круглое ничтожество, а, между тѣмъ, что-же видимъ?—Вотъ у насъ на фольваркѣ своемъ живетъ панъ-добродѣй, родовитый шляхтичъ, получаетъ за свою землю чиншъ и аренду, ѣстъ, пьетъ, наслаждается жизнью въ тысячу разъ больше любаго труженика-пахаря и рѣшительно ничего не дѣлаетъ, да и слава Богу, что онъ ничего не дѣлаетъ: панъ, который хозяйничаетъ и хлопочетъ о пріумноженіи своихъ маетностей, для «любезныхъ братьевъ», по обыкновенію, солонъ выходитъ...

—Вотъ другой такой-же праздный и сытый человѣкъ— нашъ панъ шинкарь Лейба: онъ сидитъ въ своей корчмѣ, какъ паукъ въ своей паутинѣ, ловитъ въ свои сѣти деревенскую нужду, темноту и бѣдность, высасываетъ изъ нихъ соки и цѣлый околодокъ держитъ какъ-бы на откупѣ...

— Эти-ли тунеядцы умираютъ съ голоду?! А что они, какъ думаетъ авторъ, «никакого значенія», будто-бы, не имѣютъ и всѣми презираются, такъ противъ такой наивной натяжки смѣшно даже возражать... Или, можетъ быть, со вчерашняго дня свѣтъ пошелъ вверхъ ногами, если по словамъ автора, люди перестали поклоняться золотому тельцу, тѣмъ болѣе вельможному, коль-

скоро онъ служитъ одной заносчивой праздности и тунеядству!..

Почтенный авторъ, какъ-бы въ предвидѣніи подобнаго возраженія со стороны «любезнаго брата», проводитъ далѣе такую успокоительную и для всѣхъ безъобидную теорію, по которой выходитъ, что и панъ, бьющій баклуши, сидя на обломкахъ своихъ феодальныхъ правъ, и Лейба, обезпечивающій свою сытость лихвой и барышничествомъ, суть необходимые, полезные и вполнѣ лойальные факторы культурно-соціальной жизни.

Богатый, расточительный тунеядецъ полезенъ уже потому, какъ думаетъ авторъ, что «каждый пятіалтынный, истрачиваемый имъ на предметы роскоши, есть прямой заработокъ бѣднаго, который трудится надъ ихъ производствомъ. Еслибъ не было богатаго, тогда и производство этихъ предметовъ прекратилось-бы, ибо не нашлось-бы потребителей на нихъ».

Авторъ забылъ, конечно, что отъ каждаго пятіалтыннаго, выходящаго изъ кармана богатаго расточителя, пока онъ дойдетъ до тощаго кошеля рабочаго, производящаго означенные предметы, остается ничего или очень мало. Авторъ забылъ дѣйствительность: расточительность и роскошь ростутъ, какъ видимъ, со дня на день, а производитель все остается въ нищетѣ, а пауперизмъ массы не уменьшается... Что-жь-бы это значило?! Авторъ, очевидно, не допускаетъ также мысли, что возможно когда-нибудь на свѣтѣ такое положеніе, когда за пиршественнымъ столомъ жизни усядутся всѣ земнородные, когда человѣчество не будетъ дѣлиться на двѣ рѣзко разграниченныя спеціальности: спеціально труждающихся и спеціально насыщающихся...

Съ другой стороны, не менѣе богатаго тунеядца, полезенъ и необходимъ въ глазахъ автора и тотъ благо-

дѣтель рода человѣческаго, а который умѣетъ, лежа на боку, сколачивать капиталы посредствомъ лихвы.

Правда, безразсудные вольнодумцы говорятъ: «пусть пользуется съ собственности тотъ, кто пріобрѣлъ ее трудомъ и бережливостью, капиталистъ-же взимаетъ проценты, чиншъ и ренту, ничего не дѣлая. Развѣ это справедливо?»—спрашиваетъ авторъ и возражаетъ вольнонодумцамъ такимъ наивнымъ аргументомъ, за который ни одинъ «капиталистъ» его не поблагодаритъ.

«Вѣдь, если-бы, — говоритъ онъ, — владѣлецъ, положимъ, плуга, не употребляя его самъ, заперъ его и не сталъ отдавать въ наймы съ процентовъ, тогда тотъ, у кого нѣтъ плуга, не пахалъ-бы, не засѣвалъ-бы нивы, которая лежала-бы пустыремъ, самъ онъ не имѣлъ-бы отъ этого пользы, и на свѣтѣ хлѣба стало-бы меньше... Не лучше-ли, поэтому, заплатить владѣльцу плуга что надлежитъ, и отъ этого самому кое-что заработать и количество хлѣба пріумножить?»...

Авторъ, ни здѣсь ни въ иномъ мѣстѣ, вовсе не заикается о такой, давно, однако-же, пропагандируемой наукою, комбинаціи, при которой плугъ можетъ и долженъ-бы составлять собственность того, кто обработываетъ ниву, а не лежитъ подъ замкомъ у счастливца, владѣющаго имъ по волѣ слѣпой фортуны. Насчетъ права владѣнія плугомъ и, вообще, капиталомъ, у автора имѣется очень зыбкое понятіе. Совершенно основательно говоря, что плугъ, капиталъ, домъ, земля — должны приносить пользу, «которой не было-бы, еслибъ она не зарабатывалась», авторъ недоумѣваетъ, однако, о томъ, *кто* ихъ зарабатываетъ. Всѣ эти плуги, дома и проч. выросли на свѣтѣ «съ *чьего-то* труда, пота и крови»... Съ чьего, именно,—авторъ не знаетъ или благоразумно прикидывается не знающимъ...

Такимъ образомъ, по теоріи г. Крашевскаго, существующія экономическія отношенія не оставляютъ желать ничего лучшаго. Людей онъ дѣлитъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на орудующихъ плугомъ тружениковъ и на беззаботно поѣдающихъ продукты ихъ труда владѣльцевъ плуга, на правахъ лихвы. Богатый тунеядствуетъ и расточительствуетъ... Прекрасно! Чѣмъ онъ расточительнѣе, тѣмъ болѣе обезпеченъ бѣдный заработкомъ; слѣдовательно, рѣзкое экономическое неравенство есть необходимѣйшій и полезнѣйшій стимулъ и регуляторъ соціальной жизни и цивилизаціи. Затѣмъ, равно необходимо и полезно, въ тѣхъ же видахъ, такое положеніе, что-бы однѣ руки владѣли плугомъ, а другія пахали имъ землю, чтобы первыя рыхлѣли и бѣлѣли отъ гладкаго ничегонедѣланія, а послѣднія вѣчно оставались черными, работая, главнымъ образомъ, въ обезпеченіе ничегонедѣланія этихъ счастливцевъ...

Словомъ, все на свѣтѣ обстоитъ благополучно и, если хорошенько поразмыслить,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—то существующій режимъ, на который недовольные такъ нарекаютъ, «гораздо лучше того, котораго *желаютъ*» и до котораго стремятся...

Я не имѣлъ намѣренія подробно разбирать книжку г. Крашевскаго; я хотѣлъ только, слегка познакомивъ читателей съ нею, констатировать для нихъ сущность міровоззрѣній Крашевскаго въ области соціологіи. Приведенные мною образчики наивности мышленія, отсталости понятій, а отчасти и непослѣдовательности, далеко не единственные въ разбираемомъ сочиненіи. Все оно, можно сказать, построено изъ противорѣчій и парадоксовъ, не выдерживающихъ никакой критики. Крашевскому отдаютъ долгъ, какъ народолюбцу, какъ публицисту, всегда ратовавшему за личность и интересы «лю-

безнаго брата»—мужика, такъ много вынесшаго несправедливостей и гнета въ польскомъ обществѣ... Заслуги Крашевскаго въ этомъ отношеніи безспорны; но при ихъ оцѣнкѣ не худо принять въ соображеніе, какимъ богамъ поклоняется Крашевскій, каковы у него принципы и каковы идеалы?—Я старался показать ихъ вамъ здѣсь, въ главныхъ основахъ, поскольку въ нихъ высказался самъ Крашевскій.

Конечно, не слѣдуетъ забывать, что, въ своей книжкѣ, Крашевскій, спеціально обращаясь къ «любезному брату» и имѣя въ виду его темноту и твердолобіе, считалъ долгомъ снисходить къ его пониманію, какъ «старшіе» снисходятъ къ пониманію дѣтей, и, какъ по отношенію къ дѣтямъ, вѣроятно, полагалъ необходимымъ заворачивать многія горькія истины въ розовыя бумажки, о многомъ умолчать, многое затушевать и подсиропить благодушнымъ оптимизмомъ, чтобъ... «гусей не раздразнить»...

X.

Чего хотятъ и куда идутъ привислянскіе поляки?

Вопросъ о «примиреніи» и литература этого вопроса.—Отрицаніе идеи независимости Польши.—Современная польская политическая программа и различныя ея редакціи.—«Раціональное объединеніе» Россіи съ Польшей.—Умолчанія и недомолвки.—«La Russie ou la Prusse?—Поляки, собирающіеся спасать Россію, и что думать о такой услугѣ?—«Шила въ мѣшкѣ не утаишь»!

Юбилей Крашевскаго, послужившій, какъ мы указывали выше, къ выраженію современныхъ насущныхъ

цѣлей и стремленій польской національности, выдвинулъ въ то-же время на первый планъ и вопросъ объ улаженіи отношеній между Россіей и Польшей или о, такъ названномъ, «примиреніи». Съ этого момента особенно оживилась литература по этому вопросу какъ у насъ, такъ и у поляковъ. Польскіе публицисты различныхъ оттѣнковъ, въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей и отдѣльныхъ брошюръ, заграничнаго, разумѣется, тисненія, поставили этотъ вопросъ, какъ говорится, ребромъ: *что дѣлать и какъ быть полякамъ по отношенію къ Россіи на дальнѣйшее время?*.

Отвѣты послышались весьма любопытные и характеристическіе! Это можно заключить уже по однимъ заголовкамъ брошюръ, посвященныхъ этимъ отвѣтамъ и появившихся одновременно съ разныхъ сторонъ, какъ-то:

«La France et les polonais»; «Do intelligencyi rossyjskiej»; «Polityka samobójstwa»; «Sprawa polska, jako sprawa wewnętrzna państwa rossyjskiego»; L'Autriche ou la Russie»; «La Russie ou la Prusse», и т. д. Наконецъ, въ послѣдніе дни явился въ «Голосѣ» рядъ статей того-же характера, подъ заглавіемъ: «Обрусеніе или объединеніе?», безъимяннаго «польскаго публициста».

Изъ поименованныхъ брошюръ, нѣкоторыя обязательно были присланы мнѣ ихъ издателями, при появленіи въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ нѣкоторой части предлагаемыхъ въ настоящей книгѣ моихъ наблюденій и замѣтокъ о Варшавѣ. Пользуясь теперь этимъ матеріаломъ, постараюсь очертить здѣсь политическіе виды и надежды поляковъ въ будущемъ, а также сущность предъявляемыхъ ими требованій къ Россіи *въ связи* съ устройствомъ ихъ собственной судьбы.

Должно быть, несчастье точно также исцѣляетъ отъ политическихъ недуговъ и научаетъ мудрости народы, какъ и отдѣльныхъ личностей. Это можно видѣть отчасти на полякахъ, не напрасно, надо полагать, сложившихъ про себя пословицу; «mądry lach po szkodzie», что равнозначуще нашему народному присловью, что «русскій-де человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ»... Это ужь такая общеславянская черта!

Жаль только, что событія никогда не ждутъ «задняго ума» (на то онъ и «задній»!) и очень рѣдко повторяются въ такомъ разсчетѣ, чтобы представить ему случай поправить ошибку. Исторія неумолима! Но если нельзя вернуть то, что разъ потеряно, людямъ «задняго ума» остается не послѣдняя отрада — избѣжать впредь повторенія ошибокъ въ будущемъ, бывшихъ для нихъ гибельными въ прошломъ.

Поскольку можно считать авторовъ вышепомянутыхъ брошюръ и статей компетентными истолкователями современнаго политическаго настроенія поляковъ и сколько можно заключить по другимъ однороднаго свойства явленіямъ польской общественной жизни, для нашихъ надвислянскихъ братьевъ, купно съ ихъ заграничными компатріотами, долгіе и трудные уроки прошлаго не пропали даромъ: они съумѣли и кое-что *забыть* и кое-чему *научиться*.

Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что отъ многихъ старыхъ заблужденій и предразсудковъ мыслящіе поляки исцѣлились вполнѣ и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Польша никогда не повторитъ уже тѣхъ политическихъ ошибокъ и гибельно-легкомысленныхъ шаговъ, которыми такъ богата ея исторія.

Обозрѣвая нашъ матеріалъ по данному вопросу, нельзя не остановить вниманіе прежде всего на одномъ

крупномъ выдающемся фактѣ. Всѣ почти авторы поименованныхъ брошюръ единодушно сходятся въ отрицаніи мысли активнаго возстановленія независимости Польши старымъ путемъ революціи и инсуррекціи.

«Революціонныя конвульсіи, закончившіяся безплодными усиліями возстанія 1863 г.,—говорится въ брошюрѣ «La Russie ou la Prusse?»,—привели къ тому, что въ настоящее время истинный полякъ-патріотъ считаетъ себя не въ правѣ болѣе компрометтировать великое національное дѣло. Явилось сознаніе, общее всѣмъ полякамъ, что гораздо благоразумнѣе и раціональнѣе ввѣрить судьбу этого дѣла времени, сообразуясь съ теченіемъ политическихъ событій, иногда такъ неожиданно, почти фантастически складывающихся».

Еще рѣшительнѣе и категоричнѣе высказывается въ этомъ смыслѣ авторъ брошюры: «Sprawa polska»...

«Каждое усиліе, говоритъ онъ, къ возвращенію независимости оканчивалось неудачей, тяжолымъ пораженіемъ, убылью народныхъ силъ, ухудшеніемъ условій быта. Нынѣ простой разсчетъ собственныхъ силъ, равно и соображеніе настоящаго устройства Европы, стремящейся быстрыми шагами къ большимъ государственнымъ агломератамъ убѣждаетъ наиболѣе ослѣпленныхъ, что мечтать о возвратѣ независимости невозможно, что всякія покушенія на это перешли бы неизбѣжно въ посягательства на самоубійство. Мы сознаемъ себя народомъ живымъ и способнымъ къ развитію, но неспособнымъ къ возстановленію независимаго государства.

«Послѣ раздробленія государства и раздѣла страны начался долгій періодъ скитанія, сѣянія польскихъ костей по всему земному шару и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увы! протягиванія рукъ за помощью къ далекому западу противъ покорителей. Свершонъ былъ великій промахъ

и грѣхъ, потому что успѣшно возстановлять независимость, хотя бы съ чужою помощью, должны только тѣ народы, которые потомъ смогутъ существовать собственными силами, но чтобъ у насъ походило на это, никто изъ насъ тому не вѣрилъ.

«Не будемъ самоубійцами, остережемся національнаго эгоизма, который судьбу всего міра принесъ бы въ жертву, чтобъ только на его развалинахъ возстановить національное отечество! Будемъ помнить, что будущность Польши зависитъ отъ того, пригодится ли она еще на что́-нибудь нетолько славянщинѣ, но и всему міру. Постараемся послужить этому міру и примѣниться къ его задачамъ. Не будемъ считать себя чѣмъ-то особливымъ и исключительнымъ. До тѣхъ поръ, пока подобнымъ образомъ будемъ сосредоточиваться и уединяться, не перестанутъ относиться къ намъ, какъ къ врагамъ, не перестанутъ устранять насъ отъ самоуправленія и удержатся для насъ исключительные законы, которымъ не подвержены ни нѣмцы, ни шведы, ни столько другихъ народностей. Воздадимъ государству все, что́ ему слѣдуетъ, просто, искренно, безъ околичностей».

Даже такая непримиримо-враждебная къ Россіи газета, какъ галицкій «Czas», поучаетъ нынѣ своихъ читателей, что въ настоящее время и въ настоящемъ положеніи Польши «средствомъ, обезпечивающимъ національное существованіе, являются не заговоры и тайныя общества, ведущія неизбѣжно къ кровавой, неравной, пагубной и въ концѣ убійственной схваткѣ, равно не пустыя, разстроивающія организмъ демонстраціи, но патріотическое разсудительное примѣненіе къ обстоятельствамъ и подчиненіе увлеченій общественному уму».

Наконецъ, извѣстно, что самъ Крашевскій, на своемъ юбилеѣ, призывалъ польское общество «къ созданію

крѣпкаго организма и сильнаго положенія, оставивъ заботу о политической независимости Deo ignoto!»

«Польскій публицистъ», выступившій въ «Голосѣ», подводя итогъ всѣмъ этимъ заявленіямъ своихъ компатріотовъ, говоритъ: «Мы всѣ, оправдывающіе наше революціонное прошлое или осуждающіе его, понимаемъ весьма хорошо, что оно прошло безвозвратно и что каждое усиліе въ этомъ направленіи было бы самоубійствомъ. Мы убѣдились, что независимость нетолько не представляетъ необходимости для національнаго существованія, но что постоянная и исключительная забота о ней отрывала насъ отъ спокойнаго органическаго труда надъ общественнымъ развитіемъ. Если нѣкоторые изъ насъ чествовали ветерановъ революціи, такъ это потому, что они дали намъ примѣръ беззавѣтнаго самопожертвованія за отечество. Когда-то это самопожертвованіе заключалось въ посвященіи крови и имущества для революціонныхъ цѣлей; нынѣ, вмѣсто горячей крови, нужно намъ какъ можно болѣе хладнокровія, а имущество желаемъ также жертвовать для страны, но только для мирныхъ цѣлей. Прежде патріотизмъ обусловливался желаніемъ независимости, нынѣ отреченіемъ отъ нея. Наши предшественники мѣряли свои «силы по намѣреніямъ», мы же сообразуемъ «намѣренія по силамъ»; они желали умирать за отечество, мы желаемъ жить для него.

«Но это только отрицательная сторона вопроса,» — заключаетъ онъ...

Совершенно вѣрно! Разсчитывать на благопріятный складъ событій, какъ это рекомендуютъ нѣкоторые польскіе публицисты, значило-бы сидѣть у моря и ждать погоды. Это похоже было-бы на фатализмъ, едва-ли заключающій въ себѣ особенную политическую мудрость.

Нѣтъ! поляки отказываются только насиловать, такъ сказать, исторію и ставить судьбу своего національнаго дѣла на карту тогда, когда шансы на выигрышъ болѣе или менѣе проблематичны. Вмѣсто азартной игры, они предпочитаютъ теперь держаться осторожной, мирной, «выжидательной» политики, примѣнительно къ европейскимъ политическимъ обстоятельствамъ, готовые воспользоваться ими во всякую данную минуту съ наибольшею для себя выгодой. Сознавъ невозможность полнаго достиженія разомъ maximum'а своихъ желаній, они предпочитаютъ идти къ этой цѣли исподоволь, шагъ за шагомъ, отвоевывая свои права и свое достояніе.

Такъ, по крайней мѣрѣ понимаемъ мы современную польскую политическую программу, если ее очистить отъ всякихъ риторическихъ прикрасъ и выпутать ея сущность изъ сѣти недомолвокъ, недомыслій и разнорѣчій.

«Послѣ 1864 г. поляки,—читаемъ въ одной изъ поименованныхъ брошюръ пришли къ единодушному сознанію, не сговариваясь, что имъ нечего и помышлять болѣе о химерической независимости (une indépendence chimérique) а слѣдуетъ предохранить себя отъ окончательной гибели *внутреннимъ развитіемъ.*» И дѣйствительно, съ того времени польскія провинціи сдѣлали огромный шагъ на пути такого развитія. Земледѣліе, промышленность и торговля достигли въ нихъ необыкновеннаго и небывалаго процвѣтанія. Съ другой стороны, «Польша, будучи разчлененной могущественными сосѣдями извнѣ, внутри остается неизмѣнно крѣпкой нравственною силою одушевляющаго ее патріотизма, сохраняющаго цѣлость ея національности, не смотря ни на какія разрушительныя вліянія».

И такъ, поляки въ настоящую минуту, по ихъ собственному сознанію, находятся въ наилучшемъ положе-

нія и идутъ полнымъ ходомъ по намѣченному ими для себя пути «внутренняго развитія» и преуспѣянія. Словомъ, программа, которую они для себя начертали, выполняется всесторонне и самымъ блистательнымъ образомъ. Спрашивается, чего-же имъ еще не хватаетъ для полнаго довольства и успокоенія?—Политической независимости они, повидимому, не хотятъ; тогда—въ чемъ-же вопросъ?

Тутъ-то и начинается у польскихъ публицистовъ, за немногими пріятными исключеніями, неискренность и недосказанность, а, частію, и вполнѣ искренняя, быть можетъ, непослѣдовательность.

Безъ сомнѣнія, самой настоятельной и вполнѣ естественной заботой у поляковъ для данной минуты является стремленіе вывести привислянскій край изъ того невыносимо-тѣснаго и ненормальнаго политическаго положенія, въ которое онъ поставленъ послѣ возстанія 1863 г. Это первый пунктъ ихъ программы. Но какъ-же этого достигнутъ?—Открытой силой, революціей—нельзя и пока нечего объ этомъ думать. Ждать выручки со стороны, отъ Европы—тоже напрасно. Остается одно—идти на *примиреніе* съ Россіей и на "объединеніе" съ нею путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній!

Вотъ откуда явилась у поляковъ эта идея о «примиреніи» съ нами, такъ какъ выбирать имъ въ данную минуту не изъ чего. Волей неволей нужно мириться, а тамъ—впереди, что Богъ дастъ... Чѣмъ гоняться за журавлями въ небѣ, лучше пока получить хоть синицу въ руки. Это такой простой и ясный разсчетъ!

Сознавъ, объусловленную роковой безвыходностью, необходимость для себя такого политическаго хода, поляки, устами своихъ публицистовъ всѣхъ почти оттѣнковъ, стали братски протягивать намъ руку и предла-

гать намъ условія мирнаго съ ними соглашенія и скрѣпленія родственныхъ узъ. Однакожъ, въ различныхъ редакціяхъ этихъ условій есть весьма существенныя разнорѣчія и варіанты.

«Польскій публицистъ» въ «Голосѣ» далъ намъ нижеслѣдующую редакцію, предваривъ, что онъ какъ-бы подвелъ въ ней итогъ всѣмъ насущнымъ желаніямъ своихъ компатріотовъ. По крайней мѣрѣ онъ говоритъ отъ лица всѣхъ привислянскихъ поляковъ.

«Программа *наша*, пишетъ онъ, заключается въ слѣдующемъ:

1) Полная юридическая и фактическая равноправность русской и польской народности передъ государствомъ и закономъ. Возможность обучаться на родномъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго. Желая получать образованіе на отечественномъ языкѣ, признаёмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимость основательнаго знанія русскаго языка, нетолько потому, что это языкъ государственный, но и на томъ основаніи, что для сношеній административныхъ и по причинѣ постоянно развивающихся экономическихъ отношеній съ Россіей, онъ для насъ необходимъ.

2) Введеніе всѣхъ учрежденій, судебныхъ и административныхъ, существующихъ въ имперіи, съ принятіемъ въ соображеніе мѣстныхъ особенностей, вытекающихъ изъ дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ кодекса Наполеона и пр. Во всѣхъ этихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ должны быть точно опредѣлены границы государственнаго и національнаго языка. Первый долженъ остаться офиціальнымъ языкомъ въ администраціи; въ òрганахъ же самоуправленія и судопроизводства долженъ быть употребляемъ мѣстный языкъ.

3) Распространеніе законовъ о печати на Царство

Польское въ полномъ объемѣ при уравненіи правъ періодической печати въ Варшавѣ съ петербургскою и московскою. Говоримъ о законахъ нетолько существующихъ, но и проэктированныхъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыхъ всѣми честными людьми.

4) Уравненіе правъ польскихъ чиновниковъ и учителей съ русскими и допущеніе поляковъ къ должностямъ въ краѣ наравнѣ съ русскими.

5) Требованіе обязательнаго знанія польскаго языка чиновниками, состоящими, по обязанностямъ службы, въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ.

6) Устраненіе препятствій къ общественному и экономическому развитію дозволеніемъ организаціи сообществъ и экономическихъ учрежденій и вообще полное содѣйствіе въ этомъ отношеніи со стороны правительства.

7) Уничтоженіе сервитутовъ, вредно отражающихся на состояніи земледѣлія и поддерживающихъ соціальную рознь между большимъ и малымъ землевладѣніемъ».

Эту программу авторъ называетъ—программой «раціональнаго объединенія» и «примиренія» Россіи съ Польшей, и совершенно основательно замѣчаетъ, что безъ ея осуществленія «о сознаніи солидарности интересовъ Царства Польскаго съ имперіей не можетъ быть и рѣчи».

Все это прекрасно и, конечно, никто изъ благомыслящихъ русскихъ людей не откажетъ въ основательности выраженныхъ въ этой программѣ требованій и въ ихъ умѣренности, какъ никто не станетъ отрицать обоюдную для Россіи и Польши пользу и необходимость предлагаемаго здѣсь «объединенія» и уравненія правъ. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ другой вопросъ.

Точно-ли, «польскій публицистъ» высказалъ, какъ онъ увѣряетъ, въ своей программѣ *все*, чего хотятъ и къ чему стремятся поляки въ ближайшихъ и въ отдаленныхъ видахъ на будущее?

Мы имѣемъ основаніе думать, что далеко *не все* и что онъ не высказалъ главнаго!

По крайней мѣрѣ, въ редакціяхъ той-же программы подъ перьями другихъ болѣе откровенныхъ польскихъ публицистовъ, предположенное «объединеніе» Россіи съ Польшей получило нѣсколько иную физіономію. Между прочимъ, однимъ изъ главныхъ основаній такого «объединенія» полагалось тамъ активное участіе прочныхъ консервативныхъ элементовъ польскаго общества въ «умиротвореніи» Россіи, обезпокоенной-де взрывами нигилистической анархіи, и, вообще, въ водвореніи въ ней порядка и спокойствія... Объ этой братской услугѣ много говорилось у насъ въ послѣднее время, и она казалась такой неожиданно-странной, что многіе русскіе читатели сочли ее чуть не за газетную утку.

Къ сожалѣнію, между поляками есть не мало дальновидныхъ мудрецовъ, которые, не шутя, смотрятъ такъ, именно, на вопросъ нашего взаимнаго съ ними «объединенія», не шутя собираются спасать Россію, а, при этой благодарной роли и удобной оказіи, наилучше поустроиться и у себя дома.

Всего рельефнѣе и откровеннѣе проведена эта своеобразная редакція польской политической программы въ брошюрѣ «La Russie ou la Prusse?» (Paris, 1879), на которой мы теперь и остановимся подолѣе... Очень ужь любопытно!

Авторъ начинаетъ съ того, что торопитъ поляковъ воспользоваться, немедля, плодами своего внутренняго роста и своей національной живучести для приближенія

къ завѣтной цѣли. Насталъ въ высшей степени удобный для этого, быть можетъ «единственный» моментъ! Онъ обусловливается, съ одной стороны, нынѣшнимъ внутреннимъ разстройствомъ Россіи и, съ другой—внѣшней опасностью, одинаково грозящей и Россіи и Польшѣ со стороны воинственно-алчной политики Пруссіи, увлекаемой своей миссіей къ захватамъ и къ германизаціи славянскихъ земель.

Естественно, что польская національность, поставленная въ сосѣдство и зависимость Россіи и Пруссіи, вынуждена выбирать—къ кому изъ нихъ двухъ ей примкнуть въ интересѣ своего блага и сохраненія своей индивидуальности?

На этотъ-то вопросъ: «Россія или Пруссія?» — нашъ авторъ безъ колебанія высказывается *за* Россію, хотя и ждетъ сильныхъ возраженій изъ своего лагеря.

«Какъ! сближеніе поляковъ съ русскими? Какая странная, почти безумная идея! Скорѣе возможно соединить огонь и воду или обратить вспять теченіе рѣки! Вотъ, замѣчаетъ онъ:—какими восклицаніями будетъ встрѣчено предположеніе о польско-русскомъ союзѣ. А между тѣмъ ничего не можетъ быть здоровѣе и практичнѣе такого союза: его идея можетъ имѣть въ примѣненіи громаднѣйшее значеніе. Осуществленная лойально и вполнѣ искренно, она будетъ плодотворной для всего человѣчества. Союзъ двухъ главныхъ славянскихъ племенъ обезпечитъ спокойствіе всей Европы, ибо онъ создастъ незыблимый отпоръ для властолюбія Пруссіи и всегда будетъ въ состояніи сдерживать въ равновѣсіи франко-прусское соперничество».

«Союзъ» этотъ (о которомъ, сказать къ слову, авторъ трактуетъ изъ своего «прекраснаго далека» съ такимъ апломбомъ, какъ еслибъ рѣчь шла о союзѣ двухъ равно-

самостоятельныхъ державъ) представляетъ, по его мнѣнію, одинаковыя выгоды какъ для русскихъ, такъ и для поляковъ.

Относительно выгодъ поляковъ, авторъ категориченъ и похвально откровененъ. Онъ находитъ, что поляки неизмѣримо превосходятъ русскихъ въ культурномъ отношеніи, вслѣдствіи чего русскіе исполнены даже къ нимъ ѣдкой зависти, какую обыкновенно питаютъ низшіе субстанціи къ высшимъ. Вотъ это-то культурное и нравственное превосходство въ свою очередь побуждаетъ поляковъ между Пруссіею и Россіею выбрать въ союзницы послѣднюю.

«Между владычествомъ Пруссіи и владычествомъ Россіи, которое должна избрать для себя Польша? спрашиваетъ авторъ и—отвѣчаетъ: Пруссія будетъ эксплуатировать Польшу; въ свою очередь Польша въ силахъ *эксплуатировать* (est de force à éxploiter) *Россію*. Слѣдовательно въ союзѣ съ послѣдней она пріобрѣтетъ матеріальное преимущество».

Но и для Россіи проектируемый «союзъ» принесетъ неисчислимыя выгоды уже нравственнаго порядка. Нашъ читатель безъ сомнѣнія будетъ не мало изумленъ, узнавъ, что поляки, по словамъ автора, обязательно предлагаютъ свои услуги — исцѣлить Россію отъ нигилизма, стать опорой въ ней порядка и охранительныхъ началъ!

«Злые языки, говоритъ онъ: — усиливались было доказать, въ періодъ пожаровъ нынѣшняго года (1879), что поляки будто бы не чужды происходящему въ Россіи революціонному движенію. Но общественное мнѣніе въ Польшѣ изобличило во лжи эти инсинуаціи самымъ положительнымъ образомъ: всѣ органы ея прессы единодушно выразили отвращеніе къ проискамъ нигилистовъ и умоляли именемъ всего священнаго польскую молодежь

оставаться спокойной и не дать поймать себя въ западню революціонеровъ». И дѣйствительно, польское общество на дѣлѣ доказало свою преданность порядку и полное безъучастіе къ революціонному движенію «Этотъ фактъ,— разсуждаетъ далѣе авторъ съ крайне наивнымъ самообольщеніемъ: — засвидѣтельствовавъ моральный и матеріальный прогрессъ польской національности, возбудилъ къ ней зависть въ однихъ русскихъ и чувство уваженія и удивленія въ другихъ, истинныхъ патріотахъ своего отечества. Россія, мыслящая и благоразумная, увидѣла ясно, что она сдѣлала ложный шагъ, исключивъ Польшу при рѣшеніи славянскаго вопроса»...

Но суть не въ славянскомъ вопросѣ. Суть въ томъ, если вѣрить автору, что поляки, сильные своимъ консерватизмомъ и благонамѣренностью, ждутъ только призванія спасать Россію отъ внѣшнихъ, а главное, отъ внутреннихъ враговъ.

«Еслибъ, вздыхаетъ онъ:—по счастливому внушенію разума, русское правительство захотѣло въ моментъ столь для него критическій (?) соединить вокругъ себя все, что есть честнаго, преданнаго общественному порядку и прогрессу на почвѣ законности; еслибъ для созданія такой необходимой опоры оно возстановило начало равноправія между русскими и поляками... возстановило автономію послѣднихъ, поддержало ихъ языкъ, ихъ религію, дало имъ въ добавокъ нѣсколько либеральныхъ реформъ,—о, тогда оно смѣло могло бы требовать отъ поляковъ гарантій твердаго и искренняго примиренія! Только такая комбинація могла бы привести къ полному единенію, взаимно выгодному для обѣихъ національностей, и тогда поляки во всемъ блескѣ выказали бы свой политическій разумъ и тактъ»...

Для осуществленія этого «польско-русскаго» союза у

автора готова и формула: онъ рекомендуетъ взять за образецъ австро-венгерскій союзъ... Нужно только спѣшить, ибо теперь именно представляется случай,—«случай, можетъ быть, *единственный*», для заключенія этого спасительнаго союза и для того, чтобы въ народѣ столь лойальномъ и благородномъ (какъ польскій) найти надежную опору государственной власти, общественному порядку и закону...

Вотъ сущность тѣхъ вожделѣній и надеждъ, которыми воодушевленъ былъ авторъ цитированной брошюрки, стоя на распутьи двухъ дорогъ — одной въ Пруссію, другой въ Россію! Онъ выбралъ Россію и, отъ лица поляковъ, выражаетъ готовность войдти съ нею въ «союзъ», примириться съ потерей своей политической независимости цѣною такихъ-то и такихъ-то даяній и благъ.

Что на все это сказать? По совѣсти, хотѣлось бы думать, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ съ личнымъ мнѣніемъ какого нибудь политикана, а не съ выраженіемъ господствующаго въ польскомъ обществѣ образа мыслей.

При самомъ искреннемъ расположеніи къ полякамъ, насъ, русскихъ, не можетъ не оскорблять этотъ надменно-покровительственный тонъ, съ какимъ трактуетъ брошюрка о нашихъ внутреннихъ «потрясеніяхъ», а, главное, эта непрошенная услужливость по искорененію «нигилизма» въ Россіи и созиданія въ ней руками поляковъ охранительныхъ опоръ. Кромѣ недомыслія и круглаго непониманія современнаго внутренняго положенія Россіи, эти кичливыя претензіи далеко не отличаются и тѣмъ «политическимъ тактомъ», который приписываетъ авторъ полякамъ.

Словомъ, авторъ избралъ крайне фальшивый и ложный путь для «примиренія» поляковъ съ русскими, какъ не

мёнѣе зыбка и та почва, на которой онъ усиливается доказать права поляковъ на исчисленныя имъ даянія и блага.

Онъ хочетъ сказать, что поляки *выслужили* эти даянія и блага примѣрнымъ поведеніемъ и готовностью искренно служить Россіи къ искорененію ея внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; но коль скоро достиженіе данной цѣли опирается не на общихъ принципахъ, а на случайномъ стеченіи обстоятельствъ и ставится въ зависимость отъ того или другаго настроенія рѣшающей сферы, то понятно, что всѣ эти тонкіе разсчеты и подходы легко могутъ разсыпаться прахомъ въ слѣдующую засимъ минуту при малѣйшемъ измѣненіи положенія вещей. Впрочемъ, для всякой минуты планы и разсчеты автора по отношенію къ Россіи совершенно невѣрны уже потому, что онъ самымъ наивнымъ образомъ преувеличиваетъ ея яко-бы расшатанность извнѣ и извнутри, какъ невѣрно и то, что она можетъ нуждаться въ братскихъ «охранительныхъ» услугахъ.

Въ концѣ же концовъ, какъ видитъ читатель изъ сопоставленія представленныхъ здѣсь только двухъ редакцій одной и той-же программы нашего «объединенія» съ поляками, мнѣнія и разсчеты у нихъ по этому вопросу разные.

«Польскій публицистъ» «Голоса», въ своей редакціи, искренно или намѣренно, не досказалъ многаго изъ того, чего хотятъ и куда идутъ его компатріоты. Не *все* сказалъ и авторъ разобранной брошюры «La Russie ou la Prusse?», хотя спрятанное въ его мѣшкѣ шило и даетъ отчасти знать о своемъ присутствіи...

«Всѣ дороги ведутъ въ Римъ» для тѣхъ, кто хочетъ до него достигнуть... Отчего-же не быть и у поляковъ *нѣсколькимъ* дорогамъ для достиженія ихъ завѣтной цѣли?—

Одну они уже испробовали и, послѣ долгихъ горькихъ опытовъ, окончательно убѣдились въ ея негодности для успѣшнаго шествія къ этой цѣли. Теперь, наученные опытомъ и болѣе зрѣлые политически, они пытаются проложить новую, болѣе надежную, болѣе совершенную и менѣе опасную дорогу все къ той-же цѣли... Это—дѣло вполнѣ естественное и понятное; но слѣдуетъ-ли отсюда, чтобы они въ душѣ отказались отъ своей завѣтной цѣли—отъ задушевнѣйшей для каждаго истаго поляка мечты о достиженіи независимости рано или поздно?

Полагаемъ, на этотъ вопросъ мыслимъ только одинъ отвѣтъ, въ какія бы діалектическія и дипломатическія тонкости его не заворачивали и сколько-бы не старались отвлекать его и избѣгать высказать его прямо.

Во всякомъ случаѣ, путь, избранный нынче поляками, и ихъ новѣйшая національно-политическая программа несомнѣнно свидѣтельствуютъ прогрессъ ихъ общественной мысли, на что, собственно, мы и хотѣли здѣсь, главнымъ образомъ, указать.

Знаменательно уже то, во-первыхъ, что они отказываются насиловать исторію, тратить силы своего народа и держать въ тревогѣ сосѣдей, вдаваясь въ осуществленіе политическихъ фантазій о «химерической независимости» и о возстановленіи цѣликомъ былой «Рѣчи Посполитой»; во-вторыхъ, знаменательна и важна ихъ плодотворная рѣшимость заняться исключительно своимъ внутреннимъ всестороннимъ развитіемъ на почвѣ своей національности. Съ этимъ рѣшеніемъ ихъ можно положительно поздравить и, какъ кажется, оно достигло у нихъ полной зрѣлости и охватило умы всего польскаго общества. Объ этомъ говорятъ ихъ публицисты; это категорически и торжественно было высказано на юбилеѣ Крашевскаго, заявившаго въ своей рѣчи, что польскій на-

родъ нынѣ «пересталъ вѣрить въ спасительность революціонныхъ экспериментовъ и начерталъ на своемъ знамени, какъ программу, умственное и общественное развитіе націи».

XI.

Послѣднее слово польской исторической науки.

(«Dzieje Polski», w zarysie przez *Michała Bobrzynskiego*. Kraków, 1879).

Имѣя въ виду очертить, по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности, всѣ стороны современнаго состоянія интеллектуальной жизни поляковъ, мы остановимся теперь еще на одномъ выдающемся прогресивномъ явленіи этой жизни.

Въ предшествовавшей главѣ мы старались отвѣтить на вопросъ: чего хотятъ и *куда идутъ* въ настоящее время поляки? Здѣсь мы послушаемъ ихъ: *какъ и откуда*, по ихъ современному мнѣнію, Польша пришла къ потерѣ своей назависимости и къ своему теперешнему состоянію?

Понятно, что вопросъ этотъ очень важный и интересный, такъ какъ отъ степени трезвости взглядовъ на судьбы прошлаго вполнѣ зависитъ и степень правильности программы будущаго. Ознакомившись съ взглядами поляковъ на ихъ исторію, мы въ состояніи будемъ сдѣлать, по возможности, точное представленіе о степени зрѣлости и широты современной польской мысли, объ ихъ видахъ и цѣляхъ, а въ то-же время найти или не *найти* точекъ сопрокосновенія между нами и поляками

въ сферѣ общественно-политическихъ идеаловъ и принциповъ.

Тотъ патріотическій романтизмъ поляковъ, о которомъ мы уже говорили ранѣе, составлялъ до послѣдняго времени и отличительную черту ихъ исторической науки.

По указаннымъ здѣсь причинамъ, польская наука сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на этнографическомъ и историческомъ изученіи роднаго края. Польская историческая литература весьма богата; фактическая сторона исторіи «Рѣчи Посполитой» изслѣдована самымъ обстоятельнымъ образомъ, даже до роскоши; но до послѣдняго времени, польской исторіи, какъ *науки*, не было и не могло быть, потому что польскіе историки были больше поэтами-романтиками, чѣмъ учеными, и больше страстными политиками, чѣмъ точными историками. Романтико-апологическая подкладка отличаетъ ученыя изслѣдованія польской старины даже такихъ высоко-талантливыхъ историковъ, *какъ Лелевелъ и Шайноха*. Только въ настоящее время явился цѣлый рядъ молодыхъ польскихъ историковъ, которые начинають вносить строгій анализъ въ изученіе своей отечественной исторіи, стараются снять, напущенныя ихъ предшественниками, фальшивую позолоту и пеструю орнаментацію съ историческихъ лицъ и событій, пытаются осмыслить общій ходъ историческихъ судебъ польскаго народа и найти разгадку постигшей его потери политической независимости. Во главѣ этой новой школы, усвоившей методъ и духъ новѣйшей исторической науки, стоитъ извѣстный историкъ Шуйскій.

Въ 1879 г. одинъ изъ ея представителей, даровитый г. Бобржинскій, заглавіе книги котораго значится у насъ въ заголовкѣ, подвелъ общій итогъ взглядамъ и выво-

дамъ, выработаннымъ современной польской исторической наукой, и, слѣдовательно, сказалъ, какъ-бы, ея *послѣднее слово*.

Вотъ почему мы и остановились на трудѣ г. Бобржинскаго, который, вообще, представляетъ собою очень яркое и выразительное явленіе въ новѣйшей польской литературѣ. Въ польской журналистикѣ онъ произвелъ большой переполохъ, будучи встрѣченъ большинствомъ ея крайне недружелюбно. И это понятно, потому что Бобржинскій безпощадно сокрушаетъ тѣ иллюзіи и декораціи, которыми привыкъ тѣшиться глазъ поляка въ созерцаніи своего прошлаго и которыми заслонялась для него и газировалась горькая правда этого прошлаго.

Но прежде чѣмъ говорить о книгѣ Бобржинскаго, считаемъ не лишнимъ опредѣлить мѣсто, занимаемое этомъ писателемъ и его единомышленниками въ области польской исторической литературы. Это не только не лишнее—это необходимо для читателя, незнакомаго съ польской литературой.

Польская историческая наука, имѣвшая столько блестящихъ представителей, прошла всѣ тѣ фазисы развитія и школы, которые были пережиты исторіей на западѣ. Отъ мѣстныхъ сказаній, мемуаровъ и затѣмъ схоластическихъ компиляцій, которыми была такъ богата эпоха «ренессанса», польская исторія послѣдовательно переходитъ въ XVIII столѣтіи, подъ вліяніемъ Вольтера, къ картинно-декламаторскому изложенію, скользящему по поверхности событій и къ каждому событію прицѣпляющему мораль. Виднымъ представителемъ этой школы въ польской литературѣ былъ Нарушевичъ, послѣдователи котораго довели принятый имъ методъ до послѣднихъ крайностей.

Съ этого ложнаго и фальшиваго пути вывелъ поль-

скую историческую науку талантливый и трудолюбивый Лелевель, впавшій впрочемъ въ другую крайность вмѣстѣ со своими послѣдователями. Все прошлое Польши Лелевель разсматривалъ, какъ своего рода историческую теорему для доказательства величія и спасительности «золотой вольности», политической и общественной. «Вольность» эту онъ возвелъ въ основной догматъ польскаго народа, предназначеннаго, по его теоріи, осуществить великую идею славянскаго народо-правства во всей ея полнотѣ. Съ этой точки зрѣнія Лелевель судилъ о всей исторіи своего отечества, полагая, что чѣмъ болѣе въ ту или другую эпоху приближалось оно къ отождествленію своей идеи, своего догмата, тѣмъ выше стояло, крѣпло и развивалось, и наоборотъ—чѣмъ больше удалялось отъ этой своей задачи, тѣмъ ниже падало и мельчало.

Не трудно въ этой странной для нашего времени доктринѣ прослѣдить сильное вліяніе гегеліанскаго ученія о Weltgeist'ѣ, воплощающемся въ избранномъ народѣ. Лелевель и его послѣдователи дѣйствительно смотрѣли на польскій народъ, какъ на народъ избранный въ гегеліанскомъ смыслѣ, предназначенный олицетворить въ себѣ общечеловѣческій «міровой разумъ.» Нѣкоторые болѣе пылкіе представители этой доктрины доходили до поэтическаго отождествленія Польши со Христомъ. По ихъ мистической фантазіи выходило, что Польша, представляя собой Христа среди народовъ, призвана искупить своими страданіями ихъ грѣхи и создать эру новой жизни, «идѣ же нѣсть плача и воздыханія».

Сказать къ слову, эти историко-теоретическія заблужденія и романтико-мистическія самообольщенія поляковъ, на почвѣ національнаго самосознанія, представляютъ разительную и весьма поучительную аналогію съ ученіемъ нашихъ московскихъ славянофиловъ. Одновре-

менно съ послѣдователями Лелевеля и подъ вліяніемъ того же гегеліанизма, наши славянофилы точно также идеализировали русскую исторію, видѣли въ русскомъ народѣ олицетвореніе Weltgeist'а и мечтали, какъ поэтически выразился Хомяковъ, что нашей

... Странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной...

Разница только въ ширинѣ розмаха фантазіи и гегемоническихъ вожделѣній надъ «вселенной»; но самая существенная разница въ томъ, что наше славянофильство. встрѣченное сильной и талантливой оппозиціей «западниковъ», никогда не имѣло у насъ большаго кредита, никогда не составляло господствующей струи въ развитіи нашей общественной мысли, тогда какъ лелевелевское полонофильство всевластно и безраздѣльно царило надъ умами поляковъ многіе годы, и только въ послѣднее время авторитетъ его подорванъ новаторами въ области польской исторической науки.

Въ чемъ причина этой разницы—разбирать здѣсь не мѣсто. Замѣтимъ только, что она сказалась и въ новѣйшей исторіи того и другаго народа. Поляки искупили свое доктринерское заблужденіе рядомъ такихъ страданій и лишеній, о какихъ мы понятія не имѣли. Величайшее зло этого заблужденія для поляковъ заключалось въ томъ ослѣпленіи, съ которымъ они относились къ своему прошлому и къ причинамъ потери своей политической самостоятельности.

Идеализируя свою исторію и закрывая глаза на ея темныя пятна, они не хотѣли и не могли понять, что источникъ ихъ политическаго паденія и несчастія прежде всего коренится въ аномаліяхъ и грѣхахъ ихъ собствен-

наго прошлаго. Вслѣдствіе этого причину потери своей независимости они взваливали исключительно на внѣшнихъ враговъ своихъ, на внѣшнія политическія осложненія и между-народную кривду и неправду, да на кое-какихъ козловъ искупленія изъ среды государственныхъ людей былой «Рѣчи Посполитой». Практическія послѣдствія такого ослѣпленія ясны сами по себѣ и, какъ извѣстно изъ недавняго прошлаго, не заставили себя долго ждать...

Горькій опытъ съ одной стороны, а съ другой—вліяніе западнаго раціонализма въ наукѣ значительно дискредитировали въ современномъ польскомъ обществѣ лелевелевскую историческую школу. На смѣну ей явилась новая, болѣе трезвая и сознательная и болѣе научная школа, съ однимъ изъ представителей которой мы встрѣчаемся въ лицѣ г. Бобржинскаго. Книга его производитъ освѣжающее впечатлѣніе, потому что авторъ ея совершенно отрѣшился отъ того квасного національнаго самообольщенія и отъ тѣхъ традиціонныхъ иллюзій, которыми такъ долго и беззавѣтно убаюкивала своихъ читателей польская историческая литература. Г. Бобржинскій взялъ на себя смѣлость подвергнуть строгому научному анализу всю исторію «Рѣчи Посполитой» и произнести надъ нею нелицепріятный судъ, на основаніи точныхъ, логическихъ выводовъ изъ фактовъ, имѣя въ виду одну лишь историческую истину. И онъ нигдѣ не попятился передъ этой истиной, нигдѣ не старался умалить и затушевать ее, какъ бы она ни показалась на взглядъ читателя-поляка вопіюще обнаженной и непатріотичной. Это своего рода подвигъ для польскаго писателя, такъ какъ всякое общество, долго жившее въ сладкомъ самообманѣ, какъ жили поляки, никогда не

торопится вѣнчать лаврами суровыхъ пророковъ, которымъ оно бываетъ обязано своимъ отрезвленіемъ.

Должно быть, предвидя это, г. Бобржинскій прибѣгаетъ къ довольно ловкому діалектическому пріему. Формулируя начала и задачи представляемой имъ школы вообще и своей книги въ частности, онъ ихъ какъ бы влагаетъ въ уста самого польскаго общества, заставляетъ его встать на высоту требованій голой исторической правды, какъ бы она горька ни была. Безъ сомнѣнія въ этомъ пріемѣ сказывается скромность ученаго и патріотическая вѣра въ здравомысліе соотечественниковъ, но есть тутъ и уловка публициста, выступающаго со смѣлымъ словомъ, которое—онъ знаетъ—многими будетъ встрѣчено съ непріязнью. Понятно, что рѣзкое впечатлѣніе этого слова должно значительно смягчиться, когда оно высказано отъ лица не автора, а какъ бы самихъ читателей, когда авторъ является лишь выразителемъ общественнаго мнѣнія.

Г. Бобржинскій прежде всего заставляетъ современнаго интеллигентнаго поляка придти къ безотрадному убѣжденію, что вся исторія его отечества представляла до сихъ поръ «неразгадную загадку», понять и разъяснить которую настоятельно желаетъ-де все польское общество. Вотъ на этотъ-то запросъ и выступили со своимъ отвѣтомъ новые польскіе историки!

«Они отлично знаютъ, говоритъ за нихъ авторъ:—чего отъ нихъ ждетъ общество, знаютъ, что оно спокойно выслушаетъ горькую правду, что оно не удовлетворится уже казовыми картинами прошлой военной славы и праздничной стороны старосвѣтской придворной и домашней жизни, но прежде всего спроситъ о постепенномъ ходѣ внутренняго развитія народа. Нынѣшнее наше общество подготовлено къ созна-

нію, что завѣщанныя ему предшествовавшимъ поколѣніемъ традиціи и идеалы относятся къ эпохѣ нашего упадка, что было время, когда кругозоръ польской мысли былъ несравненно шире и польская грудь дышала несравненно возвышеннѣйшими стремленіями, чѣмъ въ періодъ нашей близорукости и темноты въ XVII—XVIII столѣтіяхъ.»

Обращаясь въ другомъ мѣстѣ къ задачѣ собственно своей книги, г. Бобржинскій говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду «выяснить и возстановить измѣнявшіеся подставы и условія общественнаго и политическаго развитія Польши, анализировать причины роста и упадка этого развитія и охарактеризовать всю прошлую жизнь народа и его выдающіяся особенности въ различныя эпохи». «Если наша исторія, говоритъ онъ далѣе:—должна быть нашей учительницей, если въ нынѣшней нашей дѣятельности намъ довлѣетъ руководствоваться аргументомъ: «такъ поступали-де отцы наши», то станемъ учиться у нашихъ великихъ предковъ временъ ягеллоновскихъ, а не у позднѣйшихъ измельчавшихъ поколѣній, тяжкое бремя прегрѣшеній которыхъ до сихъ поръ лежитъ на нашихъ плечахъ и которыя могутъ служить для насъ только отрицательнымъ примѣромъ.»

Въ концѣ же своей книги онъ подвергаетъ сомнѣнію надобность вообще жить умомъ отдаленныхъ предковъ. «Для того чтобъ быть полякомъ, не нужно, говоритъ онъ:—пятиться назадъ въ своихъ стремленіяхъ и образѣ мыслей, слѣдуетъ идти, напротивъ, впередъ—шагъ въ шагъ за общечеловѣческимъ развитіемъ и, уважая свое прошлое, нѣтъ надобности превращаться въ мумію, но должно трезво и разсудительно пользоваться историческими опытами.»

Книга г. Бобржинскаго захватываетъ всю польскую исторію вплоть до роковаго для нея 1772 г. Какъ ска-

зано выше, авторъ дѣлитъ прошлое Польши на двѣ рѣзко различающіяся между собою эпохи: пясто-яггелоновскую, богатую внутреннимъ и внѣшнимъ ростомъ государства, и эпоху анархіи и упадка Польши извнутри и извнѣ, начавшуюся, по его хронологіи, въ концѣ XVI столѣтія. Въ своемъ подраздѣленіи авторъ отправляется изъ весьма опредѣленнаго политическаго критеріума, мѣрка котораго не выходитъ у него изъ рукъ при оцѣнкѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и всѣхъ событій польской исторіи. Критеріумъ этотъ ясенъ и простъ; онъ представляетъ въ сущности антитезу политическаго принципа, на которомъ держалась и съ котораго сорвалась «Рѣчь Посполитая». Защитникамъ и аппологистамъ «золотой вольности», которою такъ злоупотребляли поляки, г. Бобржинскій противополагаетъ начало самодержавія и государственной централизаціи, котораго въ ихъ политической системѣ не хватало.

«Читая Лелевеля, удивляемся, говоритъ онъ, какъ могъ онъ впасть въ такія непостижимыя заблужденія— удивляемся, какъ можно было, превознося «вольность», закрыть глаза на другое необходимое условіе здороваго развитія каждаго народа—именно на упругость и силу власти государственной! Не понимаемъ, какъ можно было развитіе и упадокъ народа поставить въ зависимость лишь отъ самоуправленія, т. е. отъ одной изъ формъ государственности... И однакожъ Лелевель втиснулъ все наше прошлое въ такую республиканскую формулку!... Онъ чисто доктринерски идеализировалъ гибельныя (?) политическія права, добытыя поляками во второй половинѣ XVI вѣка, не обративъ вниманія на ихъ послѣдствіе—анархію, и считалъ преступленіемъ позднѣйшія усилія, клонившіяся къ уничтоженію этой «золотой вольности».

Въ этой тирадѣ г. Бобржинскій высказалъ вполнѣ опредѣленно не только свой критическій взглядъ на лелевелевскую школу и на прошлое Польши, но отчасти и свои политическія убѣжденія. Онъ—истый монархистъ, а мѣстами даже абсолютистъ—тамъ, гдѣ по его мнѣнію, одна только сильная монархическая власть могла спасти и возвеличить его несчастное отечество. Въ такой же степени является онъ и непримиримымъ антагонистомъ «золотой вольности» въ томъ ея дѣйствительно-безобразномъ видѣ, въ какомъ она царила въ Польшѣ въ эпоху упадка. Всю исторію «Рѣчи Посполитой» онъ сводитъ къ борьбѣ этихъ двухъ началъ—государственнаго абсолютизма и «золотой вольности», слѣдитъ за нею шагъ за шагомъ, привѣтствуя каждую побѣду перваго и впадая въ уныніе при видѣ расширенія послѣдней. Съ этой точки зрѣнія, онъ различаетъ и двѣ помянутыя эпохи польской исторіи. До тѣхъ поръ, пока исходъ борьбы былъ нерѣшителенъ, а временами казалось даже, что монархическое начало одолѣетъ и организуетъ сильное внутреннимъ порядкомъ самодержавное государство, нашъ историкъ вѣрилъ еще въ будущность своего народа и преклонялся передъ его геніемъ.

«Правда, говоритъ онъ:—Польша не знала до эпохи упадка убійственнаго личнаго равноправія, знала одно только общественное равновѣсіе, которое соединяло представителей всѣхъ разнородныхъ состояній въ одно цѣлое и направляло ихъ дѣятельность къ одной цѣли—благу общему. Равновѣсіе это охранялось правительствомъ, которое, оставляя свободу мысли, желѣзной рукой сдерживало и подавляло самыхъ могущественныхъ личностей, если они осмѣливались идти наперекоръ праву и политикѣ государства». Историкъ съ благоговѣніемъ останавливается передъ наиболѣе энергичными

представителями такого правительства пясто-ягеллоновской эпохи: Болеславомъ Храбрымъ, Казиміромъ Великимъ, Казиміромъ Ягеллономъ, Олесницкимъ и другими, которые умѣли основывать свою власть, по его выраженію «на здоровомъ (?) соціальномъ неравенствѣ», умѣли «подавлять желѣзомъ каждый легкомысленный протестъ, каждое разнузданное самолюбіе и своекорыстіе».

Но увы! «желѣзныя» времена и «желѣзные» правители канули въ вѣчность, не оставивъ по себѣ никакого прочнаго слѣда и нашъ историкъ густымъ слоемъ накладываетъ на своей картинѣ мрачныя тѣни, однѣ тѣни и тѣни. Съ той минуты, когда въ Польшѣ стало царствовать знаменитое «liberum veto», когда шляхетская «золотая вольность» въ своемъ разгулѣ съузила и ограничила монархическую власть до полнаго ничтожества,—г. Бобржинскій впадаетъ въ отчаяніе и ничего не видитъ въ этой эпохѣ кромѣ глубокаго соціально-политическаго упадка, огульной деморализаціи и анархіи. Онъ нигдѣ ни разу не измѣняетъ своему излюбленному критеріуму, своей политической доктринѣ, послѣдовательно и старательно подгоняя подъ ея требованія всѣ историческія событія и перевороты.

«Чему бы ни приписывали мы, говоритъ онъ въ заключеніе, причину нашего упадка—шляхетскому ли гнету надъ крестьянствомъ, пониженію ли городовъ, или наконецъ нравственной и умственной деморализаціи нашей интеллигенціи, — все это будутъ только второстепенныя причины, которыя въ иныхъ странахъ выступали нерѣдко въ несравненно сильнѣйшей степени, и однакожъ не привели ихъ къ потерѣ политической самостоятельности. Это потому, что всюду существовало правительство, которое, усмотрѣвъ данное зло, рано или поздно искоре-

няло его и парализовало; только у насъ однихъ отсутствовалъ этотъ оздоровляющій агентъ, только у насъ однихъ не было правительства, которое могло бы въ рѣшительную минуту сосредоточить около себя разрозненныя общественныя силы и двинуть ихъ въ одномъ направленіи. *Мы не имѣли правительства, и это одна, единственная причина нашего упадка»* (стр. 447).

«Ненавистная судьба, съ горечью говоритъ авторъ разбираемаго сочиненія:—отказала намъ въ великихъ монархахъ, и—это въ ту эпоху, когда другихъ народовъ надѣляла ими съ избыткомъ. Не грустно ли, что въ то время, когда, напримѣръ, во Франціи царствовали Францискъ I и Генрихъ IV, въ Англіи Генрихъ VIII и Елисавета, въ Испаніи Карлъ V и Филлипъ II, въ Австріи Фердинандъ II, въ Швеціи Густавъ Ваза и Карлъ Зюдерманландскій, мы одни имѣли слабодушнаго добряка (poczciwca) въ Сигизмундѣ Старомъ, робѣвшаго передъ каждымъ рѣшительнымъ шагомъ Сигизмунда-Августа и завѣдомо дѣйствовавшаго на нашу гибель Сигизмунда Вазу. Никто изъ нихъ народа не понималъ и ему не помогалъ, никто изъ нихъ не направилъ его на путь спасенія, а напротивъ всѣ усилія его выдти на этотъ путь поочередно заглушалъ. Блеснулъ было геній Баторія, но только на мгновенье и не успѣлъ поэтому создать прочныя учрежденія. Изъ позднѣйшихъ королей блистаетъ еще прекрасными намѣреніями Владиславъ IV; о Вишневецкомъ и саксонской династіи не стоитъ и упоминать; военная слава Собѣсскаго засіяла какъ бы только для разительнѣйшаго контраста съ его жалкой, ошибочной политикой; останавливаясь на Янѣ Казимірѣ и Станиславѣ Понятовскомъ, мы должны и имъ отказать въ энергіи и величіи»...

Въ сплошномъ ничтожествѣ и слабости польскихъ ко-

ролей, авторъ видитъ «зловѣщій fatum» своего отечества и въ немъ ищетъ источникъ всѣхъ бѣдъ его и лишеній. Впрочемъ fatum самъ по себѣ, а что касается народа или, точнѣе сказать, шляхты, то и тутъ г. Бобржинскій одинаково безпощаденъ. Путемъ искуснаго подбора неотразимыхъ фактовъ, онъ развиваетъ печальную картину постепеннаго разложенія общественнаго и политическаго организма «рѣчи Посполитой», кончающагося долгой и мучительной агоніей. Выводъ получается, надо сознаться, убійственный для польскаго патріота, взлелѣяннаго на самообольщеніяхъ и апологіяхъ прошлому, вышедшихъ изъ-подъ пера прежнихъ историковъ. Выводъ тотъ, что Польша потеряла свою самостоятельность единственно по собственной винѣ, что она пришла къ этому долгимъ путемъ страшныхъ безразсудствъ, преступленій и промаховъ цѣлыхъ поколѣній, изъ среды которыхъ, къ ужасу историка, не выдѣлилось ни одного могучаго государственнаго генія, который смогъ бы остановить народъ на краю пропасти и повернуть его на спасительную дорогу самосознанія и кореннаго преобразованія его гибельной соціально-политической системы.

«Отчего народъ нашъ, спрашиваетъ авторъ: подобно другимъ народамъ, не увлекъ своихъ государей угрозой или убѣжденіемъ» на путь той политики, которая была для него якоремъ спасенія? «Оттого, отвѣчаетъ онъ тутъ же:—что въ самомъ народѣ не созрѣло потребное для этого сознаніе, что онъ былъ безучастенъ къ своей судьбѣ и не обладалъ великими характерами, которые ради охраны народныхъ основъ готовы были бы пожертвовать милымъ покоемъ и даже самими собою. Всѣ наши знаменитѣйшіе дѣятели послѣднихъ трехъ столѣтій (Тарновскій, Замойскій, Зебржидовскій, Жолкѣвскій, Любомірскій, Потоцкій, Чарторижскіе), всѣ они — существа

безъ крови и жизни, и никто изъ нихъ, какъ въ добромъ, такъ и въ зломъ, не возвысился до титаническихъ размѣровъ, до истиннаго драматизма. Вся наша исторія съ XVI вѣка производитъ впечатлѣніе скорѣе ребяческихъ порывовъ и безумныхъ шалостей съ огнемъ, чѣмъ сознательно-зрѣлыхъ дѣяній мужей» (стр. 448).

«Въ анархической Польшѣ эпохи упадка пришло къ тому, что кто раньше всталъ, да палку взялъ—тотъ и капралъ: каждый магнатъ велъ свою личную политику, король былъ такой же магнатъ, но только сильнѣе другихъ». Вслѣдствіе этого государство раздиралось междоусобіями и раздорами магнатовъ, такъ что подъ внѣшней формой единаго правительства на самомъ дѣлѣ царила въ странѣ олигархія» (404).

Съ другой стороны общественному упадку способствовалъ застой умственный, которымъ обязано было польское общество главнымъ образомъ іезуитамъ и вообще монахамъ. Іезуиты царили въ интеллигентныхъ сферахъ, направляли общественной мыслью, заковывая ее въ узкія шаблонныя рамки своего мертвеннаго, схоластическаго ученія; въ ихъ рукахъ было и все народное просвѣщеніе. Іезуитская система просвѣщенія «прежде всего отдаляла молодежь отъ источника истиннаго знанія, изъ опасенія, чтобъ она не впала въ еретичество и невѣріе. Поэтому молодежь питали только жалкими крохами науки, безъ всякой внутренней связи и системы, заглушали въ ней духъ изслѣдованія и работу мысли. Послѣдствіемъ этого было то, что шляхетское общество неизмѣримо отстало въ дѣлѣ науки и просвѣщенія отъ Запада, стало пренебрегать ими, а польская литература того времени потеряла всякую тѣнь самобытности и интеллектуальнаго значенія. Панегирики замѣнили истинную поэзію, а компилятивность, въ соединеніи съ цензурой, не до-

пускавшей ни критики, ни свободнаго изслѣдованія, убили всякій проблескъ науки». Въ то же время, «напояя молодежь шляхетской гордостью и поклоненіемъ кумиру «золотой вольности», внушая ей презрѣніе ко всему, что не называлось «шляхетскимъ», умѣли однако іезуиты подготовить ее къ покорности магнатамъ, къ куренію имъ ѳиміама лести и всяческому передъ ними униженію, съ забвеніемъ собственнаго достоинства. Съ теченіемъ времени, когда изсякла въ народѣ самодѣятельность, когда однимъ трудомъ и талантомъ никто уже не могъ возвыситься надъ общимъ уровнемъ, польское общество разбилось на три класса—крестьянство, шляхту и магнатовъ, превратившіеся, путемъ неравноправія политическаго и экономическаго, а также вошедшаго въ плоть и кровь раболѣпства слабыхъ передъ сильными, въ настоящія касты»... «Горе было тому шляхтичу, который дерзнулъ бы встать на собственныя ноги, заявить свое убѣжденіе и дѣйствовать самостоятельно! Если не дѣйствовали слова, ближайшій обиженный магнатъ дѣлалъ наѣздъ на дерзновеннаго, жегъ его, грабилъ и разорялъ, а услужливая передъ магнатами юстиція благоразумно молчала» (стр. 427, 428).

Въ то время, когда іезуиты извращали мысль и чувства учащейся молодежи и руководили общественнымъ мнѣніемъ въ аристократическихъ сферахъ, въ низшихъ слояхъ шляхты ихъ губительную миссію выполняли бернардины, капуцины и иныхъ орденовъ монахи, въ неисчислимомъ множествѣ наводнявшіе всю страну и всюду вносившіе духъ ханжества, религіозной нетерпимости и умственной косности. Въ компаніи съ ними и подъ ихъ руководствомъ шляхта вела жизнь суетную и праздную, прикрываясь внѣшней набожностью. «Какимъ-то странвымъ *образомъ* эта набожность мѣшалась съ разгуломъ:

деморализованная шляхта, едва протрезвившись отъ изобильныхъ возліяній и неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ буйства, шла въ костелъ и усердно исполняла всѣ церковные обряды, торжества и процессіи, заканчивавшіяся въ свой чередъ шумными дикими оргіями».

Посмотримъ на состояніе другихъ элементовъ «Рѣчи посполитой» разсматриваемой эпохи. «Города были въ экономическомъ упадкѣ, а вслѣдствіе преобладанія и насилій шляхты утратили въ значительной долѣ и свою независимость. Судьба городовъ немногимъ отличалась отъ судьбы крестьянъ, которыхъ каждый шляхтичъ считалъ вещью — своимъ имуществомъ. Крестьянинъ — «хлопъ», утративъ остатокъ чувства своего человѣческаго достоинства, естественно утратилъ и всякую иниціативу, духъ предпріимчивости и въ совокупности образовалъ мертвую массу, которую никакія, будь самыя возбудительныя средства, не могли уже вывести изъ одеревенѣлаго состоянія»...

«Могъ ли народъ, при такомъ порядкѣ и живя такою жизнью, взглянуть трезво на свое положеніе и пойти за указаніями политической мудрости» (406)?..

Въ эти печальныя времена «всѣ представительныя силы народнаго организма какъ бы сказали себѣ: зачѣмъ намъ хлопотать ѳ преобразованіи нашего государственнаго строя, коль скоро мы можемъ при внутреннемъ спокойствіи безмятежно пользоваться «золотой вольностью?» То же самое говорилось и относительно внѣшней политики: «Зачѣмъ намъ стараться о поддержаніи нашей военной силы и нашего давняго внѣшняго политическаго вѣса, если это такъ дорого стоитъ? Лучше дадимъ нашимъ сосѣдямъ гарантію въ томъ, что мы всегда пребудемъ слабыми и безсильными, а когда перестанемъ

быть грозными, натурально, всѣ насъ оставятъ въ покоѣ»...

«Непроглядный мракъ охватилъ умы поляковъ, нѣкогда такъ стремившихся къ свѣту, такъ алчно и горячо усвоивавшихъ результаты и пріобрѣтенія общечеловѣческаго прогресса и знанія!» Но уже въ XVI вѣкѣ эти стремленія къ внутреннему развитію мало по малу гаснутъ, послѣднія усилія творческой мысли разрушаются безплодными результатами. Мракъ надвигается все гуще и гуще, борьба слабѣетъ, надежда исчезаетъ. «Все вокругъ падаетъ и замираетъ въ конвульсивныхъ содроганіяхъ, во всемъ обществѣ—ни проблеска таланта, сильнаго характера и политическаго разума; слѣпота и заблужденіе слѣдуетъ одна за другимъ, а народъ и его правители въ какомъ-то непонятномъ умопомраченіи отталкиваютъ всякую внѣшнюю помощь и сами себѣ наносятъ смертельные удары... Слѣдуетъ же наконецъ придти намъ къ убѣжденію, что наше безпримѣрное въ исторіи новѣйшихъ народовъ, единственное въ своемъ родѣ политическое паденіе явилось прямымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда нашихъ заблужденій и долгаго злоупотребленія тѣми высшими правами, которыя Провидѣніе даруетъ народамъ для ихъ жизни и развитія. Не слѣдуетъ винить историка за то, что онъ на пространствѣ двухъ послѣднихъ вѣковъ существованія «рѣчи посполитой» не могъ отыскать ни одного воистину великаго разумнаго дѣянія и ни одного, воистину великаго историческаго дѣятеля. Одинъ такой человѣкъ, одинъ рѣшительный шагъ могли бы двинуть насъ впередъ и спасти, ибо паденіе наше политическое—вещь въ высшей степени анормальная» (446).

Такова картина упадка Польши, нарисованная г.

Бобржинскимъ, таковы его взгляды на польскую исторію, таковы его идеалы и принципы!

Не подлежитъ сомнѣнію, что на многихъ читателей-поляковъ, воспитанныхъ на поклоненіи своей недавней старинѣ, книга г. Бобржинскаго должна произвести расхолаживающее впечатлѣніе непріятной новизны; но намъ до этого нѣтъ дѣла. Для насъ важно знать только, что г. Бобржинскій далеко не первый и далеко не единственный провозвѣстникъ такой новизны въ современной польской литературѣ. Онъ представитель цѣлаго «направленія» польской мысли, которое противники отождествляютъ—не безъ полемической утрировки—съ новѣйшимъ радикализмомъ, чуть-ли не съ нигилизмомъ. Г. Бобржинскій далекъ и того и другаго. Этого мало—онъ ближе къ противоположному лагерю, чѣмъ быть можетъ самъ это подозрѣваетъ, хотя нельзя не сказать, что онъ все-таки смѣлѣе другихъ своихъ единомышленниковъ, цѣлостнѣе и послѣдовательнѣе посчитался съ устарѣлыми традиціями и кумирами польскаго общества.

Упрекая Лелевеля и его послѣдователей въ узкомъ и одностороннемъ доктринерствѣ, въ идолопоклонничествѣ передъ принципомъ «золотой вольности», г. Бобржинскій тѣмъ не менѣе неощутительно для самого себя впадаетъ въ тотъ же грѣхъ, но только съ противоположнаго конца. Онъ не замѣчаетъ, что его знамя не что иное въ сущности, какъ оборотная сторона той же самой медали, съ которою носилась и лелевелевская школа, а на которой именно сторонѣ ея написаны правда и спасеніе, и на которой ложь и гибель—это бабка на двое ворожила. Вопросъ этотъ очень скользкій, да и совершенно праздное дѣло спорить на теоретической почвѣ, что лучше и разумнѣе—«золотая ли вольность»

или абсолютизмъ? Вопреки антипатіи г. Бобржинскаго къ этой трепогибельной «вольности», видимъ изъ исторіи и дѣйствительности, что и съ нею одной, безъ содѣйствія власти, люди иногда умѣли наилучше устроить свою жизнь, какъ и наоборотъ—самые безграничные абсолютисты, объ отсутствіи которыхъ въ польской исторіи такъ скорбитъ нашъ авторъ, нерѣдко не только не успѣвали осчастливить своихъ подданныхъ, но повергали ихъ въ вящшую гибель и анархію, не менѣе той, которую нережила Польша... Довольно вспомнить, до чего довелъ Францію въ прошломъ столѣтіи рафинированный абсолютизмъ ея блистательныхъ Людовиковъ.

Мы уже намекали ранѣе, что политическій принципъ г. Бобржинскаго есть только антитеза или, что то же самое, оборотная сторона принципа Лелевеля, ибо кажется излишне доказывать, что «золотая вольность» и абсолютизмъ суть противоположенія одного и того же понятія, какъ формулы общественнаго союза. Вѣра въ абсолютизмъ—явленіе очень своеобразное въ полякѣ и въ данномъ случаѣ было бы совершенно непонятно, если бы проповѣдь его устами г. Бобржинскаго не представляла собою одну лишь реакцію—и ничего болѣе—противоположному, лелевелевскому ученію. Отрицать можно только во имя чего нибудь, а отрицать въ принципѣ «золотую вольность» только и можно во имя абсолютизма. Такова логика противорѣчій, ни къ чему впрочемъ не обязывающая на практикѣ...

Очевидно г. Бобржинскій и его единомышленники увлеклись тѣмъ же горькимъ чувствомъ утраты ихъ отечествомъ политической независимости, которое неизбѣжно просачивается въ каждомъ польскомъ пересказѣ историческихъ судебъ «Рѣчи посполитой». Увлеченіе совершенно естественное; но при этомъ происходитъ вотъ

что: утрата эта представляется на общей картинѣ такимъ чернымъ, огромнымъ пятномъ, которое совершенно подавляетъ душу историка и, заставляя сосредоточить на себѣ глаза, мѣшаетъ спокойно окинуть взоромъ всю картину и подробно обслѣдить всѣ ея уголки и частные эпизоды. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ польскіе историки, удручаемые видомъ этого страшнаго пятна, стараются если не смыть его, то по крайней мѣрѣ объяснить, откуда оно взялось? въ чемъ его причины и источники? И это почти исключительная, всезахватывающая задача всѣхъ такого рода польскихъ историческихъ трудовъ, какъ обозрѣваемая нами книга г. Бобржинскаго. Въ этомъ ихъ альфа и омега, что опять-таки совершенно естественно; но при такой особенности историческаго изслѣдованія, очень трудно избѣжать предвзятыхъ взглядовъ, односторонности и болѣе или менѣе узкаго доктринерства. Это лучше всего подтверждаютъ польскіе же историки, изслѣдовывавшіе причины потери Польшею независимости. Каждый изъ нихъ искалъ отвѣта на этотъ мучительный вопросъ и каждый находилъ его тамъ, гдѣ найти его ему хотѣлось. Такъ, одни нашли его въ международной несправедливости и хищности сосѣдей былой «Рѣчи посполитой», другіе—въ предательствѣ и измѣнѣ внутреннихъ враговъ отечества, третьи—въ упадкѣ и извращеніи великаго принципа «золотой вольности», четвертые—въ самомъ этомъ принципѣ и въ отсутствіи сильнаго ему противовѣса во власти монархической и т. д. Отвѣтовъ, словомъ, сколько угодно, и каждый изъ нихъ въ свое время признавался окончательнымъ и достовѣрнымъ, причемъ каждый изъ нихъ складывался подъ вліяніемъ той историко-философской доктрины, которая въ данную минуту господствовала въ области европейской мысли.

Трудъ г. Бобржинскаго представляетъ намъ собою еще слѣдующую особенность: онъ—послѣдній, дополненный и исправленный отвѣтъ все на тотъ же «проклятый» для каждаго поляка вопросъ: почему и отчего погибло его отечество, какъ государство, и въ чемъ было бы его спасеніе, допуская въ прошломъ такія-то и такія то цѣлительныя «если-бы» да «кабы?». Но можно-ли признать отвѣтъ г. Бобржинскаго дѣйствительно *послѣднимъ* и вполнѣ истиннымъ?

Вотъ въ этомъ-то и сомнѣніе! Безспорно, по глубинѣ и точности анализа и наконецъ по рѣдкому въ польской исторіи безпристрастію, а скорѣе даже—духу отрицанія, г. Бобржинскій далеко оставляетъ позади предшествовавшихъ ему польскихъ изслѣдователей даннаго вопроса. Трудъ его—явленіе выдающееся въ современной польской литературѣ и весьма знаменательное по своему духу. Въ ней немного раздавалось такихъ твердыхъ и ясныхъ голосовъ, безбоязненно разоблачавшихъ историческіе грѣхи и язвы «Рѣчи посполитой»; немного находилось среди польскихъ писателей смѣльчаковъ, которые бы съ такою гражданской рѣшимостью, смѣлою рукою срывали густую повязку съ глазъ соотечественниковъ на ихъ прошлое,—повязку сотканную такъ кропотливо изъ самообольщенія, романтическихъ иллюзій и застарѣлыхъ предразсудковъ.

Но, представляя относительно явленіе свѣжее, здоровое и прогрессивное, книга г. Бобржинскаго тѣмъ не менѣе не можетъ быть признана, съ общей критической точки зрѣнія, вполнѣ удовлетворительной и полной картиной польской исторіи. На самомъ дѣлѣ, она не болѣе какъ критика на воззрѣнія Лелевеля и его школы, критика притомъ исключительно принципіальная, съ весьма ощутительнымъ публицистическимъ оттѣнкомъ. Ниспро-

вергая ученіе Лелевеля г. Бобржинскій въ тоже время старается замѣстить его въ сознаніи читателя своимъ—новымъ—новымъ по крайней мѣрѣ для читателя поляка. Мы уже знаемъ, въ чемъ состоитъ ученіе того и другаго. Весь споръ въ сущности исчерпывается теоретическимъ разногласіемъ мнѣній о лучшей формѣ государственнаго союза въ примѣненіи къ прошлой жизни польскаго народа. Г. Бобржинскій утвердился на той мысли, въ противоположность ученію Лелевеля, что у поляковъ эта форма въ своемъ основаніи была не полна, неправильна и гибельна, онъ весь поглощенъ этой мыслью и весь трудъ его написанъ лишь для доказательства ея вѣрности. До всего другого ему нѣтъ никакого дѣла. Онъ совсѣмъ забываетъ напр., что если Польша дѣйствительно погибла отъ неравновѣсія двухъ основныхъ началъ политической жизни: государственной власти и гражданской свободы, то никакъ не оттого, чтобъ эта свобода перевѣшивала, а скорѣе наоборотъ—оттого, что ея въ Польшѣ вовсе не было, ибо за изъятіемъ нѣсколькихъ личностей, народная масса въ ней коснѣла въ глубокомъ рабствѣ. Будь въ Польшѣ на самомъ дѣлѣ «золотая вольность»—она бы не погибла и безъ помощи «великихъ» королей и «сильныхъ» характеровъ, объ отсутствіи которыхъ такъ горюеетъ г. Бобржинскій, потому что внутренняя и внѣшняя мощь государства создается гораздо прочнѣе и полнѣе не величіемъ героевъ и правителей, а величіемъ самого народа, коль скоро онъ свободенъ и самодѣятеленъ, какъ это видимъ нынѣ на живомъ примѣрѣ Сѣверо-Американской республики, исторія которой однако-жь менѣе всего можетъ похвастаться героями и великими людьми... Впрочемъ, подробный разборъ положеній г. Бобржинскаго не входилъ въ нашу задачу. Мы хотѣли только показать въ надле-

жащемъ, конечно, свѣтѣ взглядъ современной польской исторической науки на прошлое польскаго народа и на то, какъ и чѣмъ она объясняетъ потерю имъ политической самостоятельности? Полагаемъ, что мы для этого достаточно сказали.

XII.

Варшавская журналистика *).

1.

Стѣсненное положеніе варшавской прессы. — Ея дѣленіе на «большую» и «малую»—Варшавскіе «Курьерки». — Причины неудовлетворительности большой прессы.

Еслибы намъ предстояло охарактеризовать не одну только варшавскую печать, въ частности, а всю польскую, *вообще*, то мы обратились бы къ заграничнымъ изданіямъ, выходящимъ на польскомъ языкѣ, какъ къ главному матеріалу для выводовъ, а вся варшавская печать послужила бы намъ только матеріаломъ дополнительнымъ, такъ сказать, средствомъ для провѣрки нашихъ выводовъ.

Оно и понятно! Печать нуждается въ свободѣ, какъ растеніе въ солнечномъ свѣтѣ. Растеніе, лишенное до-

*) Предлагаемый очеркъ современнаго состоянія варшавской польской печати написанъ спеціально для этой книги, по моей просьбѣ, компетентнымъ знатокомъ польской литературы, уважаемымъ товарищемъ моимъ Ростиславомъ Ивановичемъ Сементковскимъ, за что и считаю долгомъ принести ему здѣсь мою искреннюю признательность. Изд.

статочнаго свѣта, не даетъ яркихъ цвѣтовъ и плодовъ, чахнетъ, часто засыхаетъ; точно также и печать, лишенная свободы, теряетъ характеристическія свои черты, влачитъ жалкое существованіе и перестаетъ въ значительной степени быть плодотворною силою. Значитъ ли это, однако, что сама почва теряетъ свою силу, свою способность производить растеніе, другими словами, значитъ ли это, что самъ народъ, создающій печать, обезцвѣчивается, перестаетъ быть самимъ собою? Далеко невсегда. Въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что польскій народъ, не смотря на всѣ попытки обезличить его, проявилъ, несомнѣнно, большую жизненность и вполнѣ сохранилъ свою индивидуальность.

Чтобы познакомиться съ этою индивидуальностью, насколько она проявилась въ печати, намъ, понятно, слѣдовало бы обратиться туда, гдѣ польская періодическая пресса пользуется возможностью быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть, т. е. отраженіемъ духовной жизни народа во всѣхъ ея сферахъ и средствомъ сдѣлать эту жизнь болѣе полною, болѣе совершенною. Но останавливаясь, въ рамкахъ нашей задачи, на обзорѣ одной лишь варшавской печати, мы должны помнить, что она является далеко не полнымъ отраженіемъ жизни польскаго народа, что она походитъ на зеркало, которое завѣшено на добрыя три-четверти непроницаемою пеленою и остальная четверть котораго покрыта довольно густымъ флёромъ. Можно-ли претендовать на такое зеркало, если оно многое совсѣмъ не отражаетъ, а другое отражаетъ въ искаженномъ видѣ? И какъ совершенно должно быть зеркало, чтобы хоть что-нибудь отражать при такихъ условіяхъ!

Условія эти созданы тяжелыми историческими событіями, и не наше дѣло ихъ здѣсь касаться. Но помнить

ихъ слѣдуетъ, потому что иначе трудно уяснить себѣ многія явленія въ области варшавской печати и представить сколько-нибудь удовлетворительную оцѣнку ея.

Такъ, насъ на первыхъ же порахъ поражаетъ отношеніе между варшавскою большою и малою прессою. Газеты, принадлежащія къ послѣдней, носятъ въ Варшавѣ названіе «курьерковъ». Курьерки не только самыя распространенныя ежедневныя изданія въ Варшавѣ*), но они еще, кромѣ того, болѣе воспріимчивы къ усовершенствованіямъ, къ улучшенію внутренняго своего содержанія, къ расширенію области вопросовъ, подвергаемыхъ обсужденію. Между тѣмъ, какъ большая варшавская пресса довольно неподвижна, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, старѣйшій варшавскій органъ большой прессы, «Варшавская Газета» (Gazeta Warszawska), въ теченіи ста семи лѣтъ своего существованія, мало въ чемъ измѣнился, курьерки изъ листковъ, занимавшихся почти исключительно регистраціею городскихъ происшествій, какими они были еще лѣтъ 10—15 тому назадъ, превратились въ газеты съ сравнительно весьма полнымъ содержаніемъ и исчерпывающія почти всѣ характеристическія черты варшавской печати, вообще. Мало того, сами большія газеты, если подвергаются измѣненіямъ и усовершенствованіямъ, то, именно, въ той части своей, которая у нихъ обща съ курьерками.

Чтобы точнѣе разъяснить нашу мысль, остановимся на содержаніи варшавскихъ газетъ, вообще, и на различіи, существующемъ между большою варшавскою га-

*) «Варшавскій Курьеръ» имѣетъ до 12,000 подписчиковъ, между тѣмъ, какъ цифра подписчиковъ большихъ газетъ колеблется между двумя и пятью тысячами.

зетою и курьеркомъ. Содержаніе варшавской большой прессы исчерпывается слѣдующими рубриками: первенствуетъ въ ней матеріалъ, почерпаемый изъ иностранныхъ газетъ. Онъ занимаетъ приблизительно $^3/_5$ всего текста въ газетѣ и принимаетъ разнообразнѣйшія формы. Фигурируетъ онъ на первомъ мѣстѣ, въ качествѣ политическаго обозрѣнія, составляемаго на основаніи иностранныхъ газетъ. Каждая варшавская большая газета выбираетъ себѣ тѣ иностранныя изданія, которыя, болѣе всего, подходятъ подъ ея направленіе и составляетъ по нимъ свое политическое обозрѣніе. Одна только «Варшавская Газета» не печатаетъ этихъ обозрѣній и начинаетъ текстъ прямо съ хроники, слѣдуя, должно быть, старой традиціи, когда эти обозрѣнія не были еще въ модѣ. Послѣ обозрѣнія, а иногда передъ нимъ, изрѣдка, разъ въ недѣлю, а иногда и рѣже, появляется передовая статья, печатаемая особымъ, крупнымъ шрифтомъ и посвящаемая опять - таки вопросамъ внѣшней политики. Чѣмъ отличается эта передовая статья отъ политическаго обозрѣнія мы, внимательно слѣдя за варшавскою печатью, уяснить себѣ не могли. Кажется, только тѣмъ, что въ ней разсматривается какой-нибудь отдѣльный политическій вопросъ и что она принадлежитъ одному изъ выдающихся публицистовъ газеты, ставящему нерѣдко даже свою подпись подъ статьею, должно быть, въ убѣжденіи, что она отъ этого выиграетъ, такъ какъ подпись ни въ какомъ случаѣ не можетъ выиграть отъ статьи, которая, по большей части, и блѣдна, и безцвѣтна.

Послѣ политическаго обозрѣнія или передовой статьи, посвященной политическому вопросу, слѣдуютъ, такъ называемыя, политическія послѣднія извѣстія, а за ними обширныя корреспонденціи, опять - таки политическаго

содержанія, изъ всевозможныхъ городовъ, начиная съ главныхъ европейскихъ центровъ и кончая такими пунктами, которые приходится чуть-ли не отыскивать на картѣ.

Послѣ такого потока статей, корреспонденцій, извѣстій, телеграммъ и замѣтокъ, посвященныхъ чужимъ краямъ, вы, можетъ быть, думаете, что болѣе не встрѣтите ни одной строки иностраннаго матеріала? Какъ бы не такъ! Во первыхъ, вамъ угрожаетъ еще длинный фельетонъ, посвященный обзору иностранной жизни или какому-нибудь длиннѣйшему иностранному роману, а, во-вторыхъ, въ концѣ газеты, по большей части, нѣсколько столбцовъ отводятся, такъ называемымъ, курьезамъ изъ иностранной жизни, т. е. трагическимъ или забавнымъ происшествіямъ, анекдотамъ, острымъ словцамъ и пр., и пр. И, какъ будто, и этого еще не довольно, одна изъ газетъ, именно: «Польская Газета» (Gazeta Polska), считаетъ нужнымъ аккуратно помѣщать въ самомъ концѣ своихъ столбцовъ переводъ какой-нибудь статьи объ афганской политикѣ Англіи или объ услугахъ краснаго креста въ войнѣ между англичанами и боэрами.

— Сколько же послѣ этого остается мѣста для внутреннихъ статей?—съ удивленіемъ спросите вы.

— Мало, очень мало!—Словомъ, если, съ внѣшней стороны, познакомиться съ варшавскою большою прессою, то можно подумать, что поляки мало интересуются своимъ отечествомъ и исключительно заняты тѣмъ, что происходитъ въ чужихъ странахъ: въ Германіи, Франціи, Англіи, Боливіи, у папуасовъ, готтентотовъ. На самомъ же дѣлѣ они, какъ извѣстно, глубоко любятъ свое отечество, преданы ему, какъ рѣдкій народъ въ мірѣ, и всѣмъ, что въ немъ происходитъ, живо интересуются. Какой слѣдовательно глубокій разладъ сущест-

вуетъ тутъ между жизнью, какъ она есть, въ дѣйствительности, и тѣмъ, какъ она отражается въ завѣшанномъ зеркалѣ, въ печати!

И такъ, добрыя три пятыхъ содержанія польскихъ большихъ газетъ исчерпываются внѣшнею политикою, иностранною общественною жизнью и литературою. Остальныя двѣ пятыя раздѣляются на двѣ неравныя части: одна, значительно бо́льшая, посвящена мѣстной хроникѣ, отдѣлу внутренней корреспонденціи, очень скудному въ большинствѣ газетъ, извѣстіямъ изъ Россіи, занимающимъ по большей части микроскопическое мѣсто, изрѣдка извлеченіямъ изъ статей русскихъ газетъ и журналовъ, критикѣ, библіографіи. Другая, меньшая, въ фельетонѣ, отводится беллетристическому произведенію какого-нибудь, болѣе или менѣе извѣстнаго, польскаго писателя, если только фельетонъ не занятъ иностраннымъ романомъ. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ появляются чуть-ли не разъ въ годъ. Постоянный воскресный фельетонъ ведется всего одною большою газетою, именно «Новостями» (Nowiny), да и та, кажется, раздумала продолжать его въ текущемъ году. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что польская литература располагаетъ силами, которыя могли бы вести отдѣлы, посвященные внутреннимъ дѣламъ, съ полною компетентностью и съ значительнымъ талантомъ. Слѣдовательно, не въ этомъ дѣло.

Таковы варшавскія газеты по своему содержанію. Спрашивается теперь, какая разница между ними и, такъ называемыми, курьерками? Мы видѣли, что курьерекъ первоначально былъ листкомъ, посвященнымъ регистраціи городскихъ происшествій. Съ теченіемъ времени содержаніе его стало разнообразнѣе. Начали появляться замѣтки о городскомъ хозяйствѣ, тѣхъ или другихъ не-

удобствахъ или несовершенствахъ городской жизни болѣе подробные отчеты о театральныхъ представленіяхъ, концертахъ, художественныхъ выставкахъ, замѣтки, посвященныя обсужденію вопросовъ общественной жизни, иностранныя извѣстія, курьезы, наконецъ фельетонъ, въ смыслѣ переводнаго или оригинальнаго романа. Все это трактуется въ курьеркѣ въ легкой, сжатой формѣ, иногда остроумно и съ большимъ знаніемъ дѣла, но всегда общедоступно и съ соблюденіемъ *правила*: не утомлять вниманія читателя. *)

Мы видимъ, слѣдовательно, что различіе между большою газетою и курьеркомъ заключается относительно *внѣшняго содержанія* почти исключительно въ томъ, что послѣдній строго избѣгаетъ загроможденія своихъ столбцевъ иностраннымъ матеріаломъ. Другими словами, выкиньте изъ большой варшавской газеты весь иностранный балластъ и вы получите курьерекъ, — прибавьте къ

---

*) Такихъ курьерковъ издается въ Варшавѣ три: «Варшавскій», «Ежедневный» и «Утреній» Kuryer Warszawski, Kuryer Codżienny и Kuryer Poranny). Большихъ же ежедневныхъ газетъ всего пять: «Варшавская Газета», «Польская Газета», «Вѣкъ» (Wiek), «Эхо» (Echo), и «Новости». Разница въ форматѣ между этими двумя видами ежедневныхъ газетъ довольно значительна: между тѣмъ; какъ большія варшавскія газеты немного меньше нашего «Порядка», 2 курьерка не достигаютъ размѣровъ нашего «Петербургскаго Листка», а одинъ, именно, «Утренній Курьеръ» еще того меньше. Всѣ эти ежедневныя изданія выходятъ разъ въ недѣлю, за исключеніемъ «Новостей» которыя выходятъ 7 разъ , но за то онѣ по формату меньше остальныхъ. «Эхо», «Вѣкъ», и «Новости», даютъ разъ въ недѣлю литературныя прибавленія, очень тщательно редактируемыя; «Варшавская Газета» даетъ тоже разъ въ недѣлю прибавленіе, но оно посвящено биржѣ, торговлѣ и промышленности. Подписная цѣна курьерковъ составляетъ въ Варшавѣ 6 р. 60 к., съ пересылкою—9 р., большихъ газетъ—9 и 12 р.

курьерку этотъ балластъ, и вы получите большую газету. Другаго различія нѣтъ, да и, въ сущности, не можетъ быть при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена варшавская газета.

Дѣйствительно, различіе между большою и малою прессою, какъ оно установилось на западѣ и у насъ, въ Россіи, заключается въ томъ, что большая пресса посвящаетъ себя, преимущественно, разработкѣ вопросовъ внутренней политики, каждая газета съ точки зрѣнія, извѣстнаго, строго опредѣленнаго направленія, которое, такъ сказать, ее одухотворяетъ, даетъ ей жизнь и составляетъ ея raison d'être, между тѣмъ, какъ малая пресса посвящаетъ главное свое вниманіе мѣстнымъ интересамъ даннаго центра. Между большою и малою прессою среднее мѣсто занимаютъ органы, которые, примыкая къ одному изъ направленій, разработываемыхъ большою прессою, стараются удовлетворить потребности болѣе значительнаго круга читателей путемъ низкой подписной платы и общедоступности изложенія. Въ Варшавѣ такихъ газетъ нѣтъ: ихъ отчасти замѣняютъ курьерки, между которыми «Ежедневный Курьеръ» довольно рѣшительно вступилъ на этотъ путь.

Понятно, что тамъ, гдѣ обсужденіе внутренней политики, въ значительной степени, вычеркнуто изъ программы газетной дѣятельности суровымъ центральнымъ надзоромъ, различіе между двумя видами ежедневной печати стушевывается. Варшавская печать пользуется нѣкоторою свободою въ обсужденіи мѣстныхъ городскихъ интересовъ,—она и является вся, по содержанію своему, малою прессою. Правда, что обсужденіе вопросовъ внѣшней политики, можетъ, въ нѣкоторой, хотя весьма слабой степени, замѣнять возбужденіе вопросовъ внутренней политики, такъ какъ при обсужденіи первыхъ можно

дать выраженіе политическимъ убѣжденіямъ, которыя сегодня примѣняются къ иностраннымъ дѣламъ, а завтра могутъ быть примѣнены или уже теперь мысленно примѣняются къ дѣламъ внутреннимъ. Но къ Польшѣ это меньше примѣнимо, чѣмъ къ другимъ странамъ. Какъ польское общество, такъ и его публицисты слишкомъ привыкли обсуждать всѣ вопросы иностранной политики съ точки зрѣнія такихъ политическихъ комбинацій, которыя могли бы повести къ возстановленію государственной независимости Польши.

Другое возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ нашего взгляда, а именно, что во главѣ большихъ газетъ стоятъ болѣе серьезные публицисты, чѣмъ во главѣ курьерковъ, не выдерживаетъ строгой критики. Во первыхъ, оно фактически невѣрно. Такъ, напримѣръ, во главѣ двухъ большихъ ежедневныхъ газетъ стоятъ драматурги; а, во вторыхъ, отъ серьезнаго публициста мало толку, если ему не къ чему примѣнить свой политическій опытъ, талантъ и знанія.

И такъ, вотъ къ какому выводу мы приходимъ, знакомясь съ варшавскою ежедневною печатью, такъ сказать, съ внѣшней стороны. Внѣшнія условія, въ которыя поставлена эта печать, на видъ вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Завѣшанное зеркало, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ ничего не отражаетъ, кромѣ того, что ему отражать положено.

Но къ чести варшавской печати нужно сказать, что она является очень впечатлительнымъ зеркаломъ. Не смотря на всѣ занавѣски, она ухитряется отражать многое, что, казалось бы, ей вовсе недоступно, другими словами успѣваетъ исполнять до извѣстной степени прямое свое назначеніе, т. е. служитъ отголоскомъ общественнаго *мнѣнія съ борьбою* сталкивающихся взглядовъ, порождае-

мыхъ самою жизнью, и приводитъ общество путемъ анализа явленій къ постепенному сознанію вѣрныхъ путей и цѣлей.

Какъ ей это удается, на этомъ вопросѣ намъ нечего останавливаться, потому что пріемы и средства, къ которымъ она прибѣгаетъ, составляютъ для насъ самихъ слишкомъ еще свѣжее преданіе. Давно ли и наши газеты были загромождены иностранными матеріалами, давно ли онѣ сами трудились изо дня въ день надъ рѣшеніемъ задачи, какъ ухитриться, чтобы завѣшанное зеркало отражало окружающіе насъ предметы? Для насъ, слава Богу, это время отчасти миновало и мы не можемъ не пожелать, чтобы оно миновало поскорѣе и для варшавской печати, тѣмъ болѣе, что это было бы одинаково желательно, какъ для Привислянскаго края, такъ и для самой Россіи. Характеристика духа и направленія варшавской печати, которой мы намѣрены посвятить, главнымъ образомъ, слѣдующую главу, надѣемся, вполнѣ подтвердитъ нашу мысль.

2.

Отношеніе варшавской печати къ Россіи.—Два слова о такъ называемомъ русско-польскомъ согласіи.—Почему вопросъ этотъ рѣшается такъ медленно?—«Внутреннее развитіе», какъ базисъ для соглашенія.

Касаясь вопроса о духѣ и направленіи варшавской печати, мы вступаемъ на очень скользкую почву. Называемъ мы ее скользкою потому, что мы тутъ будемъ имѣть дѣло съ политическими направленіями, мыслями

и взглядами, которые, собственно, являются контрабандою въ варшавской печати. То, что отражается въ зеркалѣ, отражается черезъ довольно густой флёръ. Поэтому уловить можно только общіе контуры, и то въ какомъ то туманѣ, неясныя, неопредѣленныя очертанія, общій видъ предмета, но не всѣ его части и аксессуары. Этимъ и объясняется, главнымъ образомъ, почему вопросъ этотъ такъ мало подвергался до сихъ поръ обсужденію въ русской печати. Говорить о томъ, что люди хотятъ сказать, но не сказали,—является задачею и трудною и до извѣстной степени неблагодарною, и мы сами отказались бы отъ нея, если бы не были глубоко убѣждены, что приступить къ ней необходимо въ интересахъ установленія русско-польскихъ отношеній на болѣе нормальныхъ основаніяхъ и что насталъ моментъ, когда, присматриваясь къ тому, что отражается въ зеркалѣ, даже исключительному русскому патріоту вовсе не приходится быть ни порицателемъ, ни обвинителемъ. Есть, впрочемъ, еще одно соображеніе, которое побуждаетъ насъ познакомить нашихъ читателей съ тѣмъ, что зеркало въ себѣ отражаетъ, а именно, соображеніе, имѣющее въ виду предубѣжденныхъ соглядатаевъ, которые такъ поспѣшны въ своихъ банальныхъ обвиненіяхъ. Пусть же будетъ позволено передать наши впечатлѣнія и намъ, слѣдящимъ много лѣтъ за варшавскою печатью и всегда старавшимся составить себѣ объективное сужденіе о ней.

А теперь къ дѣлу! Капитальный фактъ, который было бы ребячествомъ скрывать, тотъ, что варшавская печать, какъ и, вообще, польское общество, насъ, русскихъ, не любятъ. Никто этому удивляться не можетъ. Любовь—это чувство, которое мы испытываемъ къ лицамъ и предметамъ, доставлявшимъ или доставляющимъ намъ *наслажденіе*, а ходъ историческихъ событій былъ таковъ,

что Россія постоянно заставляла поляковъ страдать въ ихъ сокровеннѣйшихъ чувствахъ. Это не обвиненіе кого бы то ни было, а просто констатированіе факта общеизвѣстнаго. И констатировать его приходится потому, что иначе нѣтъ никакой возможности охарактеризовать сколько-нибудь удовлетворительно варшавскую печать, ея духъ и направленіе. Это нерасположеніе ко всему русскому проявляется во всемъ, нерѣдко въ мелочахъ, даже до смѣшнаго, въ родѣ, напр., недавняго случая, гдѣ одна польская газета отказалась помѣстить доставленный ей русскимъ ученымъ переводъ затруднившей ее какой-то надписи на одномъ изъ восточныхъ языковъ, только потому, что эту услугу оказывалъ русскій. Нерасположеніе проявляется, между прочимъ, въ той незначительной рубрикѣ, которую варшавская печать удѣляетъ фактамъ русской жизни, и гдѣ она съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ отрицательныя стороны нашей общественной и государственной жизни. Нерасположеніе это обнаруживается также въ запальчивости тона польской прессы всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ, въ которомъ полемика между нею и русскою печатью допускается, и пр., и пр.

Впрочемъ, фактъ этотъ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстенъ и понятенъ. Быть можетъ менѣе извѣстно то, что варшавская печать дѣлаетъ за послѣднее время попытки преодолѣть это нерасположеніе, ради достиженія практическихъ цѣлей, потому что она пришла къ сознанію необходимости считаться съ условіями, которыхъ устранить нельзя. Фактъ этотъ, находясь въ тѣсной связи съ поворотомъ, происшедшимъ за послѣднее время въ польской общественной мысли, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

Поворотъ этотъ уже замѣченъ русской печатью и по-

служилъ поводомъ къ цѣлой газетной кампаніи о русско-польскомъ примиреніи. Почти всѣ русскія газеты посвятили за послѣднее время болѣе или менѣе обширныя статьи этому вопросу, но варшавская печать не откликнулась на этотъ призывъ, и дѣло постепенно заглохло. Насъ это нисколько не удивляетъ, и мы вполнѣ увѣрены, что если бы газетная кампанія этого рода была бы возобновлена при существующихъ условіяхъ, то она вторично кончилась бы ничѣмъ. Дѣло въ томъ, что варшавская печать поставлена внѣшними условіями въ фактическую невозможность сказать то, что она, дѣйствительно, думаетъ, а, съ другой стороны, и русская печать не можетъ высказаться съ тою ясностью, которая устранила бы одно весьма важное недоразумѣніе. Въ Варшавѣ мало знаютъ Россію и даютъ себѣ весьма поверхностный отчетъ въ слагающемся новомъ строѣ русской жизни. Поляки, вся политическая жизнь которыхъ была такъ долго исключительно поглощена завѣтною мечтою о возстановленіи Польши, привыкли смотрѣть на Россію и на все русское исключительно, какъ на силу, враждебную осуществленію этой мечты. Русское правительство, общество, народъ, съ свойственными каждому изъ нихъ спеціальными стремленіями, традиціями, цѣлями и задачами, не раздѣляются въ ихъ понятіи, а составляютъ одно цѣлое, на сторонѣ котораго находится сила. Поэтому, когда русское общество протягиваетъ польскому руку примиренія, послѣднее мысленно отвѣчаетъ: «устраните, молъ, сперва несправедливости по отношенію къ намъ, а тамъ виднѣе будетъ, и мы потолкуемъ!». Такимъ образомъ, со стороны глядя, выходитъ довольно комическое qui pro quo. То, что русское общество можетъ дать, отвергается, и отъ него требуютъ того, что оно ни въ какомъ случаѣ дать не

въ состояніи. Прискорбно же во всемъ этомъ вопросѣ, что поляки, вслѣдствіе своего незнакомства съ Россіею, слишкомъ низко цѣнятъ то, что русское общество могло бы имъ дать. Конечно, это товаръ, который пока не котируется на биржѣ, но на политической биржѣ есть много такихъ бумагъ, которыя въ данную минуту цѣны не имѣютъ, а между тѣмъ представляютъ громадную цѣнность въ будущемъ, и въ накладѣ остается тотъ, кто не пріобрѣлъ ихъ во-время. Не характеристично-ли въ этомъ отношеніи, что варшавская печать, какъ будто, интересуется только тѣмъ, что происходитъ въ административныхъ сферахъ и, затѣмъ, считаетъ нужнымъ регистрировать всѣ отрицательныя стороны нашей общественной жизни? Всякое извѣстіе изъ Россіи принадлежитъ либо къ такъ называемымъ административнымъ новостямъ, либо къ крупнымъ скандаламъ, либо, наконецъ, къ сужденіямъ русской печати о Польшѣ и польскихъ дѣлахъ. Все же русское общественное движеніе игнорируется варшавскою печатью, за исключеніемъ немногихъ органовъ, на которые мы укажемъ впослѣдствіи. Не значитъ ли это жить въ прошломъ и пренебрегать будущимъ?

Это тѣмъ болѣе странно, что поворотъ, происшедшій въ польской общественной мысли, именно, имѣетъ въ виду работу для будущаго. Поворотъ этотъ яснѣе и рельефнѣе всего выразился на юбилеѣ Крашевскаго, хотя онъ замѣчался еще гораздо ранѣе. Юбилей этотъ, собственно, послужилъ однимъ изъ поводовъ къ вышеупомянутой нами газетной кампаніи со стороны органовъ русской печати. Рѣчь зашла въ Краковѣ о томъ, чтобы отказаться отъ рискованной политики возстаній и приложить всѣ усилія къ внутренней работѣ, для упроченія матеріальныхъ и духовныхъ силъ польской націо-

нальности, которой угрожаютъ съ разныхъ сторонъ многообразныя опасности. Когда вопросъ былъ такъ поставленъ, открывалась почва для совмѣстной дѣятельности русской и польской интеллигенцій. Нѣкоторые органы русской печати это сразу поняли и, именно, такъ и поставили вопросъ, руководствуясь убѣжденіемъ, что такая совмѣстная дѣятельность можетъ оказать обѣимъ сторонамъ не малую пользу.

Въ Варшавѣ, однако, не дали себѣ яснаго отчета въ этой постановкѣ вопроса, хотя и далеко нельзя сказать, чтобы она прошла безслѣдно. Она уже дала нѣкоторые плоды, и мы увѣрены, что, если съ нашей стороны будутъ точнѣе выяснены соотношенія, стремленія и цѣли различныхъ политическихъ партій въ Царствѣ, то дѣло можетъ значительно двинуться впередъ. Мы говоримъ: съ нашей стороны, потому что русское общество въ состояніи относиться гораздо объективнѣе къ вопросу, чѣмъ польское, уже по одному тому, что поляки насъ не любятъ и признаютъ въ насъ своихъ недоброжелателей, между тѣмъ, какъ мы, имѣя силу на своей сторонѣ, можемъ относиться къ дѣлу гораздо спокойнѣе и хладнокровнѣе.

И такъ, поворотъ, о которомъ мы неоднократно упоминали, заключается въ томъ, что польская интеллигенція временно отказывается отъ мысли о возстановленіи самостоятельности Польши и хочетъ жить для «внутренняго развитія» страны. Какъ всякій логическій выводъ изъ событій, и это крайне отвлеченное понятіе о «внутреннемъ развитіи» можетъ изъ области умозрѣнія перейти въ жизнь только, если оно встрѣтитъ въ ней факторы, способные превратить его, такъ сказать, въ плоть и кровь народнаго организма. Требованіе поста-

редактируются очень тщательно и даже талантливо. Цѣль, которой они служатъ, нисколько не мѣшаетъ имъ дѣятельно заниматься экономическими вопросами, особенно усердно разработываемыми журналомъ «Нива». Что при этой разработкѣ мало обращается вниманія на интересы крестьянства и горожанъ и отводится много мѣста обсужденію интересовъ помѣщиковъ, особенно крупныхъ, и что кредитная система играетъ тутъ большую роль (польскіе помѣщики, подобно нашимъ, не могутъ похвалиться блестящимъ положеніемъ своихъ дѣлъ),—это вполнѣ понятно при направленіи этихъ органовъ *).

2) Представить характеристику польской консервативной партіи, ея интересовъ, стремленій, политическихъ и соціальныхъ убѣжденій, симпатій и антипатій,—значитъ представить характеристику средняго интеллигентнаго человѣка польской національности. Громадное, подавляющее большинство поляковъ—консерваторы, но консерваторы совершенно особаго рода. Если подъ этимъ словомъ разумѣть человѣка, который дорожитъ установившимися соціальными и политическими условіями и чуждается ломки въ нихъ, то средняго варшавскаго интеллигентнаго человѣка нельзя назвать консерваторомъ. Напротивъ, онъ враждебно относится къ современности; но его идеалъ не заключается, какъ идеалъ интеллигенціи другихъ странъ, въ будущемъ, а въ прошедшемъ, въ томъ

---

*) Отмѣтимъ еще, что однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Нивы“ является, на ряду со многими другими талантливыми публицистами, и Генрихъ Сенкевичъ, съ прелестными беллетристическими произведеніями котораго русская читающая публика имѣла случай познакомиться по моимъ переводамъ, помѣщеннымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Новостяхъ“.

времени, когда Польша была самостоятельнымъ государствомъ. Все, что существовало тогда, имѣетъ для него особую прелесть; все, что наступило потомъ, возбуждаетъ въ немъ неудовольствіе или вызываетъ даже ненависть. Всякія реформы обсуждаются имъ, именно, съ этой точки зрѣнія: если онѣ напоминаютъ ему время историческаго блеска Польши, если онѣ содержатъ въ себѣ элементы, съ которыми онъ сроднился, благодаря воздѣйствію своей литературы, коренящейся почти цѣликомъ въ прошломъ, онѣ ему симпатичны; всѣ же другія реформы, даже если онѣ и желательны сами по себѣ, встрѣчаются имъ враждебно или, по меньшей мѣрѣ, подозрительно.

Сказать, что консервативная партія совпадаетъ съ партіею шляхетской или помѣщичьей,—значило-бы придавать ей слишкомъ тѣсное значеніе. Шляхта, несомнѣнно, составляетъ ядро консервативной партіи, которая, однако, обнимаетъ собою гораздо большее число соціальныхъ элементовъ. Гораздо ближе мы подойдемъ къ истинѣ, если скажемъ, что консервативная партія обнимаетъ собою почти всю польскую интеллигенцію. Если мы исключимъ: клерикаловъ, тяготѣющихъ къ Риму и видящихъ въ Польшѣ только одну изъ странъ, удовлетворяющихъ условіямъ работы ad majorem ecclesiae gloriam; магнатовъ, проживающихъ заграницею доходы съ обширныхъ своихъ помѣстій и считающихъ себя за это обязанными разыгрывать роль политическихъ страдальцевъ или заниматься въ часы досуга польскою литературою и искусствомъ; буржуа, по большей части
[illegible] или нѣмецкаго происхожденія, выдающихъ
[illegible] патріотовъ, чтобы вѣрнѣе обдѣлывать свои
[illegible] онецъ—прогрессистовъ, кабинетныхъ людей,
[illegible] идеею и наукою и живущихъ гораздо бо-

лѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ,—если мы исключимъ эти элементы, составляющіе всѣ, вмѣстѣ взятые, очень незначительную часть польской интеллигенціи, то вся остальная масса будетъ именно консервативною партіею, въ смыслѣ совокупности людей съ одинаковыми религіозными, соціальными и политическими убѣжденіями. Сюда входятъ, какъ главная составная часть, шляхта, за тѣмъ чиновники и, наконецъ, люди либеральныхъ профессій. Словомъ, партія эта, по численному своему составу и по вліянію, соотвѣтствуетъ нашей либеральной партіи. Какъ послѣдняя, она, въ общемъ, недовольна существующимъ, но между тѣмъ, какъ русскій либералъ живетъ въ будущемъ, польскій консерваторъ, въ качествѣ политическаго недѣлимаго, живетъ въ прошедшемъ. Въ этомъ кроется глубокое различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ между польскою и русскою интеллигенціями. Но несомнѣнно то, что тотъ, кто пользуется симпатіями этой партіи, имѣетъ на своей сторонѣ почти всю Польшу.

При такомъ громадномъ значеніи консервативной партіи становится понятнымъ и тотъ фактъ, что большинство варшавскихъ и, вообще, польскихъ повременныхъ изданій принадлежатъ къ числу консервативныхъ, въ указанномъ нами смыслѣ. Даже тѣ изданія, которыя служатъ интересамъ другихъ партій, въ значительной степени, раздѣляютъ взгляды, симпатіи и антипатіи этой первенствующей партіи. Можно даже смѣло сказать, что газета или журналъ, который порвалъ бы всякую связь съ ней, былъ бы обреченъ на вѣрную гибель. Поэтому, всѣ тѣ изданія, которыя не задались задачею разработать самостоятельное направленіе во внутренней политикѣ или преслѣдуютъ главнымъ образомъ, коммерческія цѣли, редактируются въ духѣ и направленіи консервативной партіи, точно также, какъ у насъ подобные органы ре-

дать выраженіе политическимъ убѣжденіямъ, которыя сегодня примѣняются къ иностраннымъ дѣламъ, а завтра могутъ быть примѣнены или уже теперь мысленно примѣняются къ дѣламъ внутреннимъ. Но къ Польшѣ это меньше примѣнимо, чѣмъ къ другимъ странамъ. Какъ польское общество, такъ и его публицисты слишкомъ привыкли обсуждать всѣ вопросы иностранной политики съ точки зрѣнія такихъ политическихъ комбинацій, которыя могли бы повести къ возстановленію государственной независимости Польши.

Другое возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ нашего взгляда, а именно, что во главѣ большихъ газетъ стоятъ болѣе серьезные публицисты, чѣмъ во главѣ курьерковъ, не выдерживаетъ строгой критики. Во первыхъ, оно фактически невѣрно. Такъ, напримѣръ, во главѣ двухъ большихъ ежедневныхъ газетъ стоятъ драматурги; а, во вторыхъ, отъ серьезнаго публициста мало толку, если ему не къ чему примѣнить свой политическій опытъ, талантъ и знанія.

И такъ, вотъ къ какому выводу мы приходимъ, знакомясь съ варшавскою ежедневною печатью, такъ сказать, съ внѣшней стороны. Внѣшнія условія, въ которыя поставлена эта печать, на видъ вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Завѣшанное зеркало, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ ничего не отражаетъ, кромѣ того, что ему отражать положено.

Но къ чести варшавской печати нужно сказать, что она является очень впечатлительнымъ зеркаломъ. Не смотря на всѣ занавѣски, она ухитряется отражать многое, что, казалось бы, ей вовсе недоступно, другими словами успѣваетъ исполнять до извѣстной степени прямое свое назначеніе, т. е. служитъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія съ борьбою сталкивающихся взглядовъ, порождае-

въ странѣ. Не менѣе понятно, что всѣ соціальные элементы, упорно держащіеся традицій «стародавнихъ временъ» недовольны этимъ абсентеизмомъ. Отсюда пресловутое «призываніе отсутствующихъ» (wolanie nieobecnych), надѣлавшее столько шуму въ Варшавѣ въ прошломъ году и подавшее поводъ къ довольно оживленной полемикѣ между консервативными, либеральными и прогрессивными органами. Полемика эта была вызвана статьею журнала «Нивы», — озаглавленной, именно, словомъ: «Отсутствующіе»,—въ которой проводилась мысль, что финансовая аристократія (разные *штейны*, *манны* и *неры*, т. е. богатые евреи и нѣмцы), никогда не можетъ замѣнить аристократію родовую и что интересы страны настоятельно требуютъ возвращенія «отсутствующихъ», безъ которыхъ Польшѣ грозитъ чуть ли не гибель отъ вновь возникающихъ соціальныхъ партій, почерпающихъ свою силу въ выдвинувшемъ ихъ новомъ экономическомъ строѣ. Статья эта вызвала очень дѣльное опроверженіе со стороны журнала: «Атенеумъ» (Ateneum), въ которомъ, между прочимъ, выставлялось на видъ, что судьба народа зависитъ не отъ родовой аристократіи и не отъ денежной, а отъ людей «разумныхъ и энергическихъ, которые видятъ и знаютъ, что необходимо, полезно и спасительно какъ для страны, такъ и для сохраненія собственнаго достоинства». Полемика, возгорѣвшаяся по этому поводу между различными органами печати, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ, въ смыслѣ характеристики общественныхъ теченій въ Царствѣ, но и сказанное нами уже бросаетъ свѣтъ на политическое направленіе людей строго-консервативной партіи и ея органовъ. Впрочемъ, что бы лучше охарактеризовать тенденцію этой партіи, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ статьи того же журнала «Нива», въ которой авторъ

наго не только любовью къ научнымъ изысканіямъ и уваженіемъ къ прошедшему, но и стремленіемъ создать себѣ лучшее будущее. Положимъ, что «Калевала»— прекрасная эпопея, *) что очень любопытно знать, какъ и что думали люди въ давно-минувшія времена «о добродѣтели и преступленіи», что интересно познакомиться съ «Цицерономъ, какъ философомъ и моралистомъ» или съ «пѣснями македонскихъ болгаръ», съ семействомъ «гетмана Яблоновскаго», съ «средневѣковою церковію», съ «понятіемъ чести въ среднихъ вѣкахъ» или съ «польскою цивилизаціею въ XII столѣтіи»,—но когда журналъ, посвященный наукѣ, искуству и промышленности, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, состоитъ почти исключительно изъ подобныхъ статей и рецензій книгъ подобнаго же содержанія, то онъ превращается въ спеціально-историческое изданіе и теряетъ общее свое значеніе. Такой характеръ «Варшавской Библіотеки» и сродственной ей по направленію «Варшавской Газеты», которая положительно тонетъ въ дебряхъ политики, нельзя объяснить одними цензурными условіями, такъ какъ другія большія газеты находятъ все таки возможность отводить болѣе мѣста внутреннимъ вопросамъ, а ежемѣсячный журналъ «Атенеумъ» во-очію доказываетъ, что, нисколько не пренебрегая отечественной исторіей, можно издавать въ Варшавѣ журналъ, который гораздо болѣе удовлетворяетъ требованіямъ современности, чѣмъ имъ удовлетворяетъ «Варшавская Библіотека».

Этотъ недостатокъ двухъ изданій объясняется, впрочемъ, отчасти внѣшнею причиною. Оба они изъ рукъ

---

*) Мы здѣсь цитируемъ статьи, появившіяся въ «Варшавской *Библіотекѣ*» въ прошедшемъ году.

редактируются очень тщательно и даже талантливо. Цѣль, которой они служатъ, нисколько не мѣшаетъ имъ дѣятельно заниматься экономическими вопросами, особенно усердно разработываемыми журналомъ «Нива». Что при этой разработкѣ мало обращается вниманія на интересы крестьянства и горожанъ и отводится много мѣста обсужденію интересовъ помѣщиковъ, особенно крупныхъ, и что кредитная система играетъ тутъ большую роль (польскіе помѣщики, подобно нашимъ, не могутъ похвалиться блестящимъ положеніемъ своихъ дѣлъ),—это вполнѣ понятно при направленіи этихъ органовъ *).

2) Представить характеристику польской консервативной партіи, ея интересовъ, стремленій, политическихъ и соціальныхъ убѣжденій, симпатій и антипатій,—значитъ представить характеристику средняго интеллигентнаго человѣка польской національности. Громадное, подавляющее большинство поляковъ—консерваторы, но консерваторы совершенно особаго рода. Если подъ этимъ словомъ разумѣть человѣка, который дорожитъ установившимися соціальными и политическими условіями и чуждается ломки въ нихъ, то средняго варшавскаго интеллигентнаго человѣка нельзя назвать консерваторомъ. Напротивъ, онъ враждебно относится къ современности; но его идеалъ не заключается, какъ идеалъ интеллигенціи другихъ странъ, въ будущемъ, а въ прошедшемъ, въ томъ

*) Отмѣтимъ еще, что однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Нивы“ является, на ряду со многими другими талантливыми публицистами, и Генрихъ Сенкевичъ, съ прелестными беллетристическими произведеніями котораго русская читающая публика имѣла случай познакомиться по моимъ переводамъ, помѣщеннымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Новостяхъ“.

времени, когда Польша была самостоятельнымъ государствомъ. Все, что существовало тогда, имѣетъ для него особую прелесть; все, что наступило потомъ, возбуждаетъ въ немъ неудовольствіе или вызываетъ даже ненависть. Всякія реформы обсуждаются имъ, именно, съ этой точки зрѣнія: если онѣ напоминаютъ ему время историческаго блеска Польши, если онѣ содержатъ въ себѣ элементы, съ которыми онъ сроднился, благодаря воздѣйствію своей литературы, коренящейся почти цѣликомъ въ прошломъ, онѣ ему симпатичны; всѣ же другія реформы, даже если онѣ и желательны сами по себѣ, встрѣчаются имъ враждебно или, по меньшей мѣрѣ, подозрительно.

Сказать, что консервативная партія совпадаетъ съ партіею шляхетской или помѣщичьей,—значило-бы придавать ей слишкомъ тѣсное значеніе. Шляхта, несомнѣнно, составляетъ ядро консервативной партіи, которая, однако, обнимаетъ собою гораздо большее число соціальныхъ элементовъ. Гораздо ближе мы подойдемъ къ истинѣ, если скажемъ, что консервативная партія обнимаетъ собою почти всю польскую интеллигенцію. Если мы исключимъ: клерикаловъ, тяготѣющихъ къ Риму и видящихъ въ Польшѣ только одну изъ странъ, удовлетворяющихъ условіямъ работы ad majorem ecclesiae gloriam; магнатовъ, проживающихъ заграницею доходы съ обширныхъ своихъ помѣстій и считающихъ себя за это обязанными разыгрывать роль политическихъ страдальцевъ или заниматься въ часы досуга польскою литературою и искусствомъ; буржуа, по большей части еврейскаго или нѣмецкаго происхожденія, выдающихъ себя за ярыхъ патріотовъ, чтобы вѣрнѣе обдѣлывать свои дѣлишки; наконецъ—прогрессистовъ, кабинетныхъ людей, *увлекающихся* идеею и наукою и живущихъ гораздо бо-

лѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ,—если мы исключимъ эти элементы, составляющіе всѣ, вмѣстѣ взятые, очень незначительную часть польской интеллигенціи, то вся остальная масса будетъ именно консервативною партіею, въ смыслѣ совокупности людей съ одинаковыми религіозными, соціальными и политическими убѣжденіями. Сюда входятъ, какъ главная составная часть, шляхта, за тѣмъ чиновники и, наконецъ, люди либеральныхъ профессій. Словомъ, партія эта, по численному своему составу и по вліянію, соотвѣтствуетъ нашей либеральной партіи. Какъ послѣдняя, она, въ общемъ, недовольна существующимъ, но между тѣмъ, какъ русскій либералъ живетъ въ будущемъ, польскій консерваторъ, въ качествѣ политическаго недѣлимаго, живетъ въ прошедшемъ. Въ этомъ кроется глубокое различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ между польскою и русскою интеллигенціями. Но несомнѣнно то, что тотъ, кто пользуется симпатіями этой партіи, имѣетъ на своей сторонѣ почти всю Польшу.

При такомъ громадномъ значеніи консервативной партіи становится понятнымъ и тотъ фактъ, что большинство варшавскихъ и, вообще, польскихъ повременныхъ изданій принадлежатъ къ числу консервативныхъ, въ указанномъ нами смыслѣ. Даже тѣ изданія, которыя служатъ интересамъ другихъ партій, въ значительной степени, раздѣляютъ взгляды, симпатіи и антипатіи этой первенствующей партіи. Можно даже смѣло сказать, что газета или журналъ, который порвалъ бы всякую связь съ ней, былъ бы обреченъ на вѣрную гибель. Поэтому, всѣ тѣ изданія, которыя не задались задачею разработать самостоятельное направленіе во внутренней политикѣ или преслѣдуютъ главнымъ образомъ, коммерческія цѣли, редактируются въ духѣ и направленіи консервативной партіи, точно также, какъ у насъ подобные органы ре-

ни одинъ изслѣдователь соціальнаго строя Царства не можетъ оставить безъ вниманія. Состоитъ она, какъ всѣ молодыя, только-что слагающіяся партіи, изъ немногочисленныхъ энергическихъ и талантливыхъ людей, которые, въ силу своей энергіи и таланта, успѣваютъ сгруппировать около себя болѣе или менѣе значительный кругъ сторонниковъ, особенно, между молодыми общественными дѣятелями. Можетъ быть, въ настоящее время еще рано говорить, собственно, о прогрессивной польской партіи, такъ какъ число ея членовъ очень незначительно, какъ и незначительно, въ сущности, вліяніе ея на польское общество. Но если мы рѣшились дать этой группѣ людей названіе партіи, то, именно, въ виду необычайно быстраго развитія какъ числа сторонниковъ прогресивныхъ идей, такъ и вліянія ихъ на общество. Это развитіе, между прочимъ, проявилось, какъ въ числѣ, такъ и въ характерѣ органовъ печати, которыми располагаетъ эта партія. Между тѣмъ, какъ пятьнадцать лѣтъ тому назадъ въ Варшавѣ существовалъ только одинъ прогрессивный органъ, набиравшій себѣ контингентъ сотрудниковъ и читателей среди университетской молодежи и съ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ накидывавшійся на такъ называемые «предразсудки» польскаго общества, къ великому скандалу всѣхъ консервативныхъ элементовъ,— нынѣ мы встрѣчаемъ уже четыре органа этого направленія, ведущіе борьбу съ установившимися традиціями уже при помощи совершенно другихъ пріемовъ и пользующіеся репутаціею весьма солидныхъ и талантливо редактируемыхъ изданій. Къ числу этихъ органовъ принадлежатъ: одна большая ежедневная газета «Новости», два еженедѣльныхъ журнала: «Ежедневное Обозрѣніе»

(Przigład Tygodniwy) и «Правда» (Prawda), и одинъ ежемѣсячный—«Атенеумъ».

Изучая стремленія этой партіи и направленія ея органовъ, мы, прежде всего, наталкиваемся на то любопытное явленіе, что прогрессивная польская партія, въ отличіе отъ прогрессивныхъ партій другихъ странъ, вовсе не является представительницею радикальныхъ началъ, какою ее любятъ выставлять поляки, придерживающіеся строго-консервативныхъ убѣжденій, а, напротивъ, искренно признаетъ существующій порядокъ вещей, требуя только постепеннаго развитія экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условій во имя прогресса, науки и національныхъ правъ польскаго народа. Консервативная партія, напримѣръ, чрезвычайно склонна изображать настоящее положеніе дѣлъ въ русской Польшѣ, особенно же бытъ крестьянства, въ мрачныхъ краскахъ. По мнѣнію консервативныхъ органовъ, положеніе польскаго крестьянства угрожаетъ серьезною опасностью, такъ какъ экономическое его благосостояніе и состояніе его нравственности приходятъ все болѣе въ упадокъ. Прогрессивная же партія, наоборотъ, признаетъ, что условія, въ которыя поставлены польскіе крестьяне, измѣнились, благодаря послѣдней аграрной реформѣ, совершенной русскимъ правительствомъ, къ лучшему и желаетъ только дальнѣйшаго послѣдовательнаго развитія этихъ реформъ. Вообще, между тѣмъ, какъ консервативные органы, подобно радикальнымъ другихъ странъ, настроены крайне пессимистично, прогрессивные органы искренно мирятся съ настоящимъ, не переставая, конечно, требовать постепенныхъ улучшеній и принятія во вниманіе правъ польской національности. Консерваторы отрицаютъ настоящее во имя прошлаго; прогрессисты исходятъ изъ настоящаго для подготовленія луч-

шаго будущаго, на основаніи всего, что есть свѣтлаго въ прошломъ и настоящемъ. Словомъ, прогрессисты могутъ считаться представителями разрушительныхъ началъ только по отношенію къ отрицательнымъ сторонамъ польскихъ соціальныхъ и политическихъ традицій; во всемъ же остальномъ они являются трезвыми людьми съ умѣренно либеральнымъ направленіемъ.

Изъ этой характеристики стремленій прогрессивной партіи читатель усмотритъ, какъ неосновательно обвиненіе польскихъ клерикаловъ, будто-бы прогрессисты являются представителями разрушительныхъ началъ. Они, дѣйствительно, не признаютъ, напримѣръ, непогрѣшимости папы, полагаютъ, что духовныя лица не должны вести агитаціи противъ науки или преслѣдовать космополитическія стремленія католической іерархіи, а быть членами національной церкви, думаютъ, что говорить о возстановленіи аристократическаго строя «Рѣчи Посполитой» въ концѣ XIX столѣтія странно и смѣшно; но отсюда до пропаганды разрушительныхъ началъ, въ общепринятомъ значеніи этого слова, какъ всякій согласится, столь же далеко, какъ отъ неба до земли. Обвиненіе это можетъ служить только доказательствомъ крайняго раздраженія клерикальной партіи противъ прогрессистовъ, которые поставили себѣ цѣлью содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и средствъ, торжеству науки и умѣреннаго прогресса.

И нужно отдать справедливость прогрессистамъ, они съ большимъ талантомъ и энергіею работаютъ на пользу поставленной себѣ цѣли. Ихъ органы, которые мы выше перечислили, сгрупировали около себя видныя литературныя силы и съ честью, а отчасти даже съ большимъ блескомъ ведутъ свое дѣло. Ежемѣсячный журналъ: «Атенеумъ», издателемъ котораго состоитъ нашъ извѣстный

присяжный повѣренный В. Спасовичъ, несомнѣнно, украсилъ бы собою періодическую литературу любой страны. Изъ числа польскихъ прогрессивныхъ органовъ онъ ведетъ свое дѣло съ наибольшимъ тактомъ. Между тѣмъ, какъ остальные нерѣдко впадаютъ, если можно такъ выразиться, въ шаржъ, совершенно напрасно раздражая консерваторовъ нѣкоторымъ ухорствомъ въ борьбѣ съ такъ называемыми предразсудками, «Атенеумъ» отличается спокойнымъ, объективнымъ тономъ, избѣгаетъ мелочныхъ придирокъ, напраснаго возбужденія страстей, но въ существенныхъ вопросахъ бьетъ своихъ противниковъ неумолимою силою логики и мѣткою, остроумною аргументаціею. Перечислимъ здѣсь главныя статьи журнала за истекшій годъ, съ тѣмъ, чтобы дать читателю понятіе о его содержаніи. Изъ беллетристическихъ произведеній мы назовемъ романъ Крашевскаго: «Сумасшедшая»,—посвященный нигилистическому движенію въ кіевскомъ университетѣ, и другой романъ Э. Оржешко, рисующій намъ картину соціалистической пропаганды въ нисшихъ наслоеніяхъ городскаго населенія западнаго края; изъ политическихъ статей: «Борьба съ централизмомъ въ Галиціи»; изъ экономическихъ: «О податной системѣ въ Россіи», «объ экономическихъ обычаяхъ во Франціи» и т. д.; изъ критическихъ: «Молодыя силы» въ польской литературѣ и др. Этимъ перечнемъ мы, конечно, не исчерпали богатаго содержанія журнала за прошлый годъ, но указали на разницу, существующую между этимъ журналомъ и «Варшавскою Библіотекою».

Изъ остальныхъ прогрессивныхъ органовъ мы не можемъ не отмѣтить еще «Еженедѣльнаго Обозрѣнія», (Przegląd Tygodniowy), которое въ значительной степени отрѣшилось отъ прежняго своего юношескаго пыла, съ которымъ оно штурмомъ хотѣло взять твердыню поль-

скаго консерватизма, и вступило на путь трезваго и спокойнаго анализа современныхъ явленій польской жизни. По живости и талантливости изложенія, отсутствію иностраннаго балласта и умѣнію затрогивать животрепещущіе современные вопросы, журналъ этотъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ повременной прессѣ и даетъ читателямъ богатый матеріалъ. За 9 р. 50 к. онъ находитъ возможнымъ давать читателямъ кромѣ 52 еженедѣльныхъ нумеровъ (два, а иногда больше листовъ формата нашей «Недѣли») еще 10 книгъ (10—11 листовъ) разныхъ научныхъ, критическихъ и беллетристическихъ статей и толстый томъ (52 листа) какого нибудь капитальнаго, переводнаго историческаго труда. Если принять во вниманіе, что изданіе это редактируется весьма тщательно и съ большимъ талантомъ и что въ немъ принимаютъ участіе видныя литературныя силы, то всякій согласится, что оно преслѣдуетъ цѣли, имѣющія мало общаго съ карманомъ.

Во главѣ остальныхъ двухъ изданій стоитъ г. Свѣнтоховскій, ученый публицистъ, драматургъ и беллетристъ, пользующійся громкою извѣстностью. О журналѣ «Правда» мы пока не рѣшаемся высказать сужденія, такъ какъ онъ сталъ издаваться только съ 1-го января текущаго года. Газета же «Новости» выгодно отличается отъ другихъ большихъ газетъ богатствомъ внутренняго отдѣла.

4.

Общій выводъ.—Борьба партій, какъ естественный противовѣсъ политической мечтательности.—Причина отрицательнаго отношенія варшавской печати въ Россіи.—Можно-ли пренебрегать содѣйствіемъ варшавской печати въ рѣшеніи экономическихъ, соціальныхъ и государственныхъ вопросовъ?—Заключеніе.

Мы опредѣлили и характеризовали партіи, на кото-

этой газетѣ первенствующее значеніе между другими. Умѣренный либерализмъ Крашевскаго долженъ былъ послужить къ ослабленію ожидавшагося взрыва политическихъ страстей, который, какъ предвидѣла либеральная партія, могъ имѣть весьма прискорбныя послѣдствія для мирнаго развитія страны. Къ сожалѣнію, наша администрація тогда этого не поняла. Крашевскій уѣхалъ за границу, и изданіе, которому онъ съумѣлъ въ короткое время доставить 8000 подписчиковъ (цифру, до тѣхъ поръ небывалую и не повторявшуюся болѣе въ лѣтописяхъ варшавской *большой* прессы) и сдѣлать самымъ вліятельнымъ органомъ въ Польшѣ, постепенно стало падать, хотя и осталось вѣрнымъ направленію, данному ему Крашевскимъ. Нынѣ оно занимаетъ среднее мѣсто между консервативными и прогрессивными органами. Впрочемъ, такъ какъ обсужденіе вопросовъ внутренней политики допускается варшавскою цензурою въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, то газета эта мало чѣмъ отличается отъ прочихъ большихъ газетъ. Выдается только критическій отдѣлъ газеты, составляемый очень трезво и дѣльно.

IV. Партія *прогрессивная*. Хотя въ Польшѣ всегда встрѣчались смѣлые и самостоятельные умы, которые рѣшались указывать на несостоятельность многихъ экономическихъ и политическихъ традицій, пріобрѣвшихъ полное право гражданства въ польскомъ обществѣ, однако, до сихъ поръ люди эти составляли такое незначительное меньшинство, что о партіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не могло быть и рѣчи. Только за послѣдніе годы, вмѣстѣ съ выше указаннымъ поворотомъ въ польской общественной мысли, число сторонниковъ прогрессивныхъ идей стало быстро возростать, такъ что они составляютъ нынѣ группу людей, которую

къ «упроченію польской національности». Это въ переводѣ на практическій языкъ означаетъ искренній переходъ отъ грезъ къ удовлетворенію всѣхъ многообразныхъ интересовъ, порождаемыхъ самою жизнью. Недавняя восторженная встрѣча, которую галиційскіе поляки устроили императору Францу-Іосифу, наглядно показываетъ, что доставленіе польскому народу возможности самостоятельно преслѣдовать свои интересы, вовсе не ведетъ къ политическимъ кознямъ и заговорамъ, а, напротивъ, вызываетъ только глубокую благодарность. Иначе и быть не можетъ. Жить для грезъ и пренебрегать насущными духовными и матеріальными интересами становится à la longue невозможнымъ или, по меньшей мѣрѣ, задерживаетъ развитіе страны, вызываетъ различные экономическіе, соціальные и политическіе недуги. Препятствовать возможности самостоятельной заботы о своихъ интересахъ—значитъ насильственно заставлять націю мечтать объ устраненіи этого препятствія. Борьба въ сферѣ экономическихъ и духовныхъ интересовъ является лучшимъ противоядіемъ противъ политической мечтательности. «Внутреннее развитіе» означаетъ для всякой изъ польскихъ партій что-нибудь иное. Клерикалъ разумѣетъ подъ нимъ созданіе условій, благопріятствующихъ упроченію его вліянія надъ массами, помѣщикъ—болѣе широкое участіе въ земскомъ самоуправленіи и возможность отстаиванія въ немъ интересовъ земельной собственности, прогрессистъ—свободу въ распространеніи своихъ идей и доставленія имъ торжества. Пусть же всѣ эти различныя мнѣнія сталкиваются въ жизни, пусть каждая партія имѣетъ возможность открыто вступиться за свои интересы и отстаивать ихъ передъ остальными. Эта борба плодотворна. Она направляетъ главное вниманіе на средства удовлетворенія насущныхъ потребностей и, вызывая привычку заботиться объ этихъ интересахъ, все-

ляетъ нерасположеніе ко всякимъ политическимъ начинаніямъ, нарушающимъ эти интерессы. Въ этомъ смыслѣ введеніе въ Польшѣ городскаго и земскаго самоуправленія, равно какъ и дарованіе бóльшей свободы печати, являются требованіями политической мудрости.

Уже теперь, когда русская администрація еще вовсе не приняла во вниманіе поворота, происшедшаго въ польской общественной мысли, когда печатное слово такъ сильно еще стѣснено, плодотворность этой борьбы уже проявляется. Когда раздался лозунгъ о внутреннемъ развитіи, каждая партія стала внимательнѣе вдумываться въ присущіе ей интересы. Такъ, напримѣръ, всѣ партіи сознаютъ необходимость занять какое-нибудь опредѣленное положеніе относительно самой многочисленной части населенія, именно, крестьянства. Разъясненію этого вопроса и разрѣшенію его на здравыхъ началахъ сильно препятствуютъ тѣ условія, въ которыя поставлено польское общество. А между тѣмъ всякій, кто изучалъ бытъ польскаго крестьянства, знаетъ, что усилій одного правительства для рѣшенія крестьянскаго вопроса далеко не достаточно.

Къ такому же выводу мы приходимъ, останавливаясь на вопросѣ объ отношеніи польской интеллигенціи къ Россіи. И тутъ стѣсненное положеніе варшавской печати въ значительной степени затрудняетъ установленіе этихъ отношеній на болѣе нормальныхъ началахъ. Что въ польскомъ обществѣ чувствуется стремленіе ближе ознакомиться съ Россіею съ тѣмъ, чтобы уяснить себѣ, чего оно можетъ ожидать отъ насъ,—не можетъ подлежать сомнѣнію для всякаго, кто слѣдитъ за варшавскою печатью. Стремленіе это проявляется не въ одинаковой степени въ органахъ различныхъ партій. Изъ характеристики польскихъ партій, нами представленной, читателю не трудно будетъ себѣ уяснить, какіе органы должны

относиться съ наибольшимъ вниманіемъ къ Россіи. Само собою разумѣется что средній польскій интеллигентный человѣкъ, упорнѣе всего придерживающійся традицій, менѣе всего интересуется Россіею. Поэтому всѣ тѣ изданія, которыя служатъ ему, мало занимаются Россіею; таковы: иллюстрированныя изданія, курьерки, «Варшавская Газета» и «Варшавская Библіотека». Въ этихъ изданіяхъ вы рѣдко встрѣтите извѣстія изъ Россіи или замѣтки о ней. Внимательнѣе относятся къ намъ тѣ изданія, которыя служатъ опредѣленнымъ интересамъ той или другой партіи, каковы: «Эхо», «Вѣкъ», «Польская Газета». Въ первыхъ двухъ вы иногда встрѣтите извлеченіе изъ статей русскихъ газетъ, главнымъ образомъ, конечно, изъ такихъ статей, въ которыхъ обсуждаются вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе близкое отношеніе къ Польшѣ. Въ «Польской Газетѣ» появляются постоянныя корррепонденціи изъ Москвы и Одессы, посвященныя всѣмъ выдающимся новостямъ нашей общественной жизни. Особенно, обращаютъ на себя вниманіе московскія корреспонденціи, которыя представляютъ довольно талантливо излагаемую хронику русской жизни, хотя авторъ и трактуетъ о нашихъ дѣлахъ съ снисходительною улыбкою на устахъ. Но это не бѣда, а, можетъ быть, даже и политично съ его стороны. Иначе его въ Варшавѣ, пожалуй, не стали бы читать, а теперь польскій читатель говоритъ себѣ:—Ну, посмотримъ, что́ дѣлаютъ эти варвары—«москали»,—и прочитываетъ кореспонденцію, при чемъ подчасъ оказывается, что «москали» и не совсѣмъ варвары.

Но самыя полныя и объективныя свѣдѣнія о Россіи встрѣчаются въ прогрессивныхъ органахъ, особенно, въ «Новостяхъ» и въ «Атенеумѣ». Изданія эти и ихъ читатели относятся реально къ жизни и сознаютъ, что

такъ какъ Россія не отдѣлена отъ Польши китайскою стѣною, а, напротивъ, между двумя странами существуетъ очень тѣсная связь, то...

Выводъ ясенъ, но для большинства газетъ онъ, повидимому, не убѣдителенъ. Мы говоримъ: повидимому, потому что нисколько не сомнѣваемся, что польская консервативная печать сознаетъ всю ненормальность игнорированія внутреннихъ дѣлъ страны, отъ которой, въ сущности, такъ сильно зависитъ и ходъ дѣлъ въ Польшѣ. Но говорить такъ, какъ разрѣшается, она не желаетъ и даже не можетъ, потому что лишилась бы читателей,—и потому предпочитаетъ молчать. Между тѣмъ то, что мы сказали о московскихъ корреспонденціяхъ «Польской Газеты», примѣнимо и ко всей варшавской печати. Если бы варшавская цензура нѣсколько расширила свободу обсужденія русскихъ дѣлъ, то обсужденіе это стало бы возможнымъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, поляки стали бы интересоваться русскими дѣлами. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что недружелюбный характеръ, подъ вліяніемъ развитія трезвыхъ и ясныхъ понятій объ общихъ интересахъ, путемъ свободнаго обсужденія въ печати, смѣнился бы болѣе безпристрастнымъ и объективнымъ.

Пренебрегать содѣйствіемъ польской печати, въ смыслѣ важнаго соціальнаго и политическаго фактора,—мы не имѣемъ никакого основанія. Не смотря на стѣсненное положеніе варшавской печати, которое дало намъ поводъ сравнить ее съ завѣшаннымъ зеркаломъ, она сдѣлала значительные успѣхи, можно даже сказать развивается съ поразительною быстротою. Потребность въ періодическихъ изданіяхъ всякаго рода усиливается съ

каждымъ годомъ. Между тѣмъ, какъ еще лѣтъ 10—20 тому назадъ Варшава насчитывала всего двѣ большія газеты, одинъ курьерекъ, одинъ большой журналъ и очень немного спеціальныхъ изданій, имѣвшихъ всѣ, вмѣстѣ взятыя, отъ 20—30 тысячъ подписчиковъ, она теперь насчитываетъ до 62 періодическихъ изданій, которыя имѣютъ около 150.000 подписчиковъ. Если принять цифру населенія царства въ 6 милліоновъ, то на каждые 40 жителей приходится по одному подписчику, и на каждые 100.000 жителей по одному изданію; слѣдовательно, Польша насъ далеко опередила, такъ какъ у насъ приходится одно періодическое изданіе почти на 200.000 жителей. Изъ числа 62 изданій—18 общаго характера; остальныя—журналы для женщинъ, дѣтей и спеціальныя (медицинскія, юридическія, сельско-хозяйственныя и т. д.). Изъ числа общихъ газетъ 8 выходятъ ежедневно (кромѣ того, ежедневно выходитъ и спеціальный экономическій органъ: «Gazeta Handlowa»), 6—еженедѣльно, 1—въ двѣ недѣли разъ и 2—ежемѣсячно. Спеціальныя изданія и журналы для дамъ и дѣтей выходятъ не чаще одного раза въ недѣлю.

Вотъ та внушительная сила, которую представляетъ варшавская печать. Что она, въ большинствѣ своихъ органовъ, относится къ намъ отрицательно,—къ сожалѣнію, несомнѣнный фактъ. Вопросъ: полезно-ли для Россіи, чтобы такое положеніе дѣлъ продолжалось? Мы этого не думаемъ... Напротивъ, мы вполнѣ увѣрены, что расширеніе свободы польской печати, на ряду съ другими реформами, необходимость которыхъ уже признана въ административныхъ сферахъ, было бы первымъ шагомъ къ серьезному сближенію между Россіею и Польшею и, главное, къ совмѣстной и солидарной

работѣ русской и польской интеллигенцій для рѣшенія той массы экономическихъ, общественныхъ и государственныхъ задачъ въ Царствѣ и въ Россіи, которыя не могутъ и не должны быть откладываемы.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Записки Петра Андреевича Каратыгина. Изданы и редактированы сыномъ покойнаго П. П. Каратыгинымъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

Десятилѣтіе Русскаго Земства. 1864—1875 г. Д. Л. Мордовцева. 2 р.

Ванька Каинъ. Историческій очеркъ Д. Л. Мордовцева 60 к.

Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. Профес. Брикнера 1 р. 50 к.

Воспоминаніе Кавказскаго офицера. 1835, 1836, 1837, и 1838 г. 2 ч. Бар. Торнау 1 р. 50 к.

Больное дитя. Популярное руководство для родителей. Дѣтскія болѣзни. Первое домашнее пособіе. Д-ра Кленке. Изд. 3-е 1 р.

Н. А. ЛЕЙКИНА:

Мѣдные лбы. Картинки съ натуры. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соврасы безъ узды. Юмористическіе разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Неунывающіе Россіяне. Картинки съ натуры. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к.

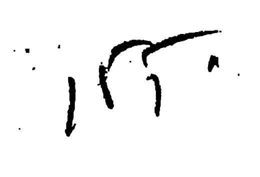
Шуты гороховые. Картинки съ натуры. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

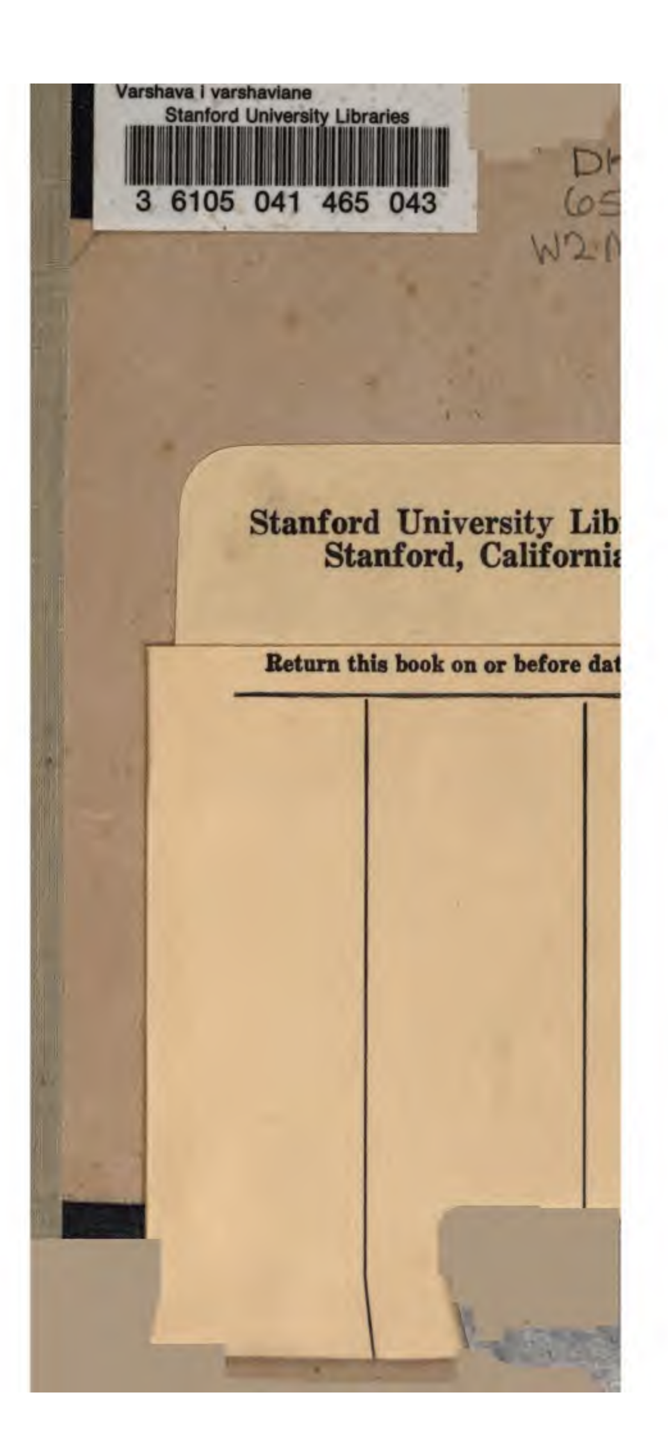
Гуси лапчатые. Юмористическіе картинки Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

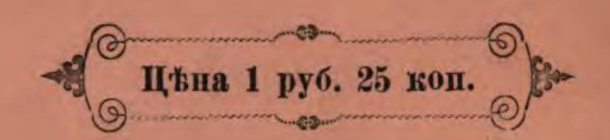
Наши забавники. Юмористическіе разсказы. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ради Потѣхи. Юмористическіе шалости. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Мученики* охоты**. Юмористическіе разсказы. Спб. *1880 г. Ц. 1 р.* 50 к.

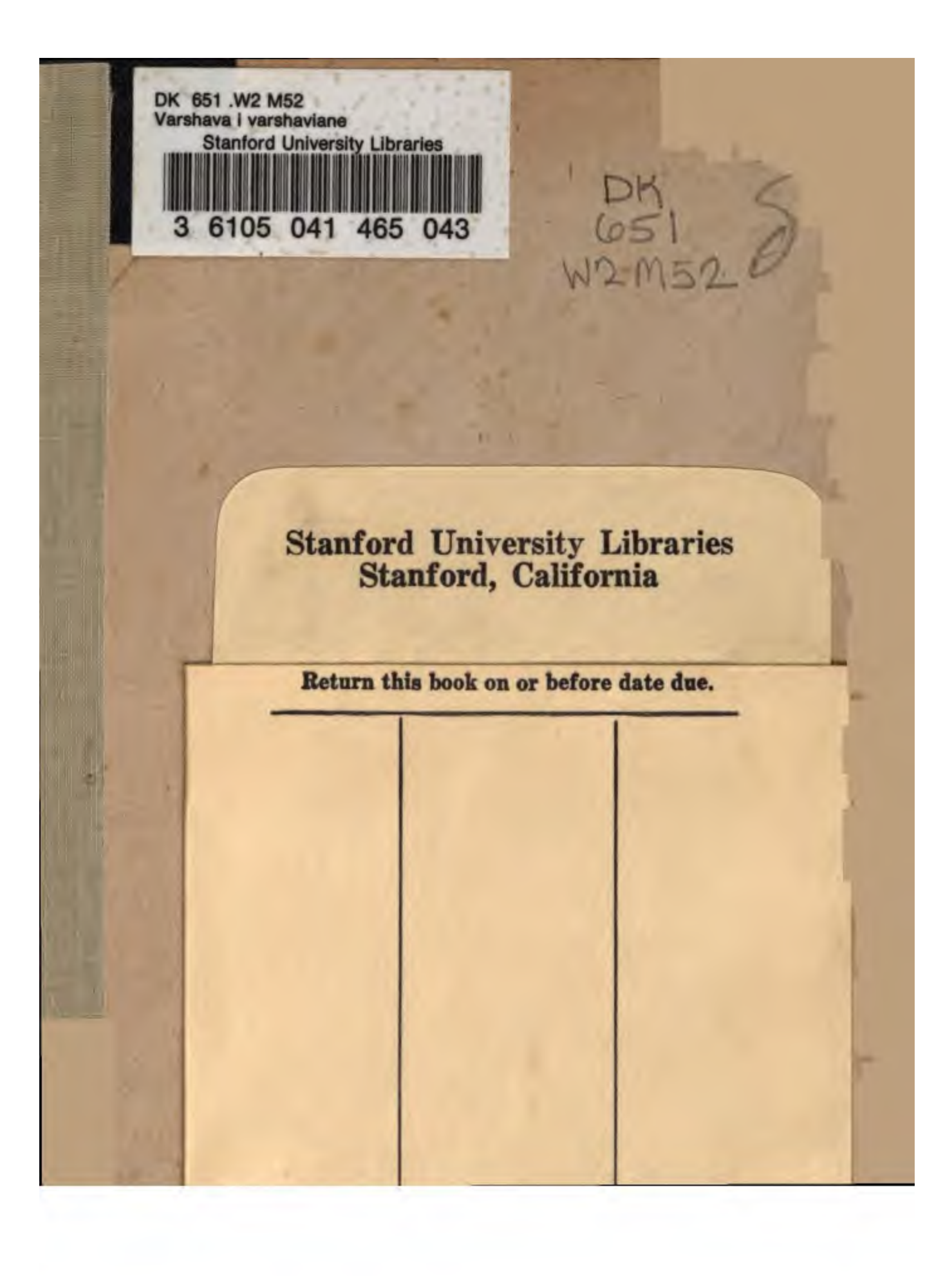

Varshava i varshaviane
Stanford University Libraries
3 6105 041 465 043
Stanford University Lib
Stanford, Californi
Return this book on or before dat

Цѣна 1 руб. 25 коп.

этой газетѣ первенствующее значеніе между другими. Умѣренный либерализмъ Крашевскаго долженъ былъ послужить къ ослабленію ожидавшагося взрыва политическихъ страстей, который, какъ предвидѣла либеральная партія, могъ имѣть весьма прискорбныя послѣдствія для мирнаго развитія страны. Къ сожалѣнію, наша администрація тогда этого не поняла. Крашевскій уѣхалъ за границу, и изданіе, которому онъ съумѣлъ въ короткое время доставить 8000 подписчиковъ (цифру, до тѣхъ поръ небывалую и не повторявшуюся болѣе въ лѣтописяхъ варшавской *большой* прессы) и сдѣлать самымъ вліятельнымъ органомъ въ Польшѣ, постепенно стало падать, хотя и осталось вѣрнымъ направленію, данному ему Крашевскимъ. Нынѣ оно занимаетъ среднее мѣсто между консервативными и прогрессивными органами. Впрочемъ, такъ какъ обсужденіе вопросовъ внутренней политики допускается варшавскою цензурою въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, то газета эта мало чѣмъ отличается отъ прочихъ большихъ газетъ. Выдается только критическій отдѣлъ газеты, составляемый очень трезво и дѣльно.

IV. Партія *прогрессивная.* Хотя въ Польшѣ всегда встрѣчались смѣлые и самостоятельные умы, которые рѣшались указывать на несостоятельность многихъ экономическихъ и политическихъ традицій, пріобрѣвшихъ полное право гражданства въ польскомъ обществѣ, однако, до сихъ поръ люди эти составляли такое незначительное меньшинство, что о партіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не могло быть и рѣчи. Только за послѣдніе годы, вмѣстѣ съ выше указаннымъ поворотомъ въ польской общественной мысли, число сторонниковъ прогрессивныхъ идей стало быстро возростать, такъ что они составляютъ нынѣ группу людей, которую

Цѣна 1 руб. 25 коп.

DK 651 .W2 M52
Varshava i varshaviane
Stanford University Libraries
3 6105 041 465 043
DK
651
W2 M52
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

